

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Сухова Н.Ю.,
доктор церковной истории,
доктор исторических наук (ПСТГУ)

**МОСКОВСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ
ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ:
ВЕХИ ИСТОРИИ**

[Эл.издание. М., 2014]

© Сухова Н.Ю., 2014

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Издательство «Аксион эстин»
www.axion-estin.ru

Москва, 2014

Сухова
Наталья Юрьевна

МОСКОВСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ: ВЕХИ ИСТОРИИ

Содержание

Введение

1. Школа братьев Лихудов (1685–1701)

Предыстория создания школы братьев Лихудов
Московская школа братьев Лихудов (1685–1694)
Московская школа при преемниках Лихудов (1694–1701)

2. Московская Славяно-греко-латинская Академия (1701–1814)

Московская Славяно-греко-латинская Академия в первые десятилетия XVIII в. (1701–1741)
Московская Академия в 1741–1775 гг.
Московская Академия при митрополите Платоне (1775–1812)

3. Исторический путь Московской Духовной Академии (1814–1920-е гг.)

Преобразование 1814 г. и деятельность Московской Духовной Академии по правилам Устава 1814 г. (1814–1870)
Московская Духовная Академия после преобразования 1870 г.
Московская Духовная Академия в начале XX в.
Московская Духовная Академия после 1917 г.

4. Московская Духовная академия в новейшее время (после 1944 г.)

Возрождение Московских духовных школ (1944–1988 гг.)
Московская Духовная Академия в 1988–1998 гг.
Московская Духовная Академия в 1998–2011 гг.

Введение

Данная статья представляет основные вехи исторического пути Московской Духовной Академии, который был начат основанием в Москве школы братьев Иоанникия и Софрония Лихудов и продолжается до настоящего дня. Несмотря на то, что в 1814 г. Московская Академия претерпела радикальное преобразование, изменившее не только ее задачи и структуру, но и местоположение, следуя традиции, подтверждаемой и современной Московской Духовной Академией¹, мы

¹ Об этом свидетельствует сам факт празднования юбилеев Московской Духовной Академии, отсчитываемых от основания школы Лихудов в 1685 г., последний из которых — 325-летие — праздновался академией в 2010 г.

рассматриваем историю московской школы XVII — начала XXI в., как единое целое. Само историческое изложение следует предварить обзором историографии и источников по теме.

В истории Московской Академии можно выделить четыре основных периода:

1) период с момента основания школы братьев Лихудов до преобразования и получения статуса Академии в 1701 г. (1685–1701);

2) деятельность Славяно-греко-латинской Академии до радикального преобразования по общему духовно-академическому Уставу и перевода в Троице-Сергиеву Лавру в 1814 г. (1701–1814);

3) деятельность Московской Духовной Академии вплоть до полного завершения занятий (1814–1920-е гг.);

4) деятельность возрожденной Московской Духовной Академии с 1946 г. по настоящее время.

Каждый из выделенных периодов можно, в свою очередь, разделить на несколько подпериодов — это будет сделано в процессе изложения.

Несмотря на довольно обширную историографию, как дореволюционную, так и современную, нельзя сказать, что история МДА изучена в должной степени; с ней связано немало исследовательских проблем.

Так, ряд исследовательских проблем связан с «ключевыми моментами» в истории МДА, то есть с начальным моментом этой истории преемством различных ее этапов. Связана ли школа, учрежденная в Москве в 1685–1867 гг. греческими иеромонахами братьями Лихудами, с русскими образовательными проектами прошлых лет, в частности, проектам Академии, составленном в 1682 г.? Являются ли все эти московские школы — школа братьев Лихудов, Славяно-греко-латинская Академия, Московская Духовная Академия в Троице-Сергиевой Лавре и современная Московская Духовная Академия, возрожденная в 1940-х гг., — одной и той же школой или это отождествление искусственно? Наиболее активные дискуссии связаны в последние годы с интерпретацией взаимосвязи между Славяно-греко-латинской Академией и Московской Духовной Академией, открытой в 1814 г. в Троице-Сергиевой Лавре. С одной стороны, как уже было указано, нынешняя Московская Академия традиционно ведет свою историю от школы Лихудов и отмечает юбилеи «от 1685 г.». С другой стороны, современная «университетская» историография видит в Славяно-греко-латинской Академии, как школе общеобразовательной, предтечу Московского Университета, а не специально-богословской высшей школы — Московской Академии XIX — начала XX в.² И у историков самой Славяно-греко-латинской Академии в последние годы появились мнения о передаче Академией эстафеты Московскому университету³. Конечно, дело решает примирительная точки зрения — считать Славяно-греко-

² Андреев А. Ю. Начало университетского образования в России: точки зрения российской и зарубежной историографии // Отечественная история. 2008. № 4; *Он же*. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: «Знак», 2009 и др.

³ Ларионов А. А. «Университетская автономия» в Московской Славяно-греко-латинской Академии (XVIII — начало XIX века) // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2010. № 3. С. 27–39.

латинскую Академию началом как университетского, так и высшего духовного образования в Москве⁴, — но и она не снимает исследовательских вопросов о постепенном формировании высшего духовного образования.

Особую актуальность имеет в наши дни изучение истории МДА в период после 1869 г., когда бурное развитие исследований поставило много сложных вопросов, связанных с местом и значением богословия в системе научного знания, методах богословских исследований, специфике богословской науки. Несмотря на то, что к настоящему времени в историографии имеется уже немало статей и монографий, посвященных профессорам Академии этого периода, а также различным аспектам академической жизни, все же полной картины исторического пути Академии во второй половине XIX — начале XX веков в научной литературе пока не создано. Кандидатские диссертации выпускников МДА, посвященные периодам 1870–1900 и 1900–1917 гг., построены только на опубликованных источниках, да и они не изданы в виде монографий, а являются достоянием библиотеки МДА⁵.

Требуется пристального изучения деятельность МДА в послереволюционный период, судьбы членов преподавательской корпорации, выпускников и студентов. Прежде всего, это относится к последним годам существования дореволюционной Академии после переезда в Москву. В этом направлении сделано уже немало и историком МДА протодиаконом Сергием Голубцовым⁶, и исследователями, собирающими материалы по судьбам новомучеников и исповедников из состава преподавателей и выпускников МДА. Однако полной картины до сих пор нет.

Крайне плохо изучена деятельность возрожденных Московских духовных школ во второй половине 1940-х — 1970-х гг. Есть работы, в которых изложены основные сведения по истории духовного образования в эти годы в целом⁷, история же Московских духовных школ в этот период ждет своих исследователей.

В последние годы исследователи нередко обращаются к историческому прошлому Московских духовных школ. Корпорацией МДА предприняты усилия по созданию полноценной истории своей школы, с привлечением научного потенциала церковных и светских исследователей. Проведены конференции, посвященные 320-летию и 325-летию Академии, ряд материалов издан в

⁴ О значимости этой точки зрения свидетельствует, например, проведенная 6–7 декабря 2004 г. в Москве совместная научная конференция МДА и Московского государственного университета на тему: «Московский государственный университет и Московская духовная академия: 250 лет совместного служения России».

⁵ *Киселев А., диак.* История Московской Духовной Академии 1870–1900: В 3-х т. Дисс. ... канд. богосл. Загорск: МДА, 1974; *Голубцов С., диак.* История Московской духовной академии 1900–1919: В 3 т. Дисс. ... канд. богосл. Сергиев Посад: МДА, 1977.

⁶ *Голубцов С. А., протодиак.* Московская духовная академия в эпоху революций. М., 1999.; *Он же.* Профессура МДА в сетях ГУЛАГа и ЧК. М., 1999; *Он же.* Стратилаты академические: Работорцы за Церковь в корпорации Московской Духовной Академии первой половины XX века. Жизнь, труды и крестный путь: По материалам архивов и публикаций. Обзор и исследование. М., 1999.

⁷ См., например: *Цытин В., прот.* История Русской Церкви 1917–1997. М., 1997. С. 622–634; *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 332–394; *Матюшин С., диак.* Духовное образование в России при Н. Хрущеве (1954–1964) // Церковь и время. 2001. № 1 (14). С. 296–322.

юбилейных сборниках «Богословского вестника», преподавателям и выпускникам МДА посвящено немало статей в изданных томах «Православной энциклопедии». Следует надеяться, что предстоящий юбилей — 200-летие пребывания МДА в стенах Троице-Сергиевой Лавры — послужит катализатором для усиления работы в этом направлении, систематизации и обобщению уже имеющихся исследований.

1. Школа братьев Лихудов

История Московской Духовной Академии, даже при пристальном изучении ее корней, ведется с основания школы греческих иеромонахов Иоанникия и Софрония Лихудов (1685–1687 гг.) Однако для понимания всей сложности и выстраданности московской духовно-учебной традиции необходимо всмотреться в предшествующий период — период «школьных» исканий и разочарований, неоднократных попыток учредить в Москве школу, дающую высшее образование. Поэтому собственно история школы Лихудов предваряется предысторией, а последует ей краткое обозрение «пост-Лихудовского» периода, когда основанную ими школу пришлось возглавить их непосредственным ученикам.

Предыстория создания школы братьев Лихудов

Московская школа, преобразованная в дальнейшем в Славяно-греко-латинскую Академию и Московскую Духовную Академию, возникла в контексте наложения двух исторических процессов. С одной стороны, борьба Реформации и Контрреформации в XVI–XVII вв. привела к активизации как протестантского, так и католического прозелитизма в православных странах. Большое значение имела активность иезуитов и реакция на их деятельность представителей католицизма, так или иначе отражавшиеся на православных. В этих условиях Православной Церкви необходимо было иметь богословскую защиту от этого прозелитизма. Так как Россия была единственной православной державой, находящейся вне зависимости от турецкого влияния, в открытии высшей школы именно в Москве были заинтересованы как Восточные Патриархаты, так и думающие люди в самой России⁸. Восточные патриархи еще в XVI в. обращались в Москву с просьбами об открытии высшей школы греческого типа.

С другой стороны, следует иметь в виду процесс становления и распространения в Европе системы высшего образования в виде университетов. Хотя этот процесс и не был связан непосредственно с конфессиональной борьбой, последняя служила определенным катализатором его развития. В XVI–XVII вв. этот процесс захлестнул Восточную Европу и достиг границ Московского царства⁹.

⁸ Кириллин В. М. Русская образованность в X–XVII веках. Часть вторая. Культурно-исторические предпосылки появления в Московской Руси систематических школ в XVII в. // Православный образовательный портал «Слово» (<http://www.portal-slovo.ru/philology/37500.php> — обращение 10.07.2012)

⁹ См., напр.: Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

Но, несмотря на правило Константинопольского Собора Вселенских (Восточных) Патриархов 1593 г., утвердившего патриаршество на Руси и вменившего каждому епископу в обязанность развивать изучение Священных текстов¹⁰, ни в Москве, ни, тем более, в других городах, ничему, кроме чтения и письма, не учили. Царь Борис Феодорович в 1600 г. намеревался завести в Москве даже университет, пригласив немецких профессоров и докторов, но опасения, что разноязычие разрушит русское «единство Закона и языка», веры, добронравия и согласия, побудили духовенство отговорить царя от этой затеи — по крайней мере, от вверения обучения российского «юношества Католикам и Лютеранам»¹¹. Об отсутствии более или менее серьезного образования в Москве до XVII в. свидетельствуют как печалования самих москвичей, так и наблюдения иностранных путешественников, хотя доверять последним можно, разумеется, далеко не всегда¹².

Однако первые десятилетия XVII в., с их бурными событиями — Смутой, польским нашествием — показали, что отсутствие истинного просвещения не может быть залогом единомыслия и мира. Справа богослужебных книг, начатая при патриархе Филарете, также выявила отсутствие способных к этому лиц, сведущих в греческом языке и богословии, а, значит, и невозможность для Русской Православной Церкви исправить ошибки, накопившиеся при переписке и перепечатывании, и связанные с этим богословские заблуждения. Было очевидно, что знаний, имеющихся в русском, даже относительно образованном, обществе, было недостаточно, и в последующие годы учреждение школы, дающей фундаментальные знания, в том числе, богословские, стало одной из главных задач. При этом, в отличие от Юго-Западной Руси, в Московской развитие образования было совместной инициативой Церкви и государства, хотя имели место и частные побуждения. Об этом свидетельствуют сохранившиеся источники: патриаршие и царские указы и грамоты, проекты, послания, фрагменты полемических и гомилетических сочинений, челобитные, записи в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа, статейные списки.

Так как своими силами, очевидно, устроить такую школу было невозможно, а иноконфессиональные силы привлекать все же не решались, помощь можно было получить либо от греков, либо от малороссийских школ — прежде всего, киевской.

¹⁰ В 7-й главе определений Собора 1593 г. сказано: «Святой Собор вменяет в обязанность каждому епископу в его епархии заботиться и употреблять возможные способы, чтобы, кто может, изучал Божественные и Священные Писания, и оказывать посильную помощь как наставникам, так и желающим учиться» (цит. по: [Горский А. В., *прот.*] О духовных училищах в Москве, в XVII столетии // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе (далее: ПТСО). 1845. Ч. III. Кн. 2. С. 151).

¹¹ См: Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. / Под ред. А. Н. Сахарова. Т. XI. М., 1991. Гл. 1. С. 125; Сказания современников о Димитрии Самозванце: В 5 ч. / Сост. и вступит. статья Н. Г. Устрялова. Ч. I. СПб., 1831. С. 12–13.

¹² Так, французский авантюрист Жак Маржерет (Margeret), перебежавший из Польши на Московскую Русь в 1600 г. и служивший Лжедмитрию, писал: «Народ русский не знает ни школ, ни университетов. Одни священники наставляют юношество чтению и письму, чем немногие занимаются» (Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. III. СПб., 1833. С. 27). Об этом свидетельствуют и другие пришельцы тех лет, см.: Там же. Ч. V. СПб., 1859. С. 66, 67.

Так, в 1632 г., по просьбе святейшего патриарха Филарета, в Москве остался протосинкелл Александрийского патриарха архимандрит Иосиф — для перевода греческих сочинений против «латинския ереси» и обучения «малых ребят греческаго языка и грамоте». Однако это начинание не дало заметных результатов ввиду скорой смерти и патриарха Филарета, и самого учителя¹³.

Серьезные шаги в образовательных контактах с греками стали предприниматься только во времена царя Алексея Михайловича, который начал приглашать с Востока в Москву учителей для организации школ. Весной 1646 г., по согласованию с царем Михаилом, в Москву был прислан от митрополита Палеопатрасского Феофана архимандрит Великой Константинопольской церкви Венедикт — заниматься специально учительством и книжной справой. Правда, самомнение, попрошайничество и подозрения в подлогах последнего побудили нового государя Алексея Михайловича через некоторое отправить этого учителя восвояси. Около 1649 г. Святейший Патриарх Иосиф просил прислать из Греции одного из лучших греческих богословов того времени протосинкелла Константинопольской патриархии Мелетия Сирига, известного своими полемическими трудами против кальвинистов и богослужебными песнопениями, уже приезжавшего в Москву в 1643 г.¹⁴ Однако вместо него в Москву приехал в качестве сопровождающего Иерусалимского патриарха Паисия иеромонах Арсений Грек, получивший образование в Римском и Падуанском университетах. Судьба этого учителя была непростой: он занимался переводами с греческого и практиковал как учитель, затем за старые вероисповедные грехи был сослан на Соловки, в 1653 г. возвращен в Москву Патриархом Никоном для участия в справе книг и вновь пострадал за то, что «портит своєю справою старые русские книги»¹⁵. К тому же 1653 г. относится попытка начать учительствовать в Москве учителя митрополита Навпакта и Арты Гавриила Власия — видимо, посланного Восточными Патриархами, — но его сан делал преподавание затруднительным¹⁶.

В конце XVII в. активным сторонником создания в Москве греческой типографии и соответствующей школы при ней стал Иерусалимский Патриарх

¹³ Кантерев Н. Ф. О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской Академии: [Речь, произнесенная на публичном акте Московской духовной академии 1 октября 1889 г.] // Приложение к Творениям святых отцов в русском переводе. 1889. Ч. XLIV. Кн. 4. С. 588–589.

¹⁴ См.: Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы (862–1863). СПб., 1884. С. 196.

¹⁵ См.: Кантерев Н. Ф. О греко-латинских школах... С. 589–590, 594, 598–599, 601–603; Он же. Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Июль. С. 70–96.

¹⁶ См.: Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1994. С. 310–311, 345–347; Кантерев Н. Ф. О греко-латинских школах... С. 598–599, 621–622; Он же. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1883. Кн. 12. С. 489–495; Сменцовский М. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII вв. СПб., 1899. С. 7–8; Фонкич Б. Л. Из истории греческо-украинско-русских культурных связей в первой половине XVII в. // Византийский временник. Т. 52. М., 1991. С. 141–147.

Досифей¹⁷. Конечно, его волновало больше не развитие образования в России, а сохранение и распространение византийского культурного наследия. По идее Патриарха Досифея единственным надежным фундаментом для школы в России могла стать греческая концепция образования, так как на греческом языке написано Священное Писание Нового Завета, Деяния Соборов, правила и творения святых Отцов. Кроме того, такой подход позволял уберечь учащихся от латинских влияний, «иже исполнены суть лукавства и прелести, ереси и безбожства»¹⁸. Так в 1681 г. в Москве возникла греко-славянская школа на московском Печатном дворе под руководством иеромонаха Тимофея. Она задумывалась как высшая школа типа греческого фронтистирия, хотя в реальности до уровня высшей школы не дотягивала, а являлась средним учебным заведением¹⁹.

Тем не менее, несмотря на неоднократные приезды в Москву и других образованных греков, занимавшихся преимущественно переводами, школьное же дело так и не налаживалось. Хотя в историографии иногда встречаются мнения об активной деятельности греческих школ в русской столице²⁰, даже в случае согласия с таким утверждением его следует дополнить выводом о том, что существовали эти школы недолго и не имели продолжения.

Более плодотворными казались контакты с киевской ученостью. Еще в 1640 г. царь Михаил Федорович получил предложение от митрополита Киевского Петра Могилы открыть в Москве монастырь, в котором киевские ученые монахи могли бы учить «грамоте греческой и славянской детей бояр и простого чину»²¹. Но тогда «ученость» Киево-Могилянской коллегии, выработанная на основе западно-европейской традиции, видимо, не внушала доверия. Однако преемник царя Михаила Алексей Михайлович уже в 1649 г. обратился к Киевскому митрополиту Сильвестру (Коссову) и Черниговскому епископу Зосиме (Прокоповичу) с просьбой прислать в Москву ученых иноков, знающих греческий и латынь. В скором времени в Москве собралась первая плеяда киевских монахов — Арсений (Сатановский), Епифаний (Славинецкий), Дамаскин (Птицкий) — выпускников еще до-могилянской Братской школы. Именно с деятельностью этих иноков в Андреевом Преображенском монастыре, основанном в 1648 г. боярином Ф. М. Ртищевым с училищной целью — «для распространения свободных мудростей», — некоторые историки связывают начало систематической школы в Москве

¹⁷ Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа на Московском Печатном дворе в 80-х годах XVII века (Типографская школа) // Очерки феодальной России, М., 1999. Вып. 3. С. 149–246. О намерениях патриарха Досифея см.: Там же. С. 166–167.

¹⁸ Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855. С. 10.

¹⁹ Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа... С. 229.

²⁰ См.: Лукичев М. П. К истории школьного образования в России в XVII веке // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси (Малоисследованные проблемы и источники). М., 1983. С. 85–86; Кириллин В. М. Русская образованность в X–XVII в. § III: Первые попытки создания в Московской Руси систематических школ в XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 5–23. Более ранних сторонников такого мнения оспаривает Н. Ф. Каптерев, в результате собственного исследования заключивший, что точных сведений о греческих школах XVII в. в Москве не дошло потому, что самих школ — в смысле приобщения к высшему знанию — не было (см.: Каптерев Н. Ф. О греко-латинских школах... С. 588–603).

²¹ Цит. по: Татарский И. А. Симеон Полоцкий // ПТСО. 1885. Ч. XXXVI. Кн. 4. С. 554.

(«Ртищевское братство»)²². Но если привлечение киевских ученых иноков к переводческой и редакторской работе, необходимой для издания славянской Библии и богослужебных книг, имело очевидный успех, школьное дело опять реализовывалось по «остаточному» принципу. Поэтому, несмотря на отдельные сведения о действующих школах в Андреевом и Чудовом монастырях, учителем которых являлся Епифаний (Славинецкий), школьной традиции они также не заложили²³.

Говоря о московской духовно-учебной традиции, нельзя не обратиться к еще одному выпускнику Киевской школы, уже могилянкой эпохи, затем Виленской иезуитской коллегии, появившемуся в Москве в 1663 г., — Симеону Полоцкому. Относительно его значения для истории российского образования в целом и предыстории московских духовных школ нет единого мнения: одни исследователи ублажают его деяния, другие считают во многом виноватым в победе латинского школьного направления над греческим²⁴. Однако никто не высказывает сомнений относительно усиленного стремления Симеона к просвещению, прежде всего, — богословскому, и яркого вклада, который он, благодаря своему влиянию, внес в формирование самого типа высшей школы в Москве. Из идей Симеона Полоцкого, важных для московской образовательной традиции, следует отметить проект Академии, составленный Симеоном Полоцким и зафиксированный в знаменитом памятнике — «Привилегии на Академию» — по мнению современных исследователей, представляющий вариант православного российского университета²⁵.

²² Историки, считающие «Ртищевское братство» первой московской регулярной школой, основываются преимущественно на житии Федора Ртищева: Житие милостивого мужа Феодора, званием Ртищева // *Козловский И. П.* Ф. М. Ртищев: историко-литературное исследование. Киев, 1906. С. 155–168.

²³ По поводу этих школ и их значительности в историографии также нет единого мнения, хотя наличие отдельных учеников Епифания, наиболее известным из которых являлся инок Евфимий — будущий борец с «хлебопоклонной ересью», — свидетельствуют о каком-то обучении. Н. Ф. Каптерев считает, что сведения о малороссийских школах в Москве в XVII в. сильно преувеличены (см.: *Каптерев Н. Ф.* О греко-латинских школах... С. 588–603). К. В. Харлампович доказывает, что упоминания о «Ртищевском братстве» не дают никакого основания считать его школой, тем более — основанием московской учебной традиции (см.: *Харлампович К. В.* Ртищевская школа // *Богословский вестник* (далее: БВ). 1913. Т. II. № 5. С. 1–22). См. также: *Певницкий В. Ф.* Епифаний Славинецкий — один из главных деятелей русской духовной литературы XVII в. // *Труды Киевской Духовной Академии* (далее: ТКДА). 1861. Т. II; *Панченко А. М.* Епифаний Славинецкий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. XVII в. СПб., 1992. Ч. 1. С. 309–313.

²⁴ О просветительских деяниях Симеона Полоцкого более подробно см. статью Н. Ю. Суховой «Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII — начало XX в.)» на этом диске.

²⁵ Этот документ был опубликован в следующем столетии Н. И. Новиковым: *Древняя Российская вивлиофика*, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся. Ч. VI. М., 1788. С. 390–420. Сама рукопись хранится в: ГИМ. Синодальное собрание. № 44; копия: РГАДА. Ф. 18. Духовное ведомство. Обработка документа принадлежала, видимо, последователю Симеона Полоцкого Сильвестру Медведеву.

Однако само привлечение в Москву западно-русских учителей выявило две характерные особенности московского контекста, которые и в дальнейшем влияли на формирование московской образовательной традиции. Во-первых, новые учителя, даже тяготевшие к «греческой» традиции, и, тем паче, последующие, приносили чужой язык — и латинский, и отчасти связанный с ним польский — языки католичества и, по мнению московских «ортодоксов», зараженность католическими идеями. Во-вторых, частная инициатива Ртищева, несмотря на разрешение властей, так и не дала плодов, что еще раз проявило организационные традиции Московского царства: все «новины» утверждать и основывать по повелению высшей власти²⁶.

Так или иначе, но основателями московской образовательной традиции стали прибывшие в марте 1685 г. ученые монахи Софроний и Иоанникий Лихуды, считавшие себя потомками древнего рода и, в частности, профессора Константина Лихуда, преподававшего право в Константинопольском университете еще в XI в.²⁷.

Московская школа братьев Лихудов (1685–1694)

Биография, деятельность и литературное творчество Лихудов, начиная с середины XIX в., занимали многих историков Церкви, российского образования, науки и греческо-русских связей²⁸. Греки, выходцы с о. Кефалонии, получившие образование в Венецианском и Падуанском университетах, братья Лихуды были одновременно носителями и восточно-византийской традиции, и западно-европейской образованности. Возможно, это повлияло на успех их образовательной деятельности в России и послужило жизнеспособности основанной ими школы²⁹.

В историографии неоднозначно решается вопрос о связи этой школы с проектом Академии 1682 г. Историки XIX в. склонялись к их неразрывной связи и считали именно школу Лихудов реализацией проекта 1682 г. — замысла «первого

Более подробно об этом документе и его значении в истории русского просвещения см. статью Н. Ю. Суховой «Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII — начало XX в.)» на этом диске.

²⁶ Киселева М. С. Истоки российского образования во второй половине XVII в.: малороссийское влияние // Философский век. Альманах. Вып. 28. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 1. / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2005. С. 83–84.

²⁷ История Византии / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1997. Т. 3. С. 356.

²⁸ См., например: Смеловский А. Братья Лихуды и направление теории словесности в их школе // ЖМНП. 1845. Ч. XIV. Отд. 5. С. 31–96; Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской Академии...; Миркович Г. О времени пресуществления Святых Даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII века. Опыт исторического исследования. Вильна, 1886; Сменцовский М.[Н.] Братья Лихуды: опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899; Кантерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII столетиях. (2-е изд.) Сергиев Посад, 1914; Яламас Д. А. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. Дисс. ... канд. филол. н. М., 1992 и др.

²⁹ Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 25; Фонкич Б. Л. Греко-славянская школа... С. 230.

Великороссийского университета»³⁰. Их мнение подкреплялось дальнейшей традицией Московской Академии: она признавала своим «отцом-основателем» именно царя Федора Алексеевича, и в зале публичных собраний академического здания висел портрет царя Федора³¹.

Однако современные исследователи выявили, что «Привилегия» не была подписана московскими государями, то есть, так и не получила статуса государственного документа, да и школа Лихудов не была ориентирована на этот проект³². Одним из главных критериев «университетского статуса», сформировавшихся к XVII в., помимо университетских свобод и права присуждения ученых степеней, являлось покровительство государственной власти, а инициатива в приглашении Лихудов и открытии их школы принадлежала преимущественно верховной церковной, а не государственной — царской — власти. По замечанию Б. Л. Фонкича, Лихуды в управлении Академией действовали самостоятельно, «были опытными педагогами, докторами Падуанского университета, «учителями высоких наук» и лучше многих в Москве представляли себе, как нужно «строить» академию»³³.

Школа Лихудов изначально была помещена в Богоявленском монастыре. Днем ее основания считается 12 декабря 1685 г., когда Патриарх Иоаким благословил новую школу иконой³⁴. Лихуды вели обучение в своей школе по тем же образовательным принципам, что и в современных им университетах Европы, использовали те же «классические книги», адаптируя их к пониманию своих учеников. Однако при этом следует сделать оговорку. Общая структура образования, характерная для XVI–XVII в. и унаследованная от древних университетов, подразумевала восхождение в познании от наук общих — гуманитарных и отчасти естественных, — к высшим специальным наукам, к которым относилось и богословие. Развитие философии постепенно выделило ее из комплекса общих наук и в XVII в. она также стала относиться к высшим наукам. Так же были устроены иезуитские академии, учебный план которых был зафиксирован в «Ratio studiorum» (1599)³⁵: восходящая система дисциплин с

³⁰ *Надеждин Н. И.* Палладий Роговский, первый русский доктор // *Сын Отечества*. 1840. Т. 4. С. 607; *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 15; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881. Переизд.: СПб., 2001. С. 9–11.

³¹ *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 40.

³² *Фонкич Б. Л.* «Привилегия на Академию» Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // *Очерки феодальной России*. Вып. 4. М., 2000. С. 237–297; *Он же.* К вопросу о соотношении академии Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева и академии братьев Лихудов // *Лихудовские чтения*. Новгород, 2001. С. 28–29.

³³ *Фонкич Б. Л.* К вопросу о соотношении академии Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева и академии братьев Лихудов // *Новгород, Лихудовские чтения*, 2001. С. 29.

³⁴ В историографии можно встретить в качестве года основания школы Лихудов и 1682 г. (по связи с проектом Академии), и 1687 г. (перевод школы в Спасской монастырь и слияние с Типографской школой).

³⁵ «Ratio Studiorum atque Institutio Studiorum Societatis de Jesu» («Порядок изучения наук, а также Устроение ученых занятий в Обществе Иисуса»), официально опубликованный в 1599 г. — теоретическое выражение учебной концепции Общества Иисуса, являющейся адаптацией средневековых школьно-университетских канонов к новым условиям и задачам образования XVI в.

доминирующей гуманитарно-словесной составляющей, венчаемая философией и богословием.

Но для изучения высших наук — философии и богословия — необходимо было получить основательную гуманитарную базу, поэтому братья Лихуды в первые годы своей учебной деятельности в России и занимались преимущественно преподаванием не богословия и даже не философии, а языков, филологии, истории. Большой заслугой Лихудов являлось введение в России систематического обучения классическим языкам и связанным с этим наукам, которое подготовило первое поколение людей, способных в дальнейшем заниматься как переводами, так и решением научных и культурных проблем. Современные исследователи отмечают еще одну заслугу Лихудов: переводением на российскую почву духа и достижений «Критского ренессанса», давшим православный ответ на вопрос о светском образовании, особенно обостренный в России вследствие недавнего церковно-культурного раскола³⁶.

К Рождеству 1687 г. в Академии числилось уже 76 учащихся: в том числе два иеромонаха, два иеродиакона и один монах. Помещаться в старом здании было уже сложно, и в ноябре того же 1687 г. по указу Святейшего Патриарха «Богоявленского монастыря греко-латинские школьные учителя иеромонахи Иоанникий да Софроний с учениками с иеродиаконем Дионисием с товарищи переведены в Спасской монастырь, что за Иконным рядом, в новые каменные школы»³⁷. Монастырь Всемиловитого Спаса (Заиконоспасский) стал на долгие годы (127 лет) центром московского образования, а сама школа братьев Лихудов в первые годы называлась «греческими, или Спасскими, школами». При этом только что построенное деревянное здание школы Лихудов было «безденежно» передано Богоявленскому монастырю. Таким образом, Типографская школа влилась в полном составе в школу братьев Лихудов и последняя стала монополистом столичного образования.

Еще больше укрепился авторитет Лихудов в связи с их успешным участием в спорах о времени пресуществления Святых Даров на Божественной Литургии и связанном с ним вопросе о поклонении Телу и Крови Христовым. Уже первый диспут с Яном Белободским, состоявшийся вскоре после приезда Лихудов и завершившийся их явным преимуществом, высоко поставил ученость Лихудов в глазах московских людей. Еще более укрепила это мнение глобальная победа над сторонником «латинствующей» партии Сильвестром Медведевым. Наконец, постановления о «хлебопоклонной ереси», принятые на Московском соборе 1690 г., казалось бы, гарантировали Лихудам уважение в московских высших церковных и государственных кругах и надежные учительские перспективы.

Однако после нескольких довольно спокойных и успешных лет преподавания школа братьев Лихудов лишилась своих учителей. В 1690 г.

³⁶ Яламас Д. А. Значение деятельности братьев Лихудов в свете греческих, латинских и славянских рукописей и документов из российских и европейских собраний. Автореферат дисс. ... докт. филол. н. М., 2001. С. 34.

³⁷ Рамазанова Д. Н. Богоявленская школа — первый этап Славяно-греко-латинской академии // Очерки феодальной России. Вып. 7. М., 2003. С. 237; Сменцовский М. Н. Братья Лихуды: опыт исследования... С. 68.

скончавшегося Патриарха Иоакима сменил Патриарх Адриан, а в 1693 г. против греческих учителей была предпринята кампания³⁸. Во-первых, пославший Лихудов в Москву Патриарх Досифей обвинил их в неисполнении его благословения: они преподавали не богословие исключительно на греческом языке, а иные науки, да еще и на латинском языке. Возможно, это обвинение было спровоцировано дополнительной интригой, связанной с племянником Патриарха архимандритом Хрисанфом: последний, попав в Москву и рассчитывая на материальную помощь Лихудов, ее не получил. Во-вторых, так или иначе на положении Лихудов сказался их конфликт с Сильвестром Медведевым и обвинения, выдвинутые против Лихудов в их пренебрежении к европейской концепции Симеона Полоцкого³⁹. В-третьих, Лихуды оказались запутанными в деле о наследстве умершего иеродиакона Мелетия: к ним, как душеприказчикам последнего, были предъявлены претензии его кредитора⁴⁰. Наконец, Иоанникия Лихуда обвинили в спекуляциях и превышении полномочий во время дипломатической и торговой поездки в Италию, предпринятой им по поручению В. В. Голицына. Положение усугублялось поведением сына Иоанникия, вызывавшим нарекания московских жителей. Насколько бы ни были справедливы все эти претензии и обвинения, результатом явилась высылка Лихудов во второй половине 1694 г. из Академии в Типографию, где они стали учить желающих итальянскому языку⁴¹.

Однако «лихудовский» период в истории московской школы не прошел бесследно. Трудно говорить о богословской деятельности их непосредственных учеников, так как греческие учителя так и не успели дойти до преподавания богословия. Однако можно говорить о выполнении задач общеобразовательной школы. Так например, учился в школе Лихудов знаменитый Л. Ф. Магницкий — автор «Арифметики» (1703), по которой учились многие поколения русских подростков, с 1703 г. — учитель в Сухаревской математической школе, в дальнейшем — руководитель Навигацкой школы⁴². Конечно, его математические знания поражавшие современников, были набраны в значительной степени самостоятельно, однако для общего уровня образования в школе имело, несомненно, большое значение.

Московская школа при преемниках Лихудов (1694–1701)

³⁸ Галкин А. Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913. С. 87.

³⁹ Яламас Д. А. Столкновение представителей греческой и латинской культур в Москве во второй половине XVII столетия (некоторые эпизоды из жизни братьев Лихудов) // Москва, научные доклады филологического факультета МГУ, 1990. Вып. 2. С. 120–122.

⁴⁰ Там же. С. 88.

⁴¹ Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской Академии... С. 30-36; Сменцовский М.[Н.] Братья Лихуды: опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVIII и начала XVIII веков. СПб., 1899.

⁴² Галанин Д. Д. Магницкий и его арифметика. М., 1914; Гнеденко Б. В., Погребысский И. Б. Леонтий Магницкий и его «Арифметика» // Математика в школе. 1969. № 6. «Магницкий» — фамилия, данная урожденному Телятину по указу Петра I, «в знак почтения и признания достоинств».

Однако учебный процесс в Академии не прекратился: по благословению Патриарха Адриана места наставников заняли ученики Лихудов Николай Семенов (Головин)⁴³ и Федор Поликарпов. Пять с половиной лет они преподавали грамматику, пиитику и риторику и элементы философии на греческом языке, так как по требованию Иерусалимского патриарха латынь в Академии не преподавалась. Конечно, после оставления Лихудами начальствования и преподавания московская школа переживала не лучшие времена, ибо их ученики не успели получить систематического богословского образования, да и в методическом отношении стать полноценными наставниками и учителями. Поэтому богословие в школе не преподавалось, да и уровень преподавания в целом заметно понизился. В 1698 г. царь Петр Алексеевич, отметив, что «хоть и есть своя школа, да мало в ней пользы», предложил Патриарху Адриану посылать молодых людей в Киевскую коллегию⁴⁴.

Некоторые русские богословы по-прежнему отправлялись в заграничные университеты, получая там образование и ученые богословские и философские степени. Но таковые случаи исчислялись единицами. Так, например, в 1698 г. получил ученую степень доктора философии и богословия при окончании коллегии святителя Афанасия в Риме архимандрит Палладий (Роговский), бывший питомец школы братьев Лихудов еще по Богоявленской школе⁴⁵. Во время своих образовательных странствований Палладий провел по году в иезуитских коллегиях Вильны, Нейсса, Ольмюца. Обучение в католических учебных заведениях обязывало к принятию, по крайней мере, униатства, а этот шаг открыл Палладию дорогу в Рим, где за семь лет ему удалось пройти полный курс греко-униатской коллегии свт. Афанасия и достичь звания доктора философии и богословия.

Но сама Московская Славяно-греко-латинская академия прямой задачи формирования научных кадров перед собой на этом этапе не ставила, хотя и имела с самого своего учреждения вполне обоснованные научные претензии. Однако следует отметить, что даже в неблагоприятные времена в стенах московской школы велась если не научная, то издательская деятельность. Так, в 1697–1699 гг. по указанию Патриарха Адриана Н. Семенов и Ф. Поликарпов готовили к изданию список «Греко-славяно-латинского Лексикона» Епифания Славинецкого, который в дальнейшем оказал огромное влияние на отечественную культуру и науку⁴⁶.

В 1699 г. Николай Семенов и Федор Поликарпов ушли по собственному желанию в Типографию, куда прежде были переведены их учителя. Это не означало краха их ученой деятельности. Так, святитель Димитрий Ростовский,

⁴³ С. К. Смирнов считает, что «Семенов» — отчество ученика Лихудов, фамилия же — «Головин» (см.: Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской Академии... С. 75).

⁴⁴ См.: Галкин А. Академия в Москве... С. 94.

⁴⁵ См.: Палладий Роговский, первый русский доктор // Сын Отечества. 1840. Т. 4. С. 548–628; Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии // Православное обозрение (далее: ПО). 1861. № 2. С. 162–172; Евгений (Болховитинов), митр. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. СПб., 1827. Т. II. С. 949; Смирнов С., прот. Десять поучений первого русского доктора богословия, игумена Палладия (Роговского) [Предисловие] // ПТСО. 1883. Ч. XXXII. Кн. 1. С. 269–276.

⁴⁶ Ленчиненко М. В. «Нарышкинский» список Греко-славяно-латинского Лексикона Епифания Славинецкого. М., 2008. С. 141–142.

познакомившийся с Федором Поликарповым около 1700 г., относился к последнему с особым уважением и до самой кончины посылал Поликарпову свои сочинения, прося советов и комментариев. В 1708 г Ф. Поликарпов был уже директором Типографии, а эта должность в те годы была не сугубо административной, а ответственно-интеллектуальной. После него осталось довольно много трудов: переводы, изъяснения на чины Литургии, составленные грамматики, даже История России XVI–XVII в.⁴⁷

Несколько месяцев московской школой руководил Чудовский монах Иов. Патриарх Адриан просил у Патриарха Досифея новых учителей, но тот ссылаясь на войну между Австрией и Турцией, не позволявшую оперативно исполнить эту просьбу. Наконец, были рекомендованы родосский грек Панагиот, затем иеромонах Дионисий, получивший, так же, как и Лихуды, образование в Италии, а также в Англии и Голландии, знавший не только греческий с латынью, но и богословие и философию. Однако ни один из этих потенциальных учителей в Москве так и не появился.

Историк петровского царствования Н. Устрялов, на основании записки Патриарха Адриана от 13 июля 1699 г. (приложенной к письму Т. Н. Стрешневу), утверждал, что и Патриарха волновало состояние московской школы и он просил доложить царю его соображения по этому поводу: «...еже бы приказать кому книжный печатный двор и назирание школ, где учатся дети и возрастные отроки Славенскаго нашего, Греческаго и Латинскаго языка и грамматического знания, в пользу церкви Божия, и ради всяких к потребе гражданских благоразумных соделований, и переводчиков и лекарских искусств, даст Господь, будут навывкати»⁴⁸. Но, так как сам Патриарх уже лежал на болезненном одре и не чаял оправиться от своих немощей, он предлагал возложить попечение о этом вопросе на архиепископа Афанасия Холмогорского, известного своими просветительскими инициативами и твердой церковностью. Однако этого не произошло: даже если царю были доложены волнения патриарха, не имея четкого плана, он, видимо, не обратил на них внимания, решая вопрос по-своему. При посещении больного Патриарха Петр отметил, что «благодатию Божию и zde есть школа, и тому бы делу порадеть мощно; но мало которые учатся, что никто школы, как подобает, не надзирает». Тем не менее, царь думал не о поражении, а о радикальном преобразовании: так как государственные и церковные интересы требовали подготовки кадров в московской школе, надо было устроить ее соответствующим образом. Необходимость усиливалась тем, что многие, желавшие учить детей «свободным наукам», отдавали детей «иноземцам, ... от чего детям вред и церкви нашей святей может быть спона велия»⁴⁹. В представлении Петра московская

⁴⁷ См.: *Смирнов С. К.* История Славяно-греко-латинской Академии... С. 73–74.

⁴⁸ *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 501. К этому сочинению и достоверности описываемых событий современными исследователями высказано немало претензий, однако вычеркнуть столь значимый вклад в историографию петровской эпохи не представляется возможным.

⁴⁹ *Устрялов Н.* История царствования Петра... С. 511–512. В датировке этого посещения Петра историки расходятся: сам Н. Устрялов датирует ее 4 октября 1698 г. или годом позднее, 1699 г.; Н. Воскресенский относит ее еще на год позднее, к 4 октября 1700 г. (см.: *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Издательство АН СССР, Ленинград, 1945. С. 34).

школа должна быть высшим общеобразовательным заведением, служащим потребностям государства и Церкви, готовящим к наиболее значимым на тот момент служениям, включая медицину и даже военное дело. Это дает основание современным исследователям видеть в словах Петра I идею российского университета, окончательно оформившуюся у него после посещения Западной Европы в составе знаменитого Великого посольства⁵⁰. Заметим и то, что в эти годы Петр, согласно русской традиции, предполагает, что школа должна развиваться под церковным покровом, а попечение о ней следует возложить на достойного иерарха.

Царь и патриарх понимают необходимость развития Академии, и пусть каждый исходит из своей аргументации, но они соглашались, что непосредственное попечение о ней необходимо поручить и, одновременно, ученому. И как раз в это время появляется в Москве префект Киевского коллегиума игумен Стефан (Яворский).

В 1699 г. в Москву возвратился из своего 11-летнего заграничного путешествия уже упомянутый ученик Лихудов иеромонах Палладий (Роговский). Исповедовав Патриарху Адриану свой грех принятия униатства, он описал свое отступление от православия и обличил погрешности римского учения в пространном «Исповедании веры»⁵¹. После этого иеромонах Палладий был принят в недра Православной Церкви, а через год стал ректором московской школы и игуменом Заиконоспасского монастыря, а через два года — первым ректором Академии⁵². Свой, отечественный ректор, имевший опыт обучения в европейских школах, был, конечно, большим приобретением для московской школы. Однако он мог решать так или иначе только внутри-школьные вопросы, для проведения же глобальных преобразований требовалась инициатива церковной и государственной власти.

Вторым важным событием в истории московской школы этих лет стало назначение в 1701 г. Патриаршего Местоблюстителя или «Экзарха Святейшего патриаршего престола, блюстителя и администратора» митрополита Стефана (Яворского) ее протектором. Это произошло либо практически одновременно с назначением митрополита Стефана Патриаршим Местоблюстителем в конце 1700 г., либо в первых числах января 1701 г., так как уже 11 января иезуиты писали о приглашении митрополитом Стефаном в московскую школу нескольких киевских учителей⁵³. Эти две фигуры — митрополит Стефан и архимандрит Палладий — определили новый этап в жизни московской школы, и этот этап стал уже «академическим».

Петр I, огорченный низким уровнем московской школы, дал задание проректору — преосвященному Стефану — применить меры к повышению ее

⁵⁰ См.: Ларионов А. А. «Университетская автономия» в Московской Славяно-греко-латинской Академии (XVIII — начало XIX века) // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2010. № 3. С. 27–39.

⁵¹ Челобитная к патриарху Адриану, описание жития и учения, и исповедание веры Игумена Заиконоспасского училищного монастыря Палладия Роговского // Древняя Российская вивлиофика... 2-е изд. Ч. XVIII. М., 1791. С. 153–197.

⁵² Надеждин Н. И. Палладий Роговский, первый русский доктор. С. 613.

⁵³ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 644.

учебной и научной состоятельности. Царя, видимо, интересовали успехи московского образования безотносительно к культурно-духовным особенностям национальной традиции просвещения. Латынь являлась языком европейской «учености» того времени, поэтому именно латинизированная образовательная система, как казалось, могла включить Россию в европейское научно-образовательное пространство, решить имевшиеся проблемы и открыть дальнейшие перспективы. Во исполнение этого задания митрополит Стефан, сам выпускник и бывший преподаватель богословия Киево-Могиляннской коллегии, составил проект по введению в московской школе учебных планов и программ, административных и бытовых порядков, ориентируясь на киевскую традицию. Конечно, это преобразование не могло обрадовать Восточных Патриархов, в частности, ревнующего о сохранении греческого просвещения Иерусалимского Патриарха Досифея. Но все попытки так или иначе препятствовать утверждению в Москве латинизированной малороссийской образовательной традиции успеха не имели⁵⁴. Уже в январе-феврале 1701 г. митрополит Стефан приглашает в Москву из Киева ученых иноков: в дополнение к упомянутому выше замечанию иезуитов 11 января, 29 февраля того же 1701 г. они сообщают, что из Киева уже приехали монахи, «которые преподают гуманитарные науки, философию и богословие, потому что светлейший царь основал академию и общежитие для тех воспитанников, которые желают быть священниками»⁵⁵.

Официальный царский указ «завесть... латинския учения» в Московской школе был издан 7 июня 1701 г.⁵⁶. Этот момент традиционно считается возведением Московской школы в статус Академии, хотя сам факт неоднозначно трактуется в историографии. Так как самого текста указа Петра I 1701 г. о преобразовании Московской школы так и не обнаружено, все рассуждения исследователей базируются на «Историческом известии о Московской Академии», в котором школа Лихудов сразу называется *Академией*. Однако следует иметь в виду, что «Историческое известие...» составлено в 1726 г., когда термин «Академия» уже укоренился и вполне возможно применение его к «до-академическому» прошлому московской школы.

От петровского указа сохранился лишь фрагмент среди пометок дьяка Ефима Зотова, обнаруженный благодаря архивным поискам, проведенным по

⁵⁴ Кантерев Н. Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. 1895. С. 349–355.

⁵⁵ Харлампович К. В. Малороссийское влияние... С. 645.

⁵⁶ Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика. Ч. XVI. С. 295. Эту дату указывает К. В. Харлампович (см.: Харлампович К. В. Малороссийское влияние на Великоорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 644). С. К. Смирнов, возможно, ошибочно, называет 7 июля (см.: Смирнов С. К. История Московской Академии. М., 1855. С. 80). Оба ссылаются на «Историческое известие о Московской Академии», но там указан только год, без точной даты (см.: Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика. Ч. XVI. С. 302). В современной историографии указываются обе даты, но без дополнительных уточнений.

заказу Святейшего Синода в 1753 г.⁵⁷ Дополнительными основаниями для академического статуса Московской школы с 1701 г. служат «академические свободы» — управления, суда, — которые были присущи в той или иной степени Московской школе первых десятилетий XVIII в., хотя и не проявлялись столь явно, как, например, в Киево-Могилянской Академии⁵⁸.

2. Московская Славяно-греко-латинская Академия (1701–1814)

Более чем вековой период бытия Московской Академии в самом городе — в историографии традиционно ко всему этому периоду относят именование Академии Славяно-греко-латинской — для удобства рассмотрения в настоящем обзоре разделен на три подпериода: 1701–1741, 1741–1775, 1775–1814 гг. Но если события, выделяющие весь этот период — получение статуса Академии в 1701 г., радикальное преобразование или «открытие» с переводением в Троице-Сергиеву Лавру в 1814 г., — безусловно можно считать рубежными, то внутренняя периодизация не столь очевидна. Тем не менее, несмотря на отсутствие принципиальных изменений, начало царствования Елизаветы Петровны в 1741 г. и учреждение вскоре после этого особой Московской епархии; и назначение в 1775 г. архиепископа Московского Платона (Левшина) «полным Директором и Протектором» Московской Академии являются очень важными вехами в истории МДА.

Московская Славяно-греко-латинская Академия в первые десятилетия XVIII в. (1701–1741)

Одним из важных вопросов, связанных с преобразованием 1701 г., является вопрос о преемственности Московской Славяно-латинской Академии по отношению к Лихудовской школе. Академия, как и дореформенная школа, помещалась в Заиконоспасском монастыре, ректор Академии архимандрит Палладий (Роговский) был учеником Лихудов, хотя историки Академии отмечают, что западное образование совершенно «вытеснило» из него заложенное Лихудами⁵⁹. Структура учебного процесса изменилась мало: та же чередованность возрастных классов от элементарных знаний и освоения языка преподавания — латыни — до философии и богословия. Это было естественно, так как иезуитская модель, по примеру которой строили Киевскую Киево-Могилянскую коллегию и преобразовывали московскую школу, не столь сильно отличалась учебной структурой от средневековых университетов: только из трех специальных факультетов был оставлен один, богословский. По всем этим признакам событие 1701 г. можно считать внутренним преобразованием, не нарушавшим преемства. Правда, значительно изменился состав преподавательской корпорации: в Москву

⁵⁷ Ларионов А. А. «Университетская автономия» в Московской Славяно-греко-латинской академии XVIII — начало XIX в.) // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 2010. № 3. С. 27–39 (сами фрагменты обнаружены в: РГИА. Ф. 796. Оп. 68. Д. 530. Л. 5).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Смирнов С. К. История Славяно-греко-латинской Академии... С. 79–80.

приехало большое количество ученых малороссов, некоторые из них привезли с собой и студентов — возможно, для понимания хотя бы с частью аудитории⁶⁰. Перестал изучаться греческий язык, на смену ему пришла тотальная латынь: в бумагах тех лет сама Академия нередко называется «школами латинскими», «школами славено-латинскими»⁶¹. Но и это не может считаться радикальным изменением типа московской школы, тем более, что в дальнейшем и состав преподавательской корпорации постепенно становился великорусским, формируясь из выпускников Академии; вводится, хотя и непросто, и изучение греческого языка.

Но все же некоторые историки видят в проведенном в 1701 г. преобразовании значимые новые черты, претендующие на изменение типа школы. К этим чертам относят упомянутые выше «академические свободы» (управления, суда), так или иначе реализуемые в Московской Академии в последующие годы, а также признание ее статуса государством. Так, например, судебную автономию Академии подтверждает указ Петра I от 20 ноября 1706 г., запрещающий всем приказам, канцеляриям и ратуше ведать «судом и росправою» в каких бы то ни было делах над учащими и учащимися «Славянолатынских школ, которые в Спасове монастыре, что за Иконным рядом». Этот суд и соответствующая расправа передавалась митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану, который «ведаль согласно государеву указу «те школы и учеников»⁶². Эта судебная автономия Славяно-латинской Академии, как и покровительство высшей государственной власти, дают основание делать вывод о том, что Московская Академия после 1701 г. стала первым реализованным российским университетским проектом, включившим черты, присущие европейским «доклассическим» университетам. Важной «университетской» чертой является и всесословность Академии, сохранявшаяся на протяжении всей первой половины XVIII в.

В 1701 г. был возобновлен Монастырский приказ, и финансирование Московской Академии было передано туда⁶³. Несмотря на старания пресвященного Стефана, это финансирование было крайне скудным⁶⁴, жалованье учителям задерживалось, еще сложнее было получить деньги на какие-то общие академические нужды: покупку учебников, писчих принадлежностей. Иногда хлопотами митрополита Стефана удавалось получить дополнительные суммы на экстраординарные нужды: «поновление» или расширение зданий.

В 1718 г., когда преосвященный Стефан был вызван в Петербург для свидетельства по делу царевича Алексея и для отчета по церковным делам, был издан новый государев указ, которым Монастырскому приказу передавались не только финансовые вопросы, но и «расправа и суд» над учащими и учащимися «Славяно-латинских школ» — кроме «разбойных и убивственных дел». Тех, кто «от

⁶⁰ Там же. С. 81.

⁶¹ Там же. С. 82.

⁶² Цит. по: *Ларионов А. А.* «Университетская автономия»... С. 32. Сам документ найден исследователем в: РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 124. Л. 1–1об.

⁶³ (Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание) (далее: ПСЗ I). Т. IV. СПб., 1830. № 1829. С. 133.

⁶⁴ *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914. С. 645.

того учения отстали и записались в разные чины», Монастырский приказ должен был «сыскивать» и с наказанием отсылать в те же школы, взыскивая с них жалование за «прогульные дни»⁶⁵. Монастырский приказ принимал отчеты от руководства Академии и просьбы от желавших учиться в Академии.

В январе 1721 г. была учреждена Духовная коллегия, ставшая вскоре Святейшим Синодом, и все дела Московской Академии были переданы в синодальную контору школ и типографий, которой ведал архимандрит Ипатьевского монастыря Гавриил (Бужинский)⁶⁶. В 1724 г. при Синоде была открыта Камер-контора для церковно-хозяйственного управления, в которую были переданы финансовые и хозяйственные вопросы Академии. Наконец, в 1726 г., при преобразовании Синода и учреждении Коллегии экономии, финансово-хозяйственная жизнь Академии была связана с ней и вместе с этой Коллегией в 1738 г. была передана в ведение Сената.

Однако учебные вопросы академической жизни всегда оставались в ведении Синода: после упразднения в 1726 г. Конторы школ и типографий делами Академии занимался непосредственно Святейший Синод⁶⁷. Синод принимал и увольнял начальствующих и наставников, следил за ходом учебного дела, давал ученые поручения. Для облегчения сношений Академии было разрешено решать некоторые вопросы с московской Синодальной конторой, но важнейшие дела все же посылались в столицу на утверждение Синода. Следует, правда, иметь в виду, что как проректорство над Академией Местоблюстителя Патриаршего престола в 1701–1720 гг., так и непосредственное подчинение Синоду должно рассматриваться с учетом епархиальной специфики. Так как Москва находилась до 1742 г. в *Синодальной* области (бывшей *Патриаршей*), Московская академия вполне естественно подчинялась Синоду, как как архиерейские школы других епархий — своим правящим епископам. Конечно, это подчинение, как и статус Академии, выделяли московскую школу среди архиерейских школ, но дальнейшее учреждение Московской епархии показало, сколь непрочным было это выделение.

Последовательность классов в Московской Академии, как было указано, соответствовала логике того времени. Обучение начиналось со славяно-русской школы, которая сохраняла традиции национального начального образования: здесь учили читать и писать по-русски и по-славянски, как правило, с использованием Псалтири и Часослова. Далее по возрастанию шли классы фары или аналогии, инфимы, грамматики, синтаксисы, пиитики, риторики, философии и богословия, каждый из которых составлял не один год. Класс философии чаще всего по традиции вел префект Академии, класс богословия — ректор. Конечно, случались отступления от этого правила.

⁶⁵ ПСЗ I. Т. V. СПб., 1830. № 3182. С. 554.

⁶⁶ ПСЗ I. Т. VI. СПб., 1830. № 3741. С. 358; Об учреждении при Святейшем Синоде, для заведования типографиями и Московскими духовными училищами, особой конторы, под управлением синодального советника архимандрита Гавриила, которому именоваться школ и типографий протектором // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1: 1721 г. Изд. 2-е. 1879. № 153. С. 208.

⁶⁷ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. VI. СПб., 1883. С. VIII.

Пополнение преподавательской корпорации как при самом преобразовании 1701 г., так и в последующие годы — вплоть до начала 1740-х гг. — проводилось в основном за счет Киевской Академии (получившей этот статус 26 сентября 1701 г.), что подтверждается биографическими справками преподавателей Академии 1700-х — 1730-х гг. Эта система, помимо перенесения в Москву учебных киевских традиций, имела еще одно следствие. Так как в Киевской Академии традиционно преподавали монашествующие, они же постепенно составили практически всю корпорацию Московской Академии, что надолго закрепило саму связь духовно-учебного дела с монашеством. По крайней мере, учителя старших классов, начиная с пиитики, все были иеромонахами, и переводу на класс пиитики непременно предшествовал постриг. Однако нежелание принять монашество стало препятствием для преподавания, и каждый такой случай оговаривался особо, причем решение не всегда было положительным. Так, к 1744 г. в московской корпорации были все иноки, кроме одного мирянина — учителя начальной школы Григория Кондакова, не желавшего вступать в монашество. В ответ на представление ректора архимандрита Порфирия (Крайского) Святейший Синод дал определение: «Григорья Кондакова из учителей, понеже он монашеского чина не приемлет, исключив, ни к каким школам не определять»⁶⁸.

С 1704 г. лекции по философии начал читать выпускник Киевской академии иеромонах Феофилакт (Лопатинский), практически сразу ставший префектом Академии, а с 1706 г. и ее ректором в сане архимандрита⁶⁹. Это была одна из наиболее значимых личностей первых десятилетий XVIII в.: в дальнейшем он стал архиепископом Тверским, членом Святейшего Синода, борцом за чистоту православия, а с 1738 по 1740 г. — лишенным сана и монашества тюремным невольником... Однако Московской Академии он был важен, как профессор, заложивший основы профессионального философского образования в Академии, деятельный ректор, служивший в этой должности до 10 мая 1722 г., и — что немаловажно — благочестивый христианин и монах, «истинно преподобный», кроткий, «благоприступный», нестяжательный, милостивый к неимущим и снисходительный к немощным⁷⁰. Последнее, а также нежелание и неумение о. Феофилакты участвовать в политических деяниях эпохи, всегда держало его в некотором отдалении от непосредственного окружения Петра I.

Став в 1706 г. ректором Московской Академии, архимандрит Феофилакт прочитал и первый богословский курс, о котором будет сказано ниже.

⁶⁸ Цит. по: *Смирнов С. К.* История Славяно-греко-латинской Академии... С. 84–85. См.: Там же. С. 220.

⁶⁹ В определении дат префекторского и ректорского служения архимандрита Феофилакты у церковных историков есть некоторое расхождение. Так, историк Московской Академии протоиерей С. Смирнов и И. Я. Морошкин пишут, что префектом архимандрит Феофилакт был с 1704 г., а ректором — с 1706 г. К. В. Харлампович же указывает, что иеромонах Феофилакт (Лопатинский) стал префектом Академии с 1704 г., а с 1706 г. — ректором в сане архимандрита (см.: *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 194; *Морошкин И. Я.* Феофилакт Лопатинский, архиепископ Тверской, в 1706–1741 гг.: исторический очерк // Русская старина. Т. XLIX. 1886. № 1. С. 3; *Харлампович К. В.* Малороссийское влияние на Великоорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 650, 652;). Видимо, следует прислушаться к мнению историка МДА, к тому же лекции по богословию традиционно читал ректор Академии.

⁷⁰ *Морошкин И. Я.* Феофилакт Лопатинский... № 1. С. 1–2.

Архимандрит Феофилакт был ревностным ректором, прилагая немалые усилия и к налаживанию учебного процесса, и к формированию корпорации, и к решению воспитательных проблем. Однако ректор не мог заниматься исключительно делами Академии, хотя они и требовали полного внимания: достаточно часто на него возлагались разные поручения ученого характера лично от царя. Так, в 1710 г. архимандрит Феофилакт был вызван в Санкт-Петербург для исправления составленной им же службы о Полтавской победе. Начиная с 1712 г., он принимал деятельное участие в начатом исправлении Славянской Библии, причем эта деятельность периодически требовала от него пребывания в столице, и в 1720 г. он был даже вынужден переложить преподавание богословия в Академии — прерогативы ректора — на своего префекта архимандрита Гедеона.

Именно архимандрит Гедеон (Вишневецкий) стал преемником архимандрита Феофилакта на всех ступенях деятельности. Архимандрит Гедеон прошел обычный для тех лет путь ученого малороссиянина: после философского класса Киевской Академии учился за границей в иезуитских школах Вильны, Кракова и Львова, получил степень доктора философии, преподавал в Киевской Академии пиитику и риторику, затем недолго — в Чернигове. В 1714 г. архимандрит Феофилакт вызвал архимандрита Гедеона в Москву на класс риторики, вскоре последний занял класс философии. Как и полагалось учителю философского класса, архимандрит Гедеон стал префектом Академии, но только с 1718 г., так как до этого времени «освобожденным» префектом был архимандрит Гавриил (Бужинский)⁷¹. А 7 мая 1722 г. архимандрит Гедеон, сменив архимандрита Феофилакта, был назначен ректором Московской Академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря и пребывал в этих должностях до 1727 г.

Архимандриты Феофилакт и Гедеон были единомышленниками в вопросах церковной жизни: оба активно участвовали в просветительских, богословских, миссионерских деяниях своего времени, однако их настораживала политизированность церковной среды и опасные для православия идеи, проникавшие и в архиерейские круги. Наиболее ярким выразителем эти идеи для архимандритов Феофилакта и Гедеона был преосвященный Феофан (Прокопович), богословское противостояние с которым у них началось еще в Киевской Академии. Затем, уже будучи ректором Московской Академии, в 1712 г. архимандрит Феофилакт ответил на сочинение архимандрита Феофана «Распря Павла и Петра об иге неудобноносимом» строгой критикой, названной «Иго Господне благо, и время его легко, си есть закон Божий с заповедьми своими от призрачных новоизмышленных освобождает». В этом ответе Феофан обвинялся во внесении реформатских мудрований в учение об оправдании⁷². В 1716 г. архимандрит Феофилакт и иеромонах Гедеон восстали против возведения иеромонаха Феофана (Прокоповича) в епископский сан. Пытаясь помешать иерархическому возвышению человека, по их убеждению, неправославного, передали через митрополита Стефана царю, что «пречестный отец иеромонах Прокопович имать препятие» к епископству в своем «учении новом, не согласном Святой Церкви». К письму были приложены «богословские пропозиции» из сочинений Феофана в

⁷¹ См.: *Морошкин И. Я.* Феофилакт Лопатинский... № 1. С. 7.

⁷² См.: *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 19.

форме 11 тезисов; на случай принесения Прокоповичем «покаяния» был приложен и «образец отрицания»⁷³. Доношение не имело результата, авторов обвинили в клевете, и им пришлось письменно принести извинения за несправедливое обвинение преосвященного Феофана в неправославии⁷⁴. В дальнейшем преосвященный Феофан (Прокопович), получивший и при Петре, и при его преемниках огромную власть, постарался свести счеты с обоими оппонентами. Тем не менее, эта дискуссия имела определенное значение для развития полемического богословия в России.

Деятельность Академии была сопряжена с большими материальными проблемами. Еще до учреждения Святейшего Синода ректор Академии архимандрит Феофилакт вел постоянную переписку по финансово-хозяйственным вопросам с главой Монастырского приказа И. А. Мусиным-Пушкиным, нередко прибегая и к непосредственному ходатайству перед государем. К началу ректорства архимандрита Феофилакта в Академии, кроме ректора, было семь учителей, каждый из которых получал жалованье 100 руб. в год. Архимандрит Феофилакт добился добавления в корпорацию еще одного преподавателя, а в 1710 г. — увеличения жалованья: ректор стал получать 300 руб. в год, преподаватели — по 150 руб.⁷⁵

Непростой была ситуация с академическими помещениями: старое здание, в которое вселилась еще школа Лихудов в 1687 г., обветшало и было явно недостаточным для возмужавшей Академии. В 1718 г. архимандриту Феофилакту удалось добиться личного указа царя о выдаче 2746 руб. на возведение новых каменных келий для Академии и очищение школьного двора от грязи, а также передаче Академии иконного ряда «от монастырских до школьных ворот»⁷⁶. В 1720 г. среди «нерешенных доношений Монастырского приказа» упоминается, что «в Спасском монастыре, что за иконным рядом» указано было строить «кельи каменные», перестраивать иконный ряд под нужды школы, «кельи и школы починять», на что потребовалось более 10 000 руб. Видимо, сумма была слишком велика, и указ не был выполнен в должной мере, так как в мае 1721 г. архимандрит Феофилакт подал доношение новоучрежденному Святейшему Синоду, в котором сетовал на то, что «начато келии строить прошлого лета, но не достроено, а школ починять, двора очищать ниже начато, но еще засорено, и монастырь землю из фундаментов выкопаную засыпано, так что пройти трудно, а весною и осенью нет где и деться пред водою и грязею»⁷⁷... В этом же доношении архимандрит Феофилакт вообще ходатайствовал о судьбе вверенной ему Академии: так как Монастырский приказ был упразднен, откуда Академия, с ее учителями и учениками, должна получать «кормовые деньги жалования Государева...», и прочие все нужды школныя,... каковыя суть: починки кровлей, окончин, печей школных и

⁷³ См. эти тезисы в послании Местоблюстителя Патриаршего Престола Рязанского митрополита Стефана Яворского к преосвященным Алексею Сарскому и Подонскому и Варлааму Тверскому и Кашинскому 1718 г.: *Чистович И. А.* Решиловское дело. Феофан Прокопович и Феофилакт Лопатинский. СПб., 1861. Прил. С. 1–4.

⁷⁴ *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. С. 705.

⁷⁵ Там же. Ст. 229.

⁷⁶ *Смирнов С. К.* История Славяно-греко-латинской Академии... С. 88–89.

⁷⁷ ОДДС. Т. I. Ст. CCCXVI.

келейных учительских, дрова на школы, и чищение их и прочая...»?⁷⁸ Неоднократно в этом документе упоминалась бедность Заиконоспасского училищного монастыря: не имея никаких вотчин, он «в великой скудости пребывает и пребыть не может»⁷⁹. Ответом Синода было назначение учащим и учащимся «окладного жалованья по третям», распоряжение об очистке помещений Академии и монастырского двора, а также «моста, находящегося против Спасского монастыря» и защита учеников Академии от «определения к каким-либо делам» без особого указа Святейшего Синода⁸⁰. Но финансовой проблемы этот указ не решил.

Поэтому архимандрит Гедеон продолжил финансово-хозяйственные хлопоты своего предшественника. Уже 22 июня 1722 г. он ходатайствовал о приписке к Заиконоспасскому монастырю «для честного пропитания» Иосифова Волоколамского, Венева или Высоцкого монастыря, но получил Серпуховской Владычный монастырь, имевший 25 монахов и 195 дворов⁸¹. Это был, конечно, и ответ Синода на упомянутое выше доношение архимандрита Феофилакта (Лопатинского) 1721 г. Интересно обоснование, приведенное Синодом при этом указе: «дабы в одном оном Владычнем монастыре невеждам преизлишнего всеу богатства не истощать, а в сем искуснейшим и церковную пользу и государственную славу умножающим достойного награждения лишенным не быть»⁸². Скоро, однако, оказалось, что от этого монастыря нельзя иметь «честного пропитания», и в 1724 г. Гедеон, хотя и безрезультатно, ходатайствовал о приписке к Заиконоспасскому Возмицкого монастыря.

В ректорство архимандрита Гедеона пополнение корпорации и управление учебным процессом, как уже было указано, проводилось совместными усилиями ректора и протектора школ и типографий архимандрита Гавриила (Бужинского). Связанный, как и его предшественник, учебными узами с Киевской Академией, архимандрит Гедеон старался по-прежнему привлекать в московскую преподавательскую корпорацию киевских ученых иноков, считая, что Московская Академия еще не достигла должного уровня и не набрала достаточного опыта для подготовки компетентных учителей⁸³. Но действующих членов учащей корпорации нередко забирали на иные служения — ученые иеромонахи были очень востребованы, при этом они были самой мобильной и неприхотливой частью духовенства. Так, в январе 1724 г. учитель Академии иеромонах Иустин (Рудинский) был назначен обер-иеромонахом в Ревельскую эскадру⁸⁴.

Все эти финансово-хозяйственные хлопоты были обусловлены конечно, одним: желанием устроить действительно *высшую* школу, дающую достойное

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Ст. CCCXVIII.

⁸⁰ Указ Синода от 7 июля 1721 г. «О производстве наличными учителям и ученикам Греко-Славяно-Латинских школ окладного жалованья по третям; о неопределении учеников этих школ к каким либо делам без указа Святейшего Синода; и об очистке моста, находящегося против Спасского монастыря, приставам Монастырского и бывших патриарших Дворцового и Духовного Приказов» // ПСПиР. Т. I. СПб., 1879. № 139. С. 190.

⁸¹ ПСПиР. Т. III. № 1091 от 21 августа 1723 г. С. 133–135.

⁸² Там же. С. 134.

⁸³ ОДДС. Т. I. Ст. 675 и др.

⁸⁴ Там же. Ст. 140–141.

образование. Все дисциплины — по крайней мере, высшие, начиная с высшего грамматического класса, где завершалось изучение латыни, — читались исключительно на латинском языке. Но заниматься православным богословием, не изучая греческого языка, было, конечно, более, чем странно. Можно привести примеры фрагментарных попыток в том или ином виде сохранить греческий язык в Академии на фоне его полного «вытеснения». Так, в 1702 г. царь Петр просил Патриарха Досифея прислать в Россию греческого учителя, однако Патриарх ответил, что ученых и способных людей, знающих притом славянский язык, в Греции нет⁸⁵. В 1704 г. царь прислал в Москву из-под Нарвы некоего грека иеромонаха Серафима. Но так как греческого класса в Академии не открыли, а самому иеромонаху Серафиму через полгода перестали платить жалованье, он отпросился в Лондон, где проживал ранее⁸⁶.

По возвращении в 1708 г. Софрония Лихуда из Новгорода в Москве, правда, была открыта специальная греческая школа, но помещалась и действовала она отдельно от Академии, на Казанском подворье. С 1717 г. Софроний Лихуд был причислен к учителям Академии, и в списках преподавателей и в денежных ведомостях упоминается сразу после ректора Академии и именуется «греческим учителем»⁸⁷. В 1724 г., после того как Софроний Лихуд был поставлен архимандритом рязанского Солотчина монастыря и покинул Москву, греческая школа была полностью соединена с Академией. В эти годы в высочайших и синодских указах Московская Академия нередко именуется «Славяно-Греко-Латинскими школами»⁸⁸. Однако в 1740 г. греческая школа опять, видимо, была перемещена в Типографию, где непрестанно проводились переводы с греческого, и греческий язык Московской Академией был утерян⁸⁹. В период пребывания греческой школы в недрах Академии была заведена особая «еврео-греческая школа» (с присоединением изучения еврейского языка). В 1725 г. «по усмотрению протектора школ Гавриила Бужинского» в эту школу был определен учитель — бывший ученик Типографской школы и школы Лихудов, типографский справщик и переводчик А. К. Барсов, сын московского священника⁹⁰. Определение было вполне естественно, так как А. К. Барсов ранее был учителем в греческой школе Софрония Лихуда. Преподавание в академической «еврео-греческой школе» велось параллельно с основными классами: до обеда изучали еврейский язык ученики риторики и философии, а после обеда — греческий язык студенты синтаксисы и пиитики⁹¹.

Главным показателем «академического» образования было преподавание высших наук — философии и богословия. Первый в России полный двухлетний курс по философии и логике удалось прочитать архимандриту Феофилакту

⁸⁵ См.: *Матченко И.* Досифей, патриарх Иерусалимский, и его время // Душеполезное чтение. 1878. Т. II. № 6. С. 168.

⁸⁶ *Смирнов С. К.* История Славяно-греко-латинской Академии... С. 82–83.

⁸⁷ Там же. С. 215.

⁸⁸ ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 5091. О высылке молодых монахов для учения в Славено-Греко-Латинские школы». С. 804 и др.

⁸⁹ *Смирнов С. К.* История Славяно-греко-латинской Академии... С. 83–84.

⁹⁰ Там же. С. 217–218.

⁹¹ Там же. С. 114.

(Лопатинскому), в то время префекту Академии. Сохранился и его рукописный текст⁹². Как преподаватель, архимандрит Феофилакт оставался верен традициям старой киевской школы. Современные исследователи наследия преосвященного Феофилакта (Лопатинского) считают его лекции по логике итогом формирования русского логического знания XVII в., а лекции по философии — началом профессионального преподавания философии в России⁹³. Знанием многих языков, как древних (не только латинского и греческого, но и древнееврейского и сирийского), так и новых (польского, французского, немецкого, итальянского) позволяло ему основывать свои лекции на обширном круге источников и литературы, а собранная им богатая библиотека (около 3,5 тысяч томов) делала многие из этих источников и западных исследований доступными и его ученикам⁹⁴. Архимандрит Феофилакт также разработал первый в России философский словарь, в котором на латыни был объяснен 141 термин.

Результатом преподавательской деятельности архимандрита Феофилакта стала целая плеяда его учеников, способных, казалось бы, продолжить начатую традицию. Однако ближайшими после него преподавателями философии были не московские ученики, а вызванные из Киевской Академии уже состоявшиеся там преподаватели: иеромонахи Гедеон (Вишневецкий) и Стефан (Прибылович). Лекционный курс о. Гедеона также сохранился в записях его слушателей: как и курс его предшественника, он строился на философии Аристотеля, но особый акцент делался на «приспособлении» ее к «правилам христианской истины»⁹⁵.

Особое внимание следует обратить на высший — богословский — класс Московской Академии. Первый курс богословия, прочитанный архимандритом

⁹² «Trivium Aristotelis ab Alcide Roxolano biennio decurrendum seu tres Philosophiae spesies Logica, Physica et Metaphysica trita a Peripateticis via et methodo in scholis usita Athenis ... viam 1704 nona Septembris» («Тривиум Аристотеля Алкидом Россияном в продолжении двух лет пробегаемые, или три вида философии: логика, физика и метафизика, известные через перипатетиков, и методом, принятым в школах афинских ... в 1704 году, читанный Феофилактом Лопатинским); «Тривиум Аристотеля Алкидом россиянином в два года пробегаемый, или три вида философии: диалектика, логика и физика, курс лекций по диалектике Феофилакта Лопатинского»; «Tertia trivii Aristotelis via ab Alcide Roxolano decurrenda seu naturalis scientia vulgo physica. Trita a peripateticis via et methodo in scholis usitata Atheniae Alexievicenis S. Imp. M. Moscuensibus elucidari et publice tradi caepta Anno... 1705 ultima Aprilis» (Третий путь тривиума Аристотеля Алкидом Россиянином пробегаемый, или натуральная философия, обычно называемая физикой. Изложенная путем и методом перипатетиков, употребляемым в школах афинских, в московской школе... в 1705 году в последний день апреля) (ОР РГБ. Ф. 173 / I. Собрание рукописных книг Московской духовной академии (фундаментальное). № 289, 290, 318).

⁹³ *Панибратцев А. В.* Философия в Московской славяно-греко-латинской академии (первая четверть XVIII века). М., 2003. С. 30–36.

⁹⁴ Там же. С. 29–30.

⁹⁵ «Universa Aristotelis Philosophia ad regulum Christianae veritatis conformata divinae gloriae preciosissimae virginis Mariae honori sacra a reverendo Patre et Professore erudito huinsce philosophiae doctore Gedeone Wiszniowski tradita per D. M. so G. auditorem Gregorium sopirta in collegio Caesareae maiesbatis Mosquensi Anno quo fainelico raanem Deus intulit orbi 1717» («Всеобщая философия Аристотеля, приспособленная к правилам христианской истины и в честь Девы Марии читанная почтенным отцом и профессором и той философии доктором Гедеоном Вишневецким, в записи слушателя его имп. Величества Московской коллегии Григория Кульчицкого в 1717 году») (ОР РГБ. Ф. 173 / I (Собрание рукописных книг Московской духовной академии (фундаментальное)). № 293).

Феофилактом (Лопатинским) в 1706–1710 гг.⁹⁶, был разработан о. Феофилактом в виде трактатов по отдельным богословским темам, по примеру киевских лекций конца XVII в., унаследовавших, в свою очередь, структуру католических систем. Как и в лекционных курсах Киевской Академии, курс состоял из трех «слоев»: догматического («схоластика»), нравственного чтения и полемического корректива, обличающего католические идеи, неприемлемые для православного богословия. Каждый год в лекции включались все три «слоя», причем все они так или иначе были связаны по тематике. В 1-й год читалось два догматических трактата: 1) о Боге Едином и о Святой Троице; 2) о праве и правде. Соответствующее нравственное чтение было посвящено теме договоров «вообще и в частности», а полемические коррективы были направлены на учение о Святой Троице, об исхождении Святого Духа и о предопределении. Схоластические лекции 2-го года составляли трактаты: 1) о Воплощении; 2) об Ангелах, о блаженстве и о действиях человеческих. В нравственном чтении говорилось о заповедях первой и второй скрижалей, о совести, о произволе и о действиях человеческих в практическом отношении; в полемике — о призывании святых и о почитании мощей и икон. В 3-м году излагалось схоластическое учение: 1) о благодати и грехах; 2) о Таинствах. Нравственное чтение было также посвящено учению о таинствах, в особенности о браке и Литургии: полемическая корректировка — об оправдании, о Таинствах вообще и о Таинстве Евхаристии. Наконец, завершающий 4-й год посвящался трактатам: 1) о богословских добродетелях — вере, надежде, любви; 2) о покаянии; дополнялся нравственным чтением об исповеди, духовных наказаниях вообще и в частности и полемическим — о Церкви, ее Главе и о мытарствах⁹⁷. В основе догматической (схоластической) составляющей курса лежала «Сумма теологии» Фомы Аквината — из нее черпались основные положения, доказательства и решения вопросов.

Вопросы же, которые ставились в трактатах, были заимствованы из католических схоластических систем: Где сотворены Ангелы? Могут ли они приводить в движение себя и другие тела? Как они мыслят и понимают, — посредством соединения, различения, или как-нибудь иначе? Каким образом они сообщают друг другу свои мысли? Сколь великое по объему место может занимать Ангел? и т.д.⁹⁸

Очень жестко высмеивал московских «схоластов» архимандрит Феофан (Прокопович), попавший в Москву и Петербург в 1716 г. В письме к своему киевскому приятелю Якову Маркевичу он говорит о «латынщиках», у которых в «головах найдется несколько богословских трактатов и отделов выхваченных когда-то каким-нибудь славным иезуитом из каких-нибудь творений схоластических, епископских, языческих, плохо сшитых, попавших в их потешную

⁹⁶ «Scientia, sacra disputationibus theologis ecclesiae orientali, scripturae, conciliis et patribus consentaneis speculative et controversae illustrata in collegio Petro-Alexiewiano Mosquensi, anno 1706–1710» («Священная наука, созерцательно и полемически объясняемая с помощью богословских рассуждений, по учению Святой Восточной Церкви, на основании Священного Писания, соборов и отцов, в Московском коллегииуме царя Петра Алексеевича, в 1706–1710 гг.») (ОР РГБ. Ф. 173 / I. № 255, 257, 259, 262).

⁹⁷ Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 136–138.

⁹⁸ Там же. С. 144.

кладовую быть может из сотого источника, неудовлетворительных и плохих самих во себе, еще хуже искаженных...»⁹⁹. Под «этими личностями», не сомневающимися, что «проглотили целый океан мудрости», готовыми «самоуверенно и бесстыдно» «отвечать на всякий вопрос», архимандрит Феофан имел в виду, видимо, архимандритов Феофилакта (Лопатинского) и Гедеона (Вишневого) — эти сарказм и жесткость были, видимо, ответом на неудавшуюся попытку обвинения самого Феофана.

В дальнейшем богословские курсы, читаемые в Московской Академии, отчасти менялись по содержанию, порядку разделов и внутренней логике изложения, хотя в целом состав трактатов сохранялся. Более заметны изменения стали через тридцать лет после архимандрита Феофилакта¹⁰⁰. Так, в 1737/38 уч. г., префект, а вскоре ректор Академии архимандрит Кирилл (Флоринский) предлагает иную логику построения богословского курса, выделяя следующие составляющие: 1) учение о религии и Священном Писании; 2) о богословии и благочестии; 3) об именах и познании Бога; 4) о таинстве Отца, Сына и Святого Духа; 5) о делах Бога; 6) об Иисусе Христе; 7) о Таинствах; 8) о Таинствах Нового Завета; 9) о грехах и благодати, о богословских добродетелях; 10) о конечной цели.

Архиепископ Филарет (Гумилевский) писал, что «наука отца Кирилла далеко выше науки Лопатинского, как по систематической стройности, так и по меньшей схоластичности в решении вопросов»¹⁰¹. Действительно, трактат о религии и Священном Писании архимандрит Кирилл поставил на первое место, в то время как в предшествующих системах, отражавших традиционную схоластическую логику, этот вопрос уходил на последнее место. Старался о. Кирилл меньше касаться и излюбленных «тонких и бесполезных» вопросов богословской схоластики, отмечая, что они не имеют отношение к вере и спасению. Однако не следует считать архимандрита Кирилла начинателем новой богословской эпохи: наряду с некоторыми попытками вырваться из сложного круга дефиниций, цепляющихся друг за друга вопросов, силлогизмов, он все же остается на той же «рассудительной» почве. Так, соединение в одном трактате учения о добродетелях, пороках, грехах, оправдании, благодати и заслугах архимандрит Кирилл обосновывает очень характерной фразой: «связывать порок с добродетелью, грехи с благодатию, беззакония с оправданием и заслугой — чистый парадокс. Однакож мы хотим сие сделать на основании древнего правила мудрецов: *образ учения о предметах противоположных сходен* и еще на основании начала: *предметы противоположные более становятся ясными, когда поставляются один после другого*». И подтверждает это ссылкой на Фому Аквината, в системе которого «при тени пороков и грехов яснее сияет свет добродетелей и благодати»¹⁰².

⁹⁹ Письмо архимандрита Феофана (Прокоповича) к Якову Маркевичу (1716 г.) // Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М., 1994. С. 185–187.

¹⁰⁰ Курс архимандрита Кирилла «Богословие положительное и полемическое, преподанное в Московской Академии Кириллом Флоринским» (на лат.).

¹⁰¹ Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы, 862–1720: В 2 кн. 3-е изд. СПб., 1884. С. 310.

¹⁰² Цит по: Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской академии... С. 142–143.

Московская Академия в лице своих начальствующих и учащихся нередко выполняла и внешние поручения церковной и государственной власти экспертного, переводческого и полемического характера, так или иначе связанные с богословием. Самым заметным деянием было, конечно, многолетнее исправление славянской Библии, которое в 1720-х гг. возглавлял ректор Академии архимандрит Феофилакт (Лопатинский). Ректоры Академии неоднократно привлекались к собеседованию с инославными и иноверными, желавшими принять православие. Так, в 1722 г. ректору архимандриту Феофилакту был прислан «для научения правилам святой веры» мурза Алышев, пожелавший принять православие¹⁰³. Там же, в Заиконоспасском училищном монастыре наставляемых чаще всего и присоединяли к православию.

По составу учащихся Славяно-греко-латинская Академия в первые десятилетия XVIII в. была всесословной¹⁰⁴, несмотря на неоднократные указы и царя Петра, и Синода, настойчиво побуждавшие священно- и церковнослужителей отдавать своих детей в «латинские школы»¹⁰⁵. Впрочем, в большинстве указов об учении в архиерейских школах «поповых детей, также из церковников» добавлялось «и из других чинов, кто пожелает»¹⁰⁶. Академия же, традиционно открытая для всех сословий, тем более сохраняла эту черту: в составе учеников Академии были выходцы как из священнических и церковнослужительских семей, так и из дворянства, торговых людей, офицеров и солдат, крестьян. В 1720-х гг. была проведена попытка усилить среди студентов Академии монашеский элемент: к этому побуждала и киевская традиция ученого монашества, носителями которой являлись члены преподавательской корпорации, и церковные потребности. В сентябре 1723 г. во все епархии был разослан указ: переписав во всех монастырях Российской империи молодых монахов до 30 лет, «для учения, кого каких наук возможно», собрать «в Славено-Греко-Латинские школы»¹⁰⁷. Однако, как доносил Синоду в 1727 г. ректор Академии архимандрит Гедеон (Вишневский), указ практически не был выполнен: в Академию были присланы только два иеродиакона из Смоленской епархии, причем один из них сбежал от учения; один иеродиакон из Сибирской епархии, который после трех мучительных лет обучения «в первой латинской школе» отпросился обратно в Сибирь; да «своею охотою» учатся 4 монаха. Архимандрит Гедеон сетовал, что никто более не был прислан «в учение» не только из остальных епархий, но и из московских монастырей, «хотя в них и довольно молодых и к учению удобных монахов обретается, из которых бы мог быть плод Церкви Божией и произошли бы во учителя и в предикаторы». 10 июня 1727 г. Синод был вынужден повторить указ «о высылке молодых монахов

¹⁰³ ПСПиР. Т. 2. № от 15 января 1722 г. С. 8.

¹⁰⁴ *Рогов А. И.* Новые данные о составе учеников Славяно-греко-латинской академии // История СССР. 1959. № 3. С. 140–147; *Вознесенская И. А.* Московская Славяно-греко-латинская академия в первой трети XVIII века. М., 2004. Вып. II–III. С. 518–523.

¹⁰⁵ ПСПиР. Т. III. № 1108 от 18 сентября 1723 г.; № 1131 от 29 октября 1723 г. С. 215–216 и др.

¹⁰⁶ ПСЗ I. Т. V. № 3175. С. 548 и др.

¹⁰⁷ ПСПиР. Т. III. № 1099 от 2 сентября 1723 г. С. 142 (указ, подписанный архиепископом Новгородским Феодосием (Яновским)); указ Синода: Там же. № 1136 от 5 ноября. С. 217–218..

для учения в Славено-Греко-Латинские школы», причем подкрепил его Высочайшим утверждением¹⁰⁸, но и это, видимо, не имела должного эффекта.

Всеобъемлющей Академия была и по предназначению выпускников: питомцы Академии, как окончившие полный курс, так и не окончившие его, находили применение в различных сферах церковной, государственной, образовательной российской жизни¹⁰⁹.

В феврале 1718 г. был издан именной царский указ о замещении приходских священнических мест: на места умерших следовало ставить тех, «которые по учению тому достояны будут». Для того, чтобы не возникало вопросов со священническими домами как собственностью, «у церковей обретающимся попам» запрещалось иметь и продавать свои собственные дома: причт должен был жить в домах, купленных на «сборные церковные деньги, для чего быть у всякой церкви старостам»¹¹⁰. Однако царский указ вошел в противоречие со сложившейся традицией наследования приходских мест и правом прихожан избирать кандидатов в священство. В уже упомянутом доношении 1721 г. Синоду ректор Московской Академии архимандрит Феофилакт констатировал, что этот указ не выполняется: «некоторые школьники о определении их на таковые порожние церковные места» били челом, однако «с великою трудностию, волокитою и иждивением достигли их, и доселе во всегдашнем опасении отказу и перемены от своих мест пребывают неизвестны»¹¹¹. Причиной этих сложностей был «обычай прежний о наследии церковей, продажею и куплею стяжаемом..., и непокорство прихожан, которые по сродству, знаемости и по своим прихотям избирают себе священников и диаконов..., чтоб своею волею по-прежнему исполняли». В своем указе, отвечающем на это доношение, Святейший Синод подтверждал актуальность царя указа 1718 г.: рукополагать во священство выпускников Академии, «достигших в меру определенных святыми правилами лет» и женатых, по свидетельству ректора и учителей, даже если «о них и от приходских людей челобитья не будет»¹¹². Для более эффективного его исполнения Синод обещал

¹⁰⁸ ПСЗ I. Т. VII. СПб., 1830. № 5091. С. 804.

¹⁰⁹ Некоторую неопределенность в эти годы имеет употребление в документах, связанных с Академией, терминов «ученик» и «студент». Иногда они являются взаимозаменяемыми, иногда различаются. Так, по «Духовному регламенту» 1721 г., в котором учащиеся Академии чаще именуется «учениками», употребляется в некоторых местах и термин «студент» (Регламент или Устав Духовной Коллегии (с манифестом об учреждении Духовной коллегии от 25 января 1721 г.) // ПСЗ I. Т. VI. СПб., 1830. № 3718. С. 334–335). В дальнейшем термин «студент» применялся к учащимся высших классов — философии и богословии.

¹¹⁰ Именной указ от 28 февраля 1718 г. «Об обучении священнических и других чинов детей, для приуготовления их к священническому званию, о посвящении на места умерших священников людей достойных, о построении для священнослужителей домов на церковные деньги и об определении при церквях старост» // ПСЗ I. Т. V. № 3175. С. 548.

¹¹¹ Доношение Заиконоспасского архимандрита Феофилакта о нуждах вверенных его управлению Греко-славяно-латинских школ от 2 мая 1721 г. // ОДДС. Т. I. XXX. Ст. СССХIV–СССХV.

¹¹² Указ Синода от 7 июля 1721 г. «О производстве наличными учителям и ученикам Греко-Славяно-Латинских школ окладного жалованья по третям; о неопределении учеников этих школ к каким либо делам без указа Святейшего Синода; и об очистке моста, находящегося против Спасского монастыря, приставам Монастырского и бывших патриарших Дворцового и Духовного Приказов» // ПСПиР. Т. I. СПб., 1879. № 139. С. 190–191.

послать указ еще раз «кому надлежит», с приложением «смотрения благопромысленного» самого Синода. При этом старались соблюдать общие правила: студенты богословии и философии могли просить священнические места на приходах в Москве и в новой столице, ученики риторики — диаконские места в городах или священнические на сельских приходах, ученики пиитики — причетнические места в городах, диаконские и иногда священнические — на сельских приходах.

Однако эти правила соблюдались далеко не всегда. Даже в Москве в случае кончины священника и наличия у него сына, учащегося в Академии, могли для поддержания осиротевшего семейства поставить на священническое место даже студента риторики. Не всегда решались правящие архиереи ставить на приходы выпускников Академии, не имевших «заручного» одобрения от прихожан, хотя бы «знатных». Так, архиепископ Псковский Стефан (Калиновский) — бывший ректор Академии — в 1740 г. предписал, чтобы ищущие священнических и причетнических должностей представляли рекомендации от прихожан¹¹³. Такие случаи были нередки.

Но все же выпускники Академии и даже ее студенты, не окончившие полного курса, ценились, причем не только в Москве и ее окрестностях, даже во всей синодальной области, но и в других епархиях. Так, в 1729 г. студент философского класса Савва Бычковский был приглашен на священническое место ко вновь выстроенной церкви Богоявления Господня в Кронштадте¹¹⁴. В 1730 г. ученик риторического класса Николай Ростовецкий был определен к Рижскому собору, причем был сразу возведен в сан протоиерея и занял место председателя Рижского духовного правления¹¹⁵. Конечно, приглашая студентов Академии на дальние места в другие епархии, правящие архиереи обещали им особые выгоды в иерархическом росте и материальном обеспечении.

Часть студентов Академии пополняла миссии, в том числе, первую российскую заграничную миссию — Пекинскую. Так, в 1725 г. в Китай вместе с посланником графом С. В. Рагузинским отправились трое учеников Академии: Лука Воейков, Федор Третьяков и Иван Шестопалов. И в дальнейшем туда постоянно посылались выпускники Академии. В 1733 г., при открытии Камчатской миссии, с миссионером архимандритом Варфоломеем (Филевским), туда были отправлены 12 академических студентов.

¹¹³ Указ Псковской консистории от 30 июня 1753 г. // Историко-статическое описание церквей и приходов Рижской епархии. 1893. Вып. 1. С. 195.

¹¹⁴ Во всех специальных исследованиях, относящихся к кронштадтской Богоявленской церкви, указывается фамилия первого ее священника — «Бычковский», однако у историка МСГЛА протоиерея С. К. Смирнова этот студент именуется «Бержковским» (см.: Морев И., *свящ.* Кронштадтская морская Богоявленская церковь: Исторический очерк // Вестник военного духовенства. 1890. № 13. С. 393–397; Исакова Е. В., Шкаровский М. В. Храмы Кронштадта. СПб., 2004. С. 123–151; ср.: Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 227).

¹¹⁵ *Алексий II (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси. Православие в Эстонии. Глава «Контора духовных дел в Риге. Рижское духовное правление»* (<http://www.sedmitza.ru/text/430211.html>; 11.04.2012).

Московская Академия и ее выпускники сыграли немалую роль в пополнении университета при Академии наук и художеств в Петербурге. Отдельные студенты отправлялись в академический университет и в 1710-х, и в 1720-х гг. Так, в 1725 г. поступил в Академию наук ученик Академии князь Антиох Кантемир, в дальнейшем знаменитый русский стихотворец¹¹⁶. В 1730-х гг. туда отправлялись целые группы воспитанников Московской Академии. Так, в 1732 г. в Академию наук была отправлена группа студентов Московской Академии из 12 человек¹¹⁷, среди которых был будущий знаменитый российский путешественник и географ С. П. Крашениников¹¹⁸. В 1735 г. последовал новый указ: об отсылке в Академию наук 20 «в науках достойных» студентов Московской Академии¹¹⁹. Ректор архимандрит Стефан Калиновский послал в Петербург только 12 студентов, преимущественно философского класса, среди этих студентов были М. В. Ломоносов и Н. И. Попов — будущий астроном¹²⁰. В 1747 г. в новом Регламенте Академии наук была закреплена практика выбирать в академический университет лучших учеников «из училищ российских», причем уже знающих латинский язык¹²¹. Понятно, что таковые были, прежде всего, в Московской Академии, поэтому пополнение академического университета стало одной из обязанностей Московской Академии. Многие из этих посланников стали в дальнейшем гордостью российской науки.

Еще одним направлением «донорства» Московской Академии стала медицина: Московский госпиталь доктора Н. Бидлоо, основанный в 1706 г., затем — Медицинская Академия. Госпиталь нуждался в знатоках латинского языка, и доктор Н. Бидлоо ежегодно требовал учеников из Академии. Ректоры Академии старались удержать лучших студентов, не пуская их «на сторону». Однако нередко студенты поступали в госпиталь не по воле начальства, а, напротив, вопреки ей, ибо содержание в госпитале было «довольнейшее, честнейшее и свободнейшее», нежели в Академии. Так, в 1722 г. в госпиталь ушли 20 академических студентов, еще более активизировался этот процесс в 1730–40-х гг.¹²²

Уходили ученики Академии и в другие ведомства: хорошее знание латыни было необходимо во многих областях, а Академия в те годы была лучшей латинской школой. Так, периодически просили учеников, хорошо знавших латынь, в иностранную коллегию — для дальнейшего их обучения арабскому, турецкому, персидскому и маньчжурскому языкам. Еще в январе 1716 г. было велено выбирать «на Москве из Латинских школ» «из учеников робят добрых», кончивших, по

¹¹⁶ См.: *Сементковский Р. И.* Антиох Дмитриевич Кантемир, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893.

¹¹⁷ *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 250.

¹¹⁸ См.: Там же. С. 237–238.

¹¹⁹ Синодский указ от 30 сентября 1835 г. «О выборе в Спасском Училищном монастыре 20 человек учеников, за свидетельством ректора и учителей и об отсылке их в Академию для слушания высших наук» // ПСЗ I. Т. IX. СПб., 1830. № 6816. С. 584–585.

¹²⁰ См.: *Невская Н. И.* Никита Иванович Попов. 1720–1782. Л., 1977.

¹²¹ Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, с разделением оной на Академию и Университет от 1747 г. // ПСЗ I. Т. XII. СПб., 1830. № 9425. § 37. С. 735–736.

¹²² *Смирнов С. К.* История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 239–241.

крайней мере, грамматический класс, для посылки «в Персиду... для учения языкам турецкому, арабскому и персидскому, а выбрав, отдать их в посольский приказ»¹²³. Такие указы в дальнейшем повторялись неоднократно.

Немало учеников переходило в Математическую школу в Сухаревой башне; периодически требовала студентов Академии, особенно хорошо знавших языки, типография. Были и более «изысканные» варианты. В 1733 г. академические знатоки латыни потребовались в монетном деле. В 1735 г. учеников из Академии затребовала главная контора артиллерии и фортификации «для разбора латинских надписей на пушках», отбитых в польскую войну у неприятеля¹²⁴. Все эти уходы, конечно, истощали саму Академию, и ректоры периодически пытались выдвигать протесты, обоснованные нуждами самой Академии, богословской науки, Церкви. Так, в 1732–1735 гг. ректор архимандрит Софроний (Калиновский) неоднократно сетовал Синоду на то, что от постоянных требований в самой Академии «зело мало учеников имеется», до богословского класса доходит совсем мало, Академия истощена...¹²⁵

Следует отметить еще один аспект: поездки студентов Московской Академии за границу. Источники сохранили сведения о нескольких «ученых» поездках студентов Академии: во Франкфурт, Амстердам, Париж, Геттинген, Персию, Швецию. Есть сведения, правда, не подтвержденные источниками, о посылке Петром I еще в 1715 г. нескольких «недорослей» из Московской Академии «в чужие края» для изучения наук и языков¹²⁶. Уже упомянутые пять студентов Академии, отобранные в 1716 г. для изучения языков, были-таки посланы в Персию. Годом позже Академия приняла участие в грандиозной кампании по отправлении 60 молодых людей по приказу Петра в Голландию: среди этих юношей было трое студентов Академии. Потом их обучение философии продолжилось в Париже. Дальнейшие судьбы их сложились по-разному: один стал членом Академии наук, двое других преподавали в Московской Академии, но недолго. Этим, однако, и ограничивается в первые десятилетия «командировочная» деятельность Академии.

Московская Академия в 1741–1775 гг.

Заметные изменения в Московской Академии происходят, начиная с 1740-х гг., с восшествия на императорский российский престол Елизаветы Петровны. Иногда этот период в истории Московской Академии называют «ломоносовским», что, при всем уважении к великому воспитаннику Академии, кажется несколько искусственным, ибо начиная с 1735 г. М. В. Ломоносов не был непосредственно связан с Академией.

Причин для изменений было немало. С одной стороны, пафос нового царствования — амнистии после репрессий Аннинской эпохи, общее воодушевление, осмысление принципов церковного бытия — не могли не сказаться

¹²³ Сенатский указ от 16 января 1716 г. // ПСЗ I. Т. V. СПб., 1830. № 2978. С. 189.

¹²⁴ Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 241–243.

¹²⁵ Там же. С. 243–244.

¹²⁶ Смирнов С. К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии... С. 234.

на жизни высшей московской школы. Так, ректор Академии архимандрит Кирилл (Флоринский) (1741–1742) одним из первых дал оценку пережитому: «Доселе дремахом, а ныне увидехом, что Остерман и Миних с своим сонмищем влезли в Россию, яко эмиссарии дьявольские им же, попустившу Богу, богатство, слава и честь желанная приключишася. Сия бо им обетова сатана, да под видом министерства и верного услужения государству Российскому, еже первейшее и дражайшее всего в России, правоверие и благочестие не точию превратят, но и до корня истребят»¹²⁷. Некоторые изменения в церковной жизни, проведенные в это царствование, не могли не внести более или менее заметных коррективов в жизнь и деятельность Академии.

С другой стороны, само развитие Московской Академии, достигнутые успехи и выявленные проблемы требовали нового осмысления, определения места и значения Академии в Русской Православной Церкви, государстве, российском просвещении и науке. Следует учитывать и общий «просветительский» настрой эпохи: среди приближенных императрицы сформировался круг деятелей, уделявших особое внимание вопросам образования.

Среди внешних для Академии церковных событий следует отметить, прежде всего, учреждение в 1742 г. Московской епархии. Повелением императрицы Елизаветы Петровны из обширной Синодальной области было образовано несколько епархий, с назначением в каждую епархиального преосвященного¹²⁸. Архиепископом Московским и Владимирским стал бывший епископ Белорусский Иосиф (Волчанский). Несмотря на учреждение Московской епархии, подчиненность Академии непосредственно Святейшему Синоду была отчасти сохранена, хотя и московские архиереи имели теперь с Академией тесную связь и часто сносились с ректорами по различным делам. Учреждение в том же 1742 г. Семинарии в Троице-Сергиевом монастыре подтверждало общецерковный статус Московской Академии: епархиальной школой должна была стать именно Троицкая Семинария, Академия же стояла над епархиальной структурой. Конечно, связь Московской Академии с епархиальным архиереем рано или поздно должна была конкретизироваться, но этот процесс был непростым. Московские архиепископы пытались учитывать Академию при кадровых перестановках духовенства и проповедников, но обычно в таких случаях Академия в лице ректора обращалась в Синод, и Синод подтверждал необходимость своего участия в решении подобных дел¹²⁹. Спасский училищный монастырь при учреждении Московской епархии получил статус, сходный со статусом ставропигиального монастыря, имевшего непосредственное подчинение Синоду: так, за богослужением в этом монастыре не

¹²⁷ Кирилл (Флоринский), архим. Слово в высокаторжественнейший день рождения Ея священнейшаго Императорскаго Величества, Елисаветы Первья. М., 1741.

¹²⁸ Розанов Н. История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721–1821): В 2 ч. М., 1869. Ч. II. Кн. 1. С. 7.

¹²⁹ Так было, например, в 1758–1759 г., при переводе архиепископом Московским Тимофеем (Щербацким) проповедника Академии иеромонаха Константина (Барковского) на место игумена Данилова монастыря (см.: Описание документов и дел архива Святейшего Синода. Т. 39 (1759). СПб., 1910. № 175. Ст. 458).

возносилось имя Московского архиерея¹³⁰. Такая ситуация сохранялась вплоть до правления митрополита Платона (Левшина).

Иерархические изменения 1742 г. сказались на Московской Академии еще и сменой ректора: наместник Троице-Сергиева монастыря архимандрит Антоний (Нарожницкий) был поставлен митрополитом Тобольским, на Троице-Сергиев монастырь определен архимандрит Кирилл (Флоринский), а ректором Академии и архимандритом Заиконоспасского монастыря стал архимандрит Порфирий (Крайский). Именно архимандрит Кирилл — уже в статусе наместника — открывал Троицкую семинарию. Между Академией и Троицкой Семинарией завязались тесные связи: при учреждении Семинарии Академия «поделилась» своими преподавателями, да и в дальнейшем нередко одни и те же преподаватели переходили из Академии в Семинарию и наоборот.

Поставление на ректуру в Академию архимандрита Порфирия было знаковым изменением традиции: если до сих пор ректоры Московской Академии были выпускниками Киевской Академии, то архимандрит Порфирий (1742–1747), хотя и являлся уроженцем Юго-Западной Руси, с детства жил в Москве и окончил Московскую Академию (1730). Конечно, в этом случае ситуация была особой: архимандрит Порфирий был племянником бывшего ректора Московской Академии архимандрита Сильвестра (Крайского) (1704–1705) (в дальнейшем митрополита Смоленского) и с детства жил в Москве при дяде. Но факт оставался фактом: с этого времени ректорами Московской Академии становятся свои же выпускники, да и корпорация постепенно формируется не из киевских пришельцев, а из питомцев самой же Академии.

Архимандрит Порфирий (Крайский) был заботливым ректором, хлопотал о повышении преподавательского жалования, необходимом ремонте зданий школы. Однако здания Академии все же были ветхими, и в мае 1747 г. было высказано предложение перевести Академию в Донской монастырь. Архимандрит Порфирий был назначен наместником этого монастыря с оставлением в должности ректора и архимандрита Заиконоспасского монастыря, но переезд не состоялся, а сам архимандрит Порфирий в 1748 г. был хиротонисан в епископа Суздальского.

В эти годы произошли некоторые изменения в учебном процессе. Святейший Синод по представлению ректора определил изучать греческую и латинскую грамматику с класса фарты до класса пиитики, историю как самостоятельный предмет — с класса пиитики, географию и арифметику — с класса риторики, еврейский язык — в философском классе.

В 1740–1760-х гг. государство нередко возлагало на Славяно-греко-латинскую Академию важные поручения.: переводы различного назначения, составление разных учебных пособий. Кроме того, именно Академия (как и предполагал проект 1682 г.) была поручена цензура, сличение и исправление книг, увещание иноверцев, раскольников и отступников от веры. В обязанность учащихся также вменялись катехизические поучения и церковная проповедь; в какой-то степени популяризации академических успехов служили публичные диспуты, на которых учащие и учащиеся демонстрировали свои знания, умения и навыки, когда исполняли песнопения, стихи, ставились комедии.

¹³⁰ Розанов Н. История Московского епархиального управления. Ч. II. Кн. 1. С. 13.

Московская Академия при митрополите Платоне (1775–1812)

Особым периодом в истории МСГЛА является время пребывания на Московской кафедре преосвященного Платона (Левшина): с 1775 г. архиепископа, с 1787 г. — митрополита. На протяжении всего «платоновского» периода Академия усиливала свое «духовное» предназначение: как преподаватели, так и выпускники ее по большей части оставались в духовном звании, и переход в светское был явлением довольно редким. С одной стороны, в этом проявлялся общий процесс все большего разделения российского образования на светское и духовное, с другой стороны, сказывалось и личное влияние преосвященного Платона. Он сам всегда благодарил Бога за то, что был рожден в духовном звании и учащих и учащихся Московской Академии настраивал на церковное служение, применяя не только методы убеждения, но порой и административные меры.

При митрополите Платоне усложнилась структуризация учебного богословия: в особые предметы были выделены толкование Священного Писания (герменевтика и чтение Библии с толкованием трудных мест), систематическое богословие (догматика), нравственное богословие (этика), апологетика, церковная история, введены основы канонического права (чтение Кормчей с толкованием к практическому применению), элементы практического богословия (чтение «О должностях пресвитеров приходских», пасхалия, основы гомилетики). Последнее следует отметить как особую и оригинальную для конца XVIII в. идею митрополита Платона. Элементы практического богословия, то есть подготовка студентов к приходскому служению и решению актуальных проблем церковной жизни, и в настоящее время не так легко ввести в учебные планы высшей богословской школы. Тем более трудно было совместить их с латинизированным и закованным в строгие схоластические рамки учебным богословием XVIII в. «Богословие на сваях», по меткому выражению протоиерея Георгия Флоровского, было слабо укоренено в реальной церковной жизни, лишено питательной силы насущных церковных проблем и не способно полноценно их решать¹³¹. И митрополит Платон намечал пути решения этого вопроса, болезненного для современной ему российской духовной школы. Одним из них была гомилетическая система, главные принципы которой излагались в предисловии к собранию его проповедей. Все студенты старшего богословского класса должны были составлять проповеди и произносить их в семинарском или академическом храме, и во время обучения в этом классе посвящались в стихарь.

Не менее важен и перспективен был церковно-исторический аспект богословского образования, введение которого также можно поставить в особую заслугу митрополиту Платону. Строгая систематика в построении богословских курсов отрывала догматические системы от церковно-исторического контекста и не позволяла использовать многовековой церковный опыт для решения современных задач церковной жизни. Включая церковную историю в учебные

¹³¹ См.: Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 114.

планы и создавая «Краткую российскую церковную историю»¹³², митрополит Платон восполнял эту ущербность. Он радел и о научном развитии отечественной церковной истории, по крайней мере, о подготовке источниковой базы для будущих исследований. С 1778 г. митрополит Платон занимался сбором монастырских архивов, издавал списки летописей¹³³. По его распоряжению был приведен в порядок архив старой Московской консистории. Таким образом, митрополит Платон заложил основы церковного архивохранилища.

Важным элементом просветительской деятельности митрополита Платона было разделение профессионального богословского образования и катехизации, или христианского просвещения. Именно это давало возможность, по мнению владыки, плодотворно развивать и то, и другое, не жертвуя высотой науки, с одной стороны, живостью и доступностью изложения основ христианского учения — с другой. «Православное учение веры» владыки Платона¹³⁴ вплоть до появления «Катехизисов» святителя Филарета (Дроздова) было единственным катехизическим учебником на русском языке, представлявшим целостное изложение христианского мировоззрения. В то же время митрополит Платон настаивал на сохранении латинского языка и научных систем западного богословия: во-первых, это давало воспитанникам духовных школ возможность свободно войти в мировое научное пространство, в те годы неразрывно связанное с латынью, во-вторых, предохраняло еще неокрепшее русское богословие от примитивных провинциальных изложений и неудачной, плохо отработанной, богословской терминологии¹³⁵. Но как сочетать непреодолимую латынь и подготовку к реальному церковному служению? Для этого владыка предлагал учащимся московских духовных школ в риторском классе писать половину сочинений на русском языке, в философском и богословском классах — составлять переводы уроков на русский язык и употреблять цитаты из Священного Писания на церковно-славянском языке¹³⁶.

Особый подход разрабатывал митрополит Платон и к преподаванию нравственного богословия. Этот предмет, то соединяемый с догматическим богословием, то выделяемый в особый раздел — этику, или ифику, — всегда вызывал сложности и у преподававших, и у их слушателей. С одной стороны, учебный курс христианской нравственности затвердевал в виде формул, мало связанных с реальной христианской жизнью. С другой — жизнь даже духовной школы, которая, казалось бы, должна была представлять собой эталон, не замутненный дополнительными проблемами, мало помощи получала от теоретической христианской этики. По мнению митрополита Платона, занятие научным богословием должно быть неразрывно связано с нравственным уровнем учащихся и учащихся. Он считал, что надо усилить личностный аспект: внимательный подбор преподавательских кадров, попечение самого владыки об

¹³² См.: Платон (Левшин), митр. Краткая российская церковная история. 1-е изд.: М., 1805; 2-е изд.: СПб., 1822.

¹³³ Под наблюдением митрополита Платона московской Синодальной типографией были изданы Архангелогородский, Новгородский и Типографский списки летописей.

¹³⁴ См.: Платон (Левшин), митр. Православное учение веры. М., 1765.

¹³⁵ См.: Смирнов С. К. История Троицкой Лаврской семинарии. М., 1867. С. 340–341.

¹³⁶ См.: Там же. С. 310.

учителях и учениках, духовно-нравственная связь начальствующих с членами корпораций, внимательное и деликатное общение преподавателей с учениками¹³⁷. Акцент — на общем служении богословской науке и нравственном единении в этом служении. Идеальную форму преподавательской корпорации митрополит видел в ученном монашеском братстве: не только потому, что в таком случае все члены корпорации являются насельниками монастыря и не имеют внешней, внемонастырской и внеучебной жизни, но и потому, что только от монашествующего можно требовать полного отречения и жертвенного служения науке и школе, а иноческий образ наиболее ярко отражает христианский нравственный идеал, к которому призывается молодой богослов¹³⁸. На это же была нацелена система личных стипендий для наиболее талантливых и ревностных, составление индивидуальных учебных планов, командирование в другие московские учебные заведения (Московский университет, Филологическая семинария Дружеского общества). Конечно, преодолеть жесткие бурсацкие нравы не всегда удавалось, но студенты, видя пример в отношениях учащихся между собой и зная, что о каждом есть личное попечение и содействие его талантам, нередко являли образцы христианского подвига. Московские школы славились как лучшие духовно-педагогические институты: туда приезжали из провинциальных семинарий для «учительской» подготовки, иногда представители московских школ приглашались в другие епархии для налаживания учебного процесса¹³⁹.

Митрополит Платон обращал пристальное внимание на выработку способов преподавания богословия. Традиции западной схоластики снабдили российскую духовную школу богатым набором форм, жанров, методик. Система вопросов-ответов, диссертаций, диспутов, репетиций, проверенная веками, погружала духовного воспитанника в особый мир, иногда довольно далеко отстоявший от реальной российской церковной жизни и казавшийся иллюзорным. Порой эта традиция резко критиковалась и высмеивалась представителями русского богословия¹⁴⁰, но отступать от нее, не имея собственной учебно-методической системы, казалось неразумным. И митрополит Платон принимал дифференцированные решения: с одной стороны, он старался оживить и придать большую осмысленность «латинской дрессировке», а также избавить учебный процесс от излишних «словопрений», не углубляющих понимание проблемы, но уводящих мысль на «периферию» и лишаящих богословие сотериологического

¹³⁷ Сам Владыка любил прогуливаться с преподавателями и студентами Лаврской семинарии в роще на Корбухе, ведя ученые беседы, со многими выпускниками своих духовных школ долгие годы переписывался, наставляя и давая советы в трудных ситуациях (см.: *Знаменский П. В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001. С. 702).

¹³⁸ См.: Письмо митрополита Платона к митрополиту Амвросию (Подобедову) от 7 января 1808 г. // «Из глубины воззвах к Тебе, Господи...» Автобиография, избранные проповеди, письма преосвященного Платона, митрополита Московского. М., 1996. С. 107–108; *Смирнов С. К.* История Троицкой Лаврской семинарии... С. 145–148, 492–495. За время пребывания на московской кафедре митрополита Платона московская Славяно-греко-латинская академия дала Русской Церкви 22 архиерея, Троицкая Лаврская семинария — 30 архиереев.

¹³⁹ См.: *Смирнов С. К.* История Троицкой Лаврской семинарии... С. 547–548; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России... С. 670.

¹⁴⁰ См.: Письмо архимандрита Феофана (Прокоповича) к Якову Марцевичу 1716 г. // *Смирнов В. Г.* Феофан Прокопович. М., 1994. С. 185–188.

смысла. С другой стороны, такие элементы обучения, как упражнение в составлении риторических сочинений, а также диспуты и публичная защита составленных диссертаций, считал весьма полезными. Это давало умение владеть словом, богословской и философской терминологией, оперативно использовать полученные знания, полемический опыт¹⁴¹.

На протяжении второй половины XVIII в. в российских духовных школах формировался круг преподаваемых в них предметов. Определялся путь отечественной духовной школы: превратиться ли ей в подобие западных богословских факультетов, освободив учебные планы от небогословских предметов, или же, сохраняя свое особое положение, собственными силами обучать духовных воспитанников всем наукам, нужным и для их будущего служения, и для изучения наук богословских. В 1760–1780-е гг. был составлен ряд проектов по гармонизации университетской идеи и богословского образования. Митрополит Платон, участвуя в 1766 г. в выработке проекта Духовного университета, был сторонником самостоятельного развития в недрах духовной школы всех необходимых наук как гуманитарных, так и наук «положительного знания» — математики, географии¹⁴². В 1770-е гг. ему поручили попечение о проектируемом богословском факультете, который должен был стать уникальным сочетанием общеуниверситетского единства и церковного управления. Акцент сделали на церковном управлении, и факультет еще в своем проектном варианте сблизился с Московской академией, а в реальности просто отождествился с ней¹⁴³.

Особое значение митрополит Платон придавал изучению языков как древних, так и новых. Только эта возможность встать «лицом к лицу» с источником, без посредников, давала, по его мнению, перспективы самостоятельного развития российского богословия. Усилиями митрополита Платона была сформирована знаменитая на всю Россию школа латинистов в Троицкой семинарии, для преподавания греческого и еврейского языков он старался искать природных греков и евреев, ввел преподавание новогреческого языка, создал немецкий и французский классы, обучив преподавателей в Московском университете¹⁴⁴.

По-своему смотрел митрополит Платон на финансирование духовных школ. Этот вопрос, болезненный во все времена, для архиереев XVIII в. становился иногда решающим. Содержать школы на епархиальные средства и при этом радеть о расширении учебных курсов, повышении уровня преподавания, приглашении внешних специалистов было практически невозможно. Обещанное финансирование, связанное с секуляризацией 1764 г., не оправдало ожиданий, и архиереям по-прежнему приходилось творчески подходить к решению этой проблемы. Идея централизованного обеспечения духовных школ, любезная сердцу некоторых архиереев, митрополитом Платоном разделялась лишь вначале. В

¹⁴¹ См.: *Смирнов С. К.* История Троицкой Лаврской семинарии... С. 255–256; *Знаменский П. В.* Духовные школы в России... С. 746–748.

¹⁴² См.: *Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв.*... С. 268–323.

¹⁴³ См.: *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 66–67; Проект богословского факультета при Екатерине II // *Вестник Европы*. 1873. Т. VI (XLIV). № 11. С. 300–317.

¹⁴⁴ См.: *Смирнов С. К.* История Троицкой Лаврской семинарии... С. 341–345.

дальнейшем он настаивал на том, чтобы учебные суммы направлялись лично епархиальным архиереям, с правом самостоятельного их распределения. Вообще концепцию жесткой централизации духовно-учебной системы в зрелые годы преосвященный Платон не разделял¹⁴⁵: это уводило духовные школы из-под отеческого внимания и попечения архиерея, а универсализация учебных планов не могла учесть местной специфики. Личностный подход, преодолевавший казенщину, при централизации был затруднен. Ослабление связи духовной школы с архиереем усложняло подбор кадров для приходского служения.

* * *

XIX век открыл новую эпоху в истории образования, как европейского, так и российского. В Европе утверждалась модель немецкого «классического» университета, кардинально менявшая как внутреннее содержание и принципы научно-учебной деятельности высшего учебного заведения, так и роль университета в обществе, науке и культуре. В России в первые десятилетия этого века — «дней Александровских прекрасное начало» — были проведены радикальные реформы всего образования, как государственного (в 1803–1804 гг.), так и церковного, духовного (в 1808–1814 гг.). В результате этих реформ были выстроены две научно-образовательные системы, внешне очень сходные между собой: централизация, объединение школ в учебные округа, выделение в учебной системе последовательных и соподчиненных ступеней¹⁴⁶. Во главе народного образования было поставлено Министерство народного просвещения (МНП), во главе духовно-учебной системы — комиссия Духовных Училищ (КДУ).

Однако, при этом внешнем сходстве, у каждой системы были свои задачи и связанные с ними особенности. Для духовно-учебной системы главной задачей была подготовка образованного духовенства, и именно эта задача должна была определять деятельность всей системы в целом и каждого ее уровня. Но конкретные задачи каждой ступени были определены следующим образом: низшие

¹⁴⁵ «Доклад от Правления Московской славяно-греко-латинской академии», адресованный митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Амвросию (Подобедову); «Предварительное начертание об учреждении Московской Академии», составленное в конце 1804 г. по поручению митрополита Платона преосвященным Августином (Виноградским), викарием Московской епархии; Отзыв митрополита Платона на проект реформы, составленный епископом Евгением (см.: *Полтаев Н.* Проект митрополита Евгения Болховитинова, его записки о духовных школах и значение его проекта по отношению к Уставу духовных академий, семинарий и училищ 1814 г. // *Странник.* 1889. № 8. С. 526–530; № 9. С. 54–64). См. также: Письмо митрополита Платона к преосвященному Августину (Виноградскому) от 16 декабря 1805 г. // «Из глубины возвах к Тебе, Господи...» С. 103.

¹⁴⁶ Ср.: Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 г. Устав Императорского Московского университета // ПСЗ I. Т. XXVIII. СПб., 1830. № 21498. § 163–177. С. 586–588; Высочайше утвержденный 26 июня 1808 г. Доклад Комитета об усовершенствовании духовных училищ и начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства // ПСЗ I. Т. XXX. СПб., 1830. № 23122. § 1–12. С. 383; Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. проект Устава православных духовных училищ // ПСЗ I. Т. XXXII. СПб., 1830. № 25673 (далее: Устав Духовных Академий 1814 г.). § 442–479. С. 950–954. Об этом более подробно см.: *Сухова Н. Ю.* Становление и развитие богословской науки в России: проблемы и пути их решения (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Материалы XVII Ежегодной Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета 2007 г.*: В 2 т. Т. I. М., 2007. С. 325–335.

ступени — приходские и уездные Духовные Училища — соответственно давали начальное образование и готовили церковнослужителей (пономарей, дьячков); средние, епархиальные школы — Духовные Семинарии — священнослужителей. Высшие же школы — Духовные Академии — должны были, с одной стороны, руководить всем образовательным процессом, готовя преподавателей для самих себя и для низших уровней своей системы, разрабатывая учебные пособия и методы; с другой стороны, определять главные образовательные идеи, принципы, саму «философию» образования.

Так как было решено образовать четыре духовно-учебных округа, новые Духовные Академии должны были открыться в тех городах, в которых действовали старые, дореформенные Академии: в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Казани. Нехватка денег и образованных кадров, готовых учить и учиться по новым правилам, определили поэтапное проведение реформы, однако порядок преобразования определялся не древностью академий, а новыми российскими условиями, то есть, начать предполагали со столичного — Санкт-Петербургского округа; затем перейти ко второму, Московскому; а затем уже добраться до Киевского и Казанского¹⁴⁷.

После того, как в 1808 г. был составлен проект духовно-учебной реформы и в феврале 1809 г. открыта по новым правилам Санкт-Петербургская Духовная Академия, Московской школе оставалось ждать своего преобразования.

Однако в 1812 г. произошло событие, не только потрясшее всю Россию, но и крайне важное для истории Русской Православной Церкви — трагическая и блестящая Отечественная война 1812 г. Эта война, «ключевым городом» которой стала Москва, имела большое значение для дальнейшей судьбы Московской Академии.

В этом же 1812 г. скончался митрополит Платон — благодетель Московской Академии и великий представитель старой системы духовного образования. Кончина преосвященного Платона знаменовала завершение истории старой — славяно-греко-латинской — Московской Академии и наступление новой эпохи, с ее достижениями и проблемами.

3. Исторический путь Московской духовной академии (1814–1920-е)

Преобразование 1814 г. и начало Московской духовной академии

Московская Духовная Академия — преемница Московской Славяно-греко-латинской Академии — начала свое бытие с именного указа императора Александра I от 30 августа 1814 г. об утверждении проекта Устава Духовных Академий. В этом указе говорилось, что первый курс Александровской (Санкт-Петербургской) Духовной Академии завершен, а, значит, получили образование учителя для открытия по новому Уставу Московского духовно-учебного округа во

¹⁴⁷ Более подробно о поэтапном проведении духовно-учебной реформы см. статью Н. Ю. Суховой «Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII — начало XX в.)» на этом диске.

главе с Московской Духовной Академией¹⁴⁸. Император призывал Комиссию Духовных Училищ при Святейшем Синоде, поставленную во главе российской духовно-учебной системы, обратить «свое внимание как на сих новообразованных Учителей, так и на самая Училища, чтобы устроить их в прямом смысле: Училищами истины». В указе говорилось, что просвещение вообще, по сути своей, «есть распространение света», который «во тьме светится и тьма его необъят»¹⁴⁹. Тем более, духовные училища, единственной целью которых является «внутреннее образование юношей к деятельному Христианству», должны, «сего то света держась во всех случаях, вести учащихся к истинным источникам» единственным способом, указанным в Евангелии: «Христос есть путь, истина и живот»¹⁵⁰.

Еще 21 мая 1814 г. преемнику митрополита Платона — управляющему Московской епархии епископу Августину (Виноградскому) — был прислан указ Святейшего Синода, в котором, кроме всего прочего, требовалось высказать мнение: «не найдет и он за полезнейшее поместить будущую Московскую Академию в Сергиевской Лавре»¹⁵¹? Преосвященный Августин ответил на этот вопрос положительно, свидетельствуя, что здания Академии в Заиконоспасском монастыре «очень ветхи, не уместительны и по самому местоположению стеснен и, яко в середине города находящиеся, для высшего училища совсем неспособны»¹⁵². Мнение Московского архиерея было учтено, хотя решение Синода, видимо, сформировалось и до ответа преосвященного Августина. Поэтому в июле 1814 г. было решено поместить Московскую Академию в Троице-Сергиеву Лавру, передав ей здания Лаврской Семинарии, то есть, нижний этаж так называемых «царских чертогов», построенных еще при Петре I для проживания особ царской фамилии во время посещения Лавры. Помимо этого, Академии был отдан верхний этаж «чертогов», недоступный Семинарии, и разрешено было употребить на перестройку и устройство 30 000 руб. ассигнациями из сумм Славяно-греко-латинской Академии, хранившихся в Опекунском банке¹⁵³.

Очень непростым оказался кадровый вопрос: выбор начальствующих, формирование профессорско-преподавательской и студенческой корпораций. Еще после майского указа Синода преосвященный Августин запросил Правления Московской Академии и Троицкой и Вифанской Семинарий: кто из наличных учителей сможет приносить пользу «по предположенному новому порядку учения»

¹⁴⁸ Именной указ об утверждении проекта Устава православных духовных училищ 1814 г. // ПСЗ I. Т. XXXII. С. 910. О преобразовании СПбДА и обучении ее первого курса (1809–1814) — статью Д. А. Карпука «Санкт-Петербургская Православная Духовная Академия. Вехи истории» на этом диске.

¹⁴⁹ Аллюзия на Пролог Евангелия от Иоанна: Ин. 1: 5.

¹⁵⁰ Именной указ об утверждении проекта Устава... С. 911.

¹⁵¹ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии до ее преобразования 1814–1870. М., 1879. С. 1.

¹⁵² Там же. С. 3.

¹⁵³ РГИА. Ф. 802. Оп.1. Д. 1116. 1814 г. О распоряжениях касательно окончания учебного курса в Санкт-Петербургской Духовной Академии, о размещении окончивших, о формировании нового курса, об открытии реформированного Московского учебного округа и об устройстве Московской Академии в Троице-Сергиевой Лавре; Д. 1207. 1814 г. Высочайше утвержденный доклад Комиссии об изъятиях и дополнениях Устава о образовании духовных училищ (27 августа 1814 г.).

и по каким предметам? Тем из преподавателей, кто будет намечен на должности в новую Академию, предлагалось представить конспекты «тех наук, к преподаванию которых они чувствуют себя способными», при этом учащие побуждались «присовокупить и другие какие-либо опыты своего знания»¹⁵⁴. По обсуждении этих предложений и рассмотрении конспектов на остальные места предполагалось призвать выпускников I курса СПбДА.

Ректором новой МДА был определен архимандрит Симеон (Крылов), состоявший с 1810 г. на той же должности в Славяно-греко-латинской Академии и рекомендованный преосвященным Августином, как человек, доказавший «многими значительными опытами.. как глубокое знание в науках богословских, так и отличную способность к прохождению ректорской должности»¹⁵⁵. Одновременно с ректорством в МДА о. Симеон бы утвержден архимандритом Донского монастыря. Инспектором Академии был назначен архимандрит Волоколамского монастыря Филарет (Амфитеатров), переведенный с такой же должности из СПбДА и имевший личный опыт становления Духовной Академии по правилам нового Устава.

По Уставу 1814 г. преподавательская корпорация должна была состоять из шести профессоров и двенадцати бакалавров — адъюнкт-профессоров¹⁵⁶. Появление термина «бакалавр» в Уставе духовных академий объяснить довольно сложно, так как его не использовали ни российские университеты, ни Академия наук, — только непосредственным влиянием европейской системы¹⁵⁷. В бакалавры МДА были определены трое учителей старой Славяно-греко-латинской Академии, один учитель Лаврской Семинарии, прочие восемь были подобраны из выпускников первого курса Санкт-Петербургской Академии¹⁵⁸.

¹⁵⁴ Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии... С. 2.

¹⁵⁵ Там же. С. 3, 5.

¹⁵⁶ См.: Устав Духовных Академий 1814 г. § 26, 27, 33, 40.

¹⁵⁷ Бакалавр (*лат.* *baccalaureus*) — молодой человек (от *laugus* — лавр, ветвь или венок, *басса* — ягода, всякий древесный плод, *басса лауги* — плод лавра); в поэтическом смысле — жемчужина; также — триумф, победа. Был введен в Парижском университете в XIII в. и означало начальную степень, с которой связывалось либо прохождение начальных ступеней экзаменов, либо преподавательская практика под руководством профессора (см.: Начертание правил 1808 г. § 85; Бакалавр // Православная богословская энциклопедия / Под ред. А. П. Лопухина. Т. II. СПб., 1901. Стб. 260–262; Сухова Н. Ю. Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.). М., 2012. С. 14).

Впрочем, сами носители этого звания в российских Духовных Академиях в шутку, подразумевая свои служебные обязанности, приводили другой перевод: *baculum* (*baculus*) — палка, трость; по отношению к профессорам — для помощи в обучении студентов; по отношению к студентам — для усиления ревности по делу (Письмо архимандрита Филарета (Дроздова) к священнику Г. Г. Пономареву от 26 февраля 1812 г. // *Свт. Филарет (Дроздов). Избранные труды, письма, воспоминания.* М., 2003. С. 658).

¹⁵⁸ РГИА Ф. 802. Оп. 1. Д. 1172. 1814 г. По представлению академического Санкт-Петербургского Правления, с мнением о конспектах разных лиц. Тут же и о назначении для Московской Академии и для семинарий Санкт-Петербургского и Московского округов профессоров (июль 1814 г.).

В МДА были направлены выпускники I курса СПбДА: магистры Г. А. Левицкий (Левитский), И. К. Носов, В. И. Кутневич, П. И. Розанов, В. В. Херсонский, А. И. Тяжелов, старший кандидат М. Ф. Божанов и кандидат Г. К. Огиевский (см.: *Родосский А. С. Списки первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии.* СПб., 1907. С. XXIX–XXXIV).

Определением центрального органа управления духовно-учебными заведениями — КДУ — от 18 августа 1814 г. было положено составить первый учебный курс в новой Академии из 70 воспитанников, и для этого «вытребовать» из Московской Славяно-греко-латинской Академии 20 человек, из Лаврской Семинарии — 5, Вифанской — 6, Ярославской — 4, Рязанской — 8, Калужской — 2, Владимирской — 2, Вологодской — 6, Костромской — 8, Тульской — 9¹⁵⁹. Именно на этих юношах предполагалось проверить положения нового Устава в московских условиях для дальнейшей конкретизации в местных внутри-академических документах.

Новая МДА унаследовала две богатейшие библиотеки: Славяно-греко-латинской Академии и Троицкой Семинарии, собиравшиеся в течение 130 и 70 лет соответственно¹⁶⁰. Они положили основу знаменитой библиотеке МДА, которая в дальнейшем пополнилась несколькими переданными ей библиотечными собраниями, ценными книгами из Синодальной библиотеки, специальной закупкой необходимой научной литературы, выпиской периодических изданий.

Торжественное открытие Московской Духовной Академии в Троице-Сергиевой Лавре состоялось 1 октября 1814 г., в день праздника Покрова Божией Матери. Тем самым Академия, ее начальствующие, учащие и учащиеся поручались покрову и заступлению Богородицы. Божественную Литургию у мощей Преподобного Сергия и акт открытия Академии возглавил преосвященный Августин, который за месяц до этого был возведен в сан архиепископа, назначен архимандритом Троицкой-Сергиевой Лавры, стал членом Святейшего Синода и официальным управляющим Московской митрополии¹⁶¹. Открытие МДА проходило очень торжественно. После прочтения Высочайшего указа об открытии МДА по новым правилам и о принципах жизни высшей духовной школы студентами I курса был воспет кант с характерными словами, которые, с одной стороны, перекликались с императорским указом, с другой, — содержали отзвуки недавней войны 1812 г.:

Внемлите все: — монарха глас,
Глас вечной правды, глас священный.
Гремит — и восхищает нас.
Благословен Благословенный!

Гремит — и мудрость, дочь небес,
Свой храм пришедшим отверзает:
Храм света, истины, чудес,
Красой и высотой сияет.

¹⁵⁹ РГИА Ф. 802. Оп. 1. Д. 1162. 1814 г. О назначении для Московской Духовной Академии 39 студентов из семинарий (3 июля 1814 г.); Там же. Д. 1215. О составлении первого курса МДА; Там же. Ф. 815. Оп. 16. Д. 715. 1814 г. О вызове из семинарий студентов для укомплектования новоучрежденной Московской Академии.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1253. О передаче МДА библиотек Славяно-греко-латинской Академии и Лаврской семинарии.

¹⁶¹ Ф. 802. Оп. 1. Д. 1244. 1814 г. Об открытии Московской Духовной Академии. Л. 1–5; Там же. Д. 1268. 1814 г. Об открытии 1 октября 1814 года Московской и Спасо-Вифанской Семинарий. Л. 1–8. .

Блажен, кто с чистою душой,
С желаньем пламенным и верой,
Грядет в него прямой стезей,
Христовым умудряясь примером.

Он в мире новый мир найдет;
Познав себя, познает Бога,
И, дольних образы прешед,
Войдет внутрь горнего чертога...»¹⁶²

Очень важна была речь ректора Академии архимандрита Симеона: он должен был не только приветствовать начало нового этапа в деятельности высшей Московской духовной школы, но выделить главное, что должно было на этом этапе определять деятельность начальствующих, учащихся и учащихся. Отец Ректор, прежде всего, обратил внимание на особенность нового положения Академии: «вертоград благочестия» и духовных наук насажден в «святой обители святых Угодников», что давало надежды на принесение обильных плодов «на благо Отечества». Наставники призывались соответствовать своим служением заявленной цели «училищ истины» и быть достойными избрания начальства. Студенты «вступающие в новое поприще наук», призывались к «подвигу истинного просвещения», которое открывается преуспевающим не только в прилежании, но и в благочестии и добродетели, при этом «не зараженным духом суемудрия и своеволия», «кротким и смиренным сердцем»¹⁶³.

В идее «Духовной Академии», положенной в основу реформы 1808–1814 гг., было соединено четыре главных идеи: Академии наук *духовных*, *Духовного университета*, школы *духовного* воспитания и профессиональной школы подготовки *духовенства*, как общего предназначения всей духовно-учебной системы¹⁶⁴. Первые три идеи отражались в задачах Академии или «тройком предмете установления духовных академий»: «1) образование духовного юношества к высшим должностям»; 2) распространение и поощрение учености в духовенстве; 3) управление духовных училищ, Академии подчиненных»¹⁶⁵: учебная и воспитательная идеи включались в первую задачу, научная — во вторую. Задача профессиональной подготовки священства, как было указано выше, перед Академиями не ставилась, но оставался вопрос, должна ли была как-то реализовываться специфика Академий как школ *духовных*, имевших все же непосредственную связь с пастырским служением. Возможно, эта специфика эксплицитно присутствовала в первой задаче — подготовки к высшим —

¹⁶² Цит. по: *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии... С. 7.

¹⁶³ Там же. С. 9–10.

¹⁶⁴ Более подробно о содержательном наполнении этих идей и их сочетании в одном учебном заведении см. статью Н. Ю. Суховой «Духовные школы и духовное просвещение в России (XVII — начало XX в.)» на этом диске.

¹⁶⁵ Высочайше утвержденный 26 июня 1808 г. Доклад Комитета об усовершенствовании духовных училищ и начертании правил для образования сих училищ и составлении капитала на содержание духовенства // ПСЗ I. Т. XXX. СПб., 1830. № 23122. С. 368–395. § 79. Эта же «тройкая» цель указывалась в окончательной редакции Устава 1814 г.

церковным — должностям, но в Уставе это никак не было конкретизировано. На это следует обратить внимание, так как вопрос о связи Академий с пастырским служением в дальнейшем неоднократно вставал при обсуждении проблем высшей духовной школы.

Сложная смысловая нагрузка была связана с третьей — управленческой — задачей Академии. Судя по документам Комитета, разрабатывавшего проект духовно-учебной реформы в 1807–1808 гг., и по последующим указам КДУ «управление» подразумевало не только административную составляющую, но и учебно-методическую, а также связь Академии со своими выпускниками (преподавателями Семинарий) и будущими студентами (выпускниками Семинарий).

Структура Академии была так же сложна, как и ее предназначение. Каждой из трех выделенных задач соответствовал свой руководящий орган: учебному институту — Внутреннее академическое правление, научному центру — Конференция, центру духовно-учебного округа — Внешнее академическое правление¹⁶⁶.

Почти с самого открытия МДА с ней, кроме непосредственных начальствующих и епархиального архиерея (до 1818 г. — преосвященный Августин, в 1818–1821 гг. — преосвященный Серафим (Глаголевский)), был тесно связан будущий митрополит Московский святитель Филарет, определявший в дальнейшем жизнь Академии на протяжении 46 лет (1821–1867). Уже в 1815 г., на исходе первого года деятельности Академии в Троице-Сергиевой Лавре, ректор СПбДА архимандрит Филарет по поручению КДУ проводил ревизию МДА; затем это повторялось в 1818 г., при выпуске I курса Академии, и в 1820 г. В дальнейшем, уже став правящим Московским архиереем, святитель Филарет практически ежегодно присутствовал на академических переводных и выпускных экзаменах. Историк МДА протоиерей С. К. Смирнов, исходя из этого, предлагал считать — хотя и с некоторой натяжкой — «Филаретовским» 56-летний период в деятельности Академии: от кончины митрополита Платона в 1812 г. до кончины святителя Филарета в 1867 г.

Святителю Филарету принадлежала и первая оценка состояния МДА в 1815 г., через год после открытия: «Академия, судя по недавнему ее существованию, находится в хорошем состоянии»¹⁶⁷.

МДА должна была стать центром поддержания и развития «учености» духовенства своего округа. Критерием «духовной учености» должна была стать система научно-богословской аттестации, введенная реформой 1808–1814 гг.:

¹⁶⁶ «Начертание правил» в 1808 г. определяло четыре отделения академии: институт, состоящий из преподавателей и студентов; центр учености, представленный Конференцией; Внешнее управление семинариями; Внутреннее управление самой академией (§ 80–130). Проект 1809 г. и Устав Духовных Академий 1814 г. упростили эту структуру, выделив три части управления, согласно трем задачам Академий: 1) Внутреннее управление самой академией, 2) Конференция, отвечающая за распространение духовного просвещения во всем учебном округе, и 3) Внешнее, т.е. управление семинариями, подчиненными академии.

¹⁶⁷ *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, изданное под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского: В 5 т. Т. I. С. 243.

присвоение выпускникам Академии степеней кандидата и магистра богословия, а зрелым, состоявшимся ученым — и доктора богословия. Отвечать за уровень «учености» как в самом центре — Академии, так и в округе должна была Конференция. Однако московская Конференция была открыта только в 1818 г., при выпуске I курса МДА, поэтому первые четыре года все обязанности, связанные с научно-учебной стороной жизни Академии, решались Правлением. Но корпорация МДА даже в эти годы представляла собой достаточно состоятельное ученое сообщество, даже с точки зрения новых критериев — знаков научно-богословской аттестации степеней: в ее составе бы доктор богословия — инспектор, а с 1816 г. ректор архимандрит Филарет (Амфитеатров); шесть магистров (выпускники I курса СПбДА: Г. А. Левицкий, И. К. Носов (до 1815 г.¹⁶⁸), В. И. Кутневич, П. И. Розанов, В. В. Херсонский, А. И. Тяжелов, М. Ф. Божанов (с 1815 г.)) и кандидат (Г. К. Огиевский).

Следует отметить, что нововведенная система научно-богословской аттестации в какой-то степени подтвердила состоятельность дореформенных московских школ. Все три первых почетных доктора богословия, на которых в 1814 г. в СПбДА была «основана» богословская докторская степень — митрополит Амвросий (Подобедов), архиепископы Михаил (Десницкий) и Серафим (Глаголевский)¹⁶⁹, — были выпускниками дореформенных московских духовных школ: митрополит Амвросий — Троицкой Лаврской семинарии (1764), архиепископы Михаил и Серафим — Московской Славяно-греко-латинской академии (оба — 1785). Кроме того, архиепископ Серафим в 1785–1787 гг. был преподавателем Троицкой Лаврской семинарии, а в 1787–1799 гг. последовательно учителем риторики и академическим катехизатором, преподавателем философии и префектом, профессором богословия и ректором Московской Славяно-греко-латинской академии. Были связаны с московскими школами и три первых действующих доктора богословия, избранных в СПбДА в тот же день: ректор СПбДА архимандрит Филарет (Дроздов) и ректор Санкт-Петербургской ДС архимандрит Иннокентий (Смирнов) были выпускниками дореформенной Троицкой Лаврской семинарии. По парадоксальному совпадению единственный из первых шести докторов богословия, не прошедший московских духовных школ — инспектор СПбДА архимандрит Филарет (Амфитеатров), — был связан с ними последующим служением, будучи в 1814–1816 гг. инспектором, а в 1816–1819 гг. — ректором МДА.

Учебный институт, или университет при Академии должен был заниматься обучением духовного юношества, подготовкой их «к высшим должностям», к духовно-учебной преподавательской деятельности и вообще просвещенному сужению Церкви. Организацией учебного процесса должно было Внутреннее Правление Академии, личная ответственность была возложена на ректора¹⁷⁰. По структуре и принципам деятельности напоминал дореформенные академии. Он состоял из шести классов: богословского, философского, словесного,

¹⁶⁸ В 1815 г. уволился из МДА по болезни в светское звание.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1170; *Чистович И. А.* История Санкт-Петербургской духовной академии. С. 230–237; *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений... Т. I. СПб., 1885. С. 117–118.

¹⁷⁰ См.: Устав Духовных Академий 1814 г. § 25–64.

исторического, физико-математического и класса языков, причем изучение первых пяти предшествовало изучению богословия. Устав 1814 г. оговаривал системность преподавания в целом и давал определенные рекомендации по каждому классу преподаваемых наук, но конкретизировать эти рекомендации должна была практика¹⁷¹.

Летом 1814 г. в преподавательскую корпорацию МДА было включено, кроме ректора и инспектора, 12 наставников: 2 — по богословскому классу, 1 — по церковной истории, 1 — по философскому классу, 2 — по словесному, 1 — по историческому, 1 — по математическому и 2 — по языковому (по еврейскому и греческому языкам) и 2 — по новым языкам (французскому и немецкому). Но 4-х-летний курс в Академии разделялся на два 2-х-летних отделения, в первом из которых — младшем — читались небогословские дисциплины, а во втором — старшем — богословские. Поэтому 5 из 12 преподавателей, определенных на богословский класс, должны были скорректировать свою деятельность на ближайшие два года. Так, ректор архимандрит Симеон занимался административными делами, а через два года вовсе покинул Академию, поэтому не читал и богословских лекций. Один из бакалавров богословия — иеромонах Гермоген (Сперанский) — занял должность библиотекаря; другой — иеромонах Никанор (Клементьевский) — стал помощником инспектора, а в октябре того же 1814 г. был определен наместником Лавры, но в дальнейшем был одновременно бакалавром церковной истории. Только один из преподавателей, имевших отношение к богословскому классу — инспектор Академии архимандрит Филарет (Амфитеатров) читал для студентов I курса лекции по экзегетике¹⁷². Ему же было суждено в 1816 г., при переходе I курса МДА в старшее — богословское — отделение — стать ректором Академии и начать чтение лекций по богословию (продолжение экзегетики и догматическое богословие). Кроме архимандрита Филарета, богословие в 1816 г. начали читать иеромонах Гермоген (обличительное богословие) и бакалавр Г. А. Левицкий (нравственное), а также архимандрит Никанор (церковную историю).

При открытии МДА в 1814 г. из КДУ были присланы конспект богословских наук, составленный в 1809 г. первым ректором СПбДА архимандритом Евграфом (Музалевским) и программа богословского курса с рекомендациями, разработанная третьим ректором СПбДА архимандритом Филаретом (Дроздовым) в 1814 г. Конспект был основан на богословской системе ректора КДА архимандрита Иринея (Фальковского), представлявшей собой сокращение богословского курса преосвященного Феофана (Прокоповича)¹⁷³.

¹⁷¹ См.: Там же. § 119–176.

¹⁷² См.: *Свт. Филарет (Дроздов). Собрание мнений...* Т. I. С. 243. Сохранились записи этих лекций студентами I курса МДА, например, в записи Ф. А. Голубинского, будущего протоиерея и профессора МДА: *Истолкование текста Бытия — лекции Филарета (Амфитеатрова) по курсу истолковательного богословия* (Ф. 173/II (Собрание рукописных книг Московской духовной академии (дополнительное)). Оп. 1. Д. 63).

¹⁷³ «Сия христианская богословия есть сокращение пространной богословии Феофана Прокоповича, архиепископа Новгородскаго; сократил же оную Киевской академии профессор богословии, викарный епископ Иринея Фальковский» (ОР РГБ. Ф. 304/II (Дополнительная библиотека). Оп. 1. Д. 159)

Программа богословского курса архимандрита Филарета — *Architectonica Theologica* — состояла из семи разделов: чтение Священного Писания, богословие толковательное (*Hermeneutica*), созерцательное (*Dogmatica*), деятельное или нравственное (*Practica*), обличительное (*Polemica*), собеседовательное (*Homiletica*), и правительственное (*Jus Canonicum*)¹⁷⁴.

Архимандрит Филарет (Амфитеатров), также взяв за основу курс архимандрита Иринейя, старался отрешиться в своих лекциях от всяких заимствований из западного богословия и основываться исключительно на Священном Писании. Поэтому каждая фраза его богословских трактатов на латинском языке подтверждалась текстами из Славянской Библии, при необходимости — греческим и еврейским текстами, с соответствующими филологическими пояснениями. Архимандрит Филарет несколько отошел от дореформенной системы «трехслойных» лекций по богословию (догматика, нравоучение, полемика), выделив последние два «слоя» бакалаврам богословского класса. Его лекции содержали преимущественно положительное православное вероучение, полемические трактаты присутствовали лишь в тех местах, где без этого нельзя было обойтись (например, учение об исхождении Святого Духа). Что касается нравоучительных выводов, то они были сохранены, но не в виде старых «нравственных уроков» «вообще и в частности», а в виде «христианской практики», проверенной духовно-нравственным опытом самого отца ректора¹⁷⁵.

Бакалавр нравственного богословия Г. А. Левицкий разделял свой курс на три части: богословская ифика (этика), Божественное правоучение и христианское благоразумие. При этом он старался основывать курс преимущественно на святоотеческих трудах нравоучительного характера, но рекомендовал для чтения и Фому Кемпийского и Иоганна Арндта¹⁷⁶.

Гомилетику в Московской Академии решено было преподавать не в виде «собеседовательной» части богословского курса, а выделить в особый класс церковного красноречия. Его занял магистр СПбДА П. И. Розанов, который читал лекции по 3-х-частной системе: история и важность церковного красноречия, должности церковного оратора, проповеднические правила. До СПбДА П. И. Розанов учился в МСГЛА, поэтому знал московскую «платоновскую» проповедническую традицию, однако свой курс он строил по примеру СПбДА, основываясь на записках о высшем красноречии М. М. Сперанского¹⁷⁷ и «Руководства», переведенного с латинского и изданного Синодом¹⁷⁸.

Очень в непрестом положении оказались бакалавры, попавшие на небогословские классы: следовало выработать постановку преподаваемых наук применительно к «духовной учености». Большинство бакалавров «первого призыва» имели личный опыт обучения в СПбДА, где I курсу лекции по

¹⁷⁴ См.: Обзорение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах // *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений... Т. I. С. 123–151.

¹⁷⁵ См.: *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии... С. 13–15.

¹⁷⁶ См.: О подражании Христу. Четыре книги Фомы Кемпийского / Пер. М. М. Сперанского. СПб., 1819; *Арндт И.* Об истинном христианстве: в 5 ч. СПб., 1800–1801.

¹⁷⁷ Рукописные записки, хранились в библиотеке СПбДА; позднее изданы: *Сперанский М.* Правила высшего красноречия. СПб., 1844.

¹⁷⁸ Руководство к церковному красноречию / Пер. с лат. иеромонаха И. СПб., 1804.

небогословским дисциплинам читали специалисты, не учитывавшие специфики духовного образования. Поэтому приходилось действовать самостоятельно. Но довольно скоро стали профессорами: так, магистр В. И. Кутневич в 1815 г. стал профессором математики, в 1816 г. — философии, В. В. Херсонский в 1818 г. — профессором истории, А. И. Тяжелов в том же году — профессором класса языков (еврейского).

Крайне важным для Академии было воспитание «юношества, Церкви посвященного», его духовно-нравственное формирование¹⁷⁹, о котором говорилось в первых параграфах Устава духовных академий 1814 г. Устав назначал молитву в положенные часы, отсутствие которой или небрежность должны считаться «вящим злом, нежели упущение важнейших уроков»; «духовные упражнения». В качестве важных черт, которые следовало вырабатывать у духовного юношества, выделялись: привычка к повиновению, укрепляющая начала Христианской нравственности; «доброе употребление времени и непрерывная деятельность»; «поучительные прогулки». На юношей всегда должно было обращать «попечительное око надзирателей»: в классах, вне классов и даже невидимо сопровождать их вне Училищ; к усердным следовало применять поощрение, к нерадивым — исправление¹⁸⁰. Эти параграфы напоминали соответствующие места знаменитого иезуитского документа «Ratio studiorum» (1599)¹⁸¹ и были унаследованы от дореформенных Академий и Семинарий. За воспитательный процесс также отвечало Правление Академии, с возложением личной ответственности на инспектора, который должен был «неотлучно» жить при Академии¹⁸². Поэтому на протяжении всех 55 лет действия Устава 1814 г. инспекторскую должность в МДА занимали монашествующие. Первый инспектор МДА архимандрит Филарет (Амфитеатров) был известен своим благочестием, молитвенностью, монашеской аскезой; им был заложен в Академии строгий порядок и ритм церковной жизни. В помощь инспектору бы назначен бакалавр иеромонах Никанор (Клементьевский), причем даже став заместителем Лавры, он оставался помощником инспектора. Это обуславливало тесную связь Академии с лаврской жизнью, монастырскими богослужениями. Возможно, это повлияло на настрой студентов I курса, и 10 из них приняли монашество: Платон (Березин Павел), Владимир (Алявдин Василий), Моисей (Сахаров Михаил), Михаил (Добров Матфей), Анастасий (Воскресенский Афанасий), Иероним (Нестеровский Василий), Иоанн (Вишняковский Алексей), Сергей (Извеков Павел), Амфилохий (Тумский Александр), Филарет (Райский Феодор). В 1816 г. инспекторскую должность занял иеромонах Гермоген (Сперанский) — видимо, на это назначение повлиял отзыв о нем, данный в 1815 г. при ревизии МДА архимандритом Филаретом (Дроздовым): «неутомимо прилежен... назидателен для сотрудииков и

¹⁷⁹ Ф. 802. Оп. 1. Д. 1212. 1814 г. Именной Высочайший указ о цели воспитания духовного юношества.

¹⁸⁰ Устав Духовных Академий 1814 г. § 8–15.

¹⁸¹ «Ratio Studiorum atque Institutio Studiorum Societatis de Jesu» («Порядок изучения наук, а также Устройство ученых занятий в Обществе Иисуса»), официально опубликованный в 1599 г. — теоретическое выражение учебной концепции Общества Иисуса, являющейся адаптацией средневековых школьно-университетских канонов к новым условиям и задачам образования XVI в.

¹⁸² Там же. § 17, 65–117.

воспитанников примером благочестивой и строгой жизни»¹⁸³. 16 февраля 1816 г. Гермоген был назначен инспектором Академии, возведенный в связи с этим в сан архимандрита.

Студенты I курса МДА были настроены не только ревностно и благочестиво, но и творчески. В 1816 г., при переходе в старшее — богословское — отделение ими был организован кружок «Ученые беседы» — для самостоятельного осмысления проблемных тем богословской науки. Инициаторами были лучшие студенты курса: Феодор Голубинский, Платон Доброхотов и Петр Делицын — будущие профессора Академии. Члены кружка составляли рефераты, которые потом обсуждались на общих заседаниях¹⁸⁴. Кружок действовал недолго: как только студенты этого курса стали преподавателями, у них появилось профессиональное поприще для актуализации полученных знаний, а последующие курсы преемниками в этом деле не стали. Но деятельность этого кружка стала уникальным примером проявления самостоятельного творчества духовного юношества, призванного к постижению высоких истин.

С первых лет своей деятельности МДА должна была вступить в руководство своим духовно-учебным округом. Но Внешнее Правление, как и Конференция, было сформировано в 1818 г., поэтому первые четыре года решение вопросов, связанных с устроением семинарий по новому Уставу, составлением преподавательских корпораций, набором первых студентов лежало на плечах Внутреннего Правления. Так как реформа 1808–1814 гг. теснейшим образом связала духовные школы и академические степени со служением приходского священства, на Правление была возложена обязанность рекомендовать выпускников на приходские места. И за верностью решения этих вопросов также наблюдали ревизоры. Так, в июле 1815 г. при ревизии МДА архимандрит Филарет (Дроздов) поставил на вид Правлению замеченную им ошибку: на священническое место в Кострому был рекомендован смотритель Солигаличского ДУ Горского, не имевший академической степени, в обход преподавателей Костромской ДС, имевших кандидатские степени СПбДА¹⁸⁵.

В 1818 г. состоялся выпуск I курса Академии, в проверке этих первых плодов деятельности МДА принял участие и ревизор — епископ Ревельский Филарет (Дроздов). В отчете преосвященного ревизора есть сведения о знаниях студентов. Мнение святителя Филарета — автора богословского курса для академий — в данном случае представляет особую важность¹⁸⁶. С точки зрения преосвященного ревизора, более всего выпускники I курса МДА были сведущи в догматическом богословии, обладая «чистыми, основательными и обильными» сведениями. Правда, обращала на себя внимание «некоторая принужденность» в «порядке истин», которую ревизор объяснял следованием старым догматическим

¹⁸³ См.: *Свт. Филарет (Дроздов). Собрание мнений...* Т. I. С. 298.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 367. См. также: *Голубинский Ф. А., прот.* История общества, составившегося под названием «Ученых бесед» в Московской Духовной Академии 1816 года марта дня // У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 1–9.

¹⁸⁵ См.: *Свт. Филарет (Дроздов). Собрание мнений...* Т. I. С. 246.

¹⁸⁶ См.: *Обозрение богословских наук в отношении преподавания их в высших духовных училищах // Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений...* Т. I. С. 123–151.

системам, построенным по «топической методе» с «раздроблением понятий»¹⁸⁷. В целом благополучно, с точки зрения ревизора, обстояло дело и с преподаванием нравственного богословия — а этот раздел богословского учения святитель Филарет считал крайне важным для проводимой реформы, — хотя в вопросах, связанных с Божественным правом и христианским благоразумием, была замечена «сухость понятий, не напоенных из источника Слова Божия»¹⁸⁸. Особое внимание епископ Филарет обратил на «необработанность» в разделе сравнительного богословия «обличения расколов нашей Церкви» — эту тему следовало в будущем разрабатывать специально. Так и не было прочитано каноническое право: несмотря на традицию «платоновской» Академии, включавшей элементы канонического права еще в конце XVIII в., соответствующего преподавателя найти не удалось, это было задачей последующих лет¹⁸⁹.

«Ученость» выпускников и их способность размышлять на богословские темы были проверены и письменными работами — двумя «рассуждениями», на догматическую и экзегетическую темы, а для проверки практического владения красноречием — «возглашением к конференции... Академии, на случай открытия оной». По всем устным и письменным испытаниям были выделены лучшие: Петр Делицын, Платон Доброхотов, Феодор Голубинский, Павел Березин (в монашестве Платон), Михаил Сахаров (в монашестве Моисей), Никифор Потапов, Матфей Добров. Они и были намечены для пополнения корпорации МДА — этим было положено начало московской духовно-академической традиции. В целом из 66 выпускников I курса МДА 9 были оставлены в самой Академии, 46 получили места в Семинариях.

В том же 1818 г. в МДА были учреждены Конференция и Внешнее Правление, и Академия по своей структуре стала полностью соответствовать Уставу 1814 г. В Конференцию, кроме внутренних членов — профессоров Академии, были включены и внешние — представители московского духовенства: ректор Московской ДС архимандрит Парфений (Чертков), архимандриты Донского монастыря Евгений (Казанцев) и Высокопетровского Лаврентий (Бакшевский), протопресвитер Успенского собора Иаков Никольский, протоиерей Трехсвятительской церкви у Красных ворот, Николай Другов и священник Воскресенской церкви в Барашках Симеон Соколов. Все они были выпускниками Московской Славяно-греко-латинской Академии или Троицкой Семинарии, то есть по дореформенным понятиям принадлежали к образованному духовенству. В дальнейшем Конференция включала в качестве внешних членов выпускников Академии — архимандритов московских и подмосковных монастырей и священников московских церквей; непременно — ректоров Московской и Вифанской ДС и профессора богословия Московского университета. Ректор и все ординарные профессора Академии входили в состав Конференции по должности, для экстраординарных профессоров такое право испрашивалось и предоставлялось особо, при возведении их в это звание.

¹⁸⁷ Там же. С. 401.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же.

Однако жизнь внесла коррективы в начальные замыслы. С одной стороны, Академия очень скоро почувствовала специфику высшей школы: научные проблемы так тесно соединялись в ней с учебными, что решать первые без вторых было просто невозможно. Решение же учебных проблем подразумевало обсуждение широким преподавательским кругом. С другой стороны, в первые годы после преобразования в МДА не было в наличии шести ординарных профессоров. Поэтому в виде исключения и каждый раз с особого разрешения КДУ (до 1839 г.) или Святейшего Синода (после 1839 г.) некоторых бакалавров также стали включать в состав Конференции. Так, при открытии Конференции МДА в ее состав были включены наряду с ректором, инспектором и профессорами В. И. Кутневичем и А. И. Тяжеловым три бакалавра: архимандрит Никанор (Клементьевский), Г. А. Левицкий и П. И. Розанов¹⁹⁰. В 1820 г. членами этой Конференции стали выпускники МДА 1818 г. бакалавры П. С. Делицын и Ф. А. Голубинский¹⁹¹.

Устав 1814 г. настаивал на подчинении Академий напрямую КДУ при Святейшем Синоде, подчеркивая таким образом их общецерковное значение и определенную независимость от местного епархиального преосвященного. Поэтому, несмотря на главенство архиерея в Конференции, она, как ученое сообщество, должна была реализовывать свободное обсуждение проблем. Но в МДА в связи с этим не возникало противоречий, особенно когда правящим архиереем стал святитель Филарет (Дроздов), авторитет которого — не только епископский, но и научный — был вне сомнения.

Так как Конференция была теснейшим образом связана с учебной частью Академии, важную роль в делах и решениях Конференции играл ректор. Особенно это было заметно, когда ректором становился ученый-богослов с собственными идеями, научными и учебными проектами. Преосвященный Филарет (Амфитеатров) возглавлял МДА лишь до мая 1819 г., его сменил архимандрит Кирилл (Богословский-Платонов) (1819–1824) — магистр I курса СПбДА, а до этого — питомец Троицкой Лаврской Семинарии и стипендиат митрополит Платона. Архимандритом Кириллом были совершены три последующих выпуска МДА, на опыте которых была отлажена система экзаменов, присуждения выпускных степеней. В 1822 г. архимандрит Кирилл стал доктором богословия — степень была присуждена Конференцией СПбДА за экзегетическое сочинение «Опыт изъяснения послания Святого Апостола Павла к Евреям»¹⁹².

Преемником архимандрита Кирилла, который был хиротонисан в епископа Дмитровского, vicария Московской епархии, стал его однокурсник по СПбДА

¹⁹⁰ Следует учесть, что оба профессора и три бакалавра были однокурсниками — выпускниками первого курса (1814) преобразованной СПбДА, одновременно были определены в МДА и имели одинаковый по времени и событиям преподавательский опыт (см.: *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии... С. 409).

¹⁹¹ См.: Профессор Московской Духовной Академии, протоиерей Петр Спиридонович Делицын [Некролог] // ПТСО. 1863. Ч. XXII. Кн. 5/6. С. 685; *Глаголев С. С.* Протоиерей Ф. А. Голубинский: Его жизнь и деятельность // БВ. 1897. Т. IV. № 12. С. 443; *Голубцов С. А., протодиак.* МДА дореволюционного периода. Историческое исследование. Т. II. Кафедры и личный состав Академии. Ч. 2: Биобиблиографический словарь. 1814–1870. М., 1987. С. 41, 43.

¹⁹² См.: *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука... С. 158.

архимандрит Поликарп (Гайтанников) (1824–1835)¹⁹³. К моменту вступления на ректорский пост в МДА архимандрит Поликарп был уже доктором богословия: степень была присуждена ему во время пребывания на посту ректора Санкт-Петербургской ДС одновременно с архимандритом Кириллом, но не за конкретное сочинение, а по совокупности работ — «за основательные сведения его во всех существенных частях христианского богословия»¹⁹⁴. В это ректорство последовало знаменитое указание КДУ от 12 июня 1825 г., которое святитель Филарет (Дроздов) через два года назвал «обратным ходом, от общевразумительного учения к схоластицизму»¹⁹⁵. КДУ предписывала вернуться в изложении богословия на латинский язык и заменить собственные чтения или записки преподавателей Академий и Семинарий старыми печатными руководствами по строго указанному списку. Для догматического и нравственного богословия в Академиях рекомендовалась «богословия» преосвященного Феофилакта (Горского) на латинском языке¹⁹⁶. Очевидно, что быстрый переход на русский язык, плохо развитый в богословском отношении, приводил к казусам и некорректностям. Но Правление МДА, поддержанное правящим архиереем — архиепископом Московским Филаретом — поняло этот указ так, что старые системы на латинском языке следует рекомендовать студентам, не обременяя их записями, лектор же в аудитории имеет право читать по собственным конспектам¹⁹⁷.

Особой эпохой в жизни МДА стала ректура архимандрита Филарета (Гумилевского) (1835–1841) — магистра МДА 1830 г., бывшего бакалавром церковной истории, затем богословия, а с 1833 г. инспектором Академии. С архимандритом Филаретом связано зарождение в МДА церковно-исторической традиции, он же начал новый период в чтении догматического богословия. Самостоятельные богословские взгляды архимандрита Филарета, его творческий подход к научным изысканиям и постановке духовно-академического процесса много значил и для МДА в целом, и для деятельности ее научно-руководящего органа, Конференции. При архимандрите Филарете научная деятельность МДА пробовала вырабатывать новые формы развития: фундаментальные проекты по переводу творений святых отцов, периодический орган для публикации оригинальных сочинений членов корпорации.

Каждый из последующих ректоров — архимандриты Евсевий (Орлинский) (1841–1847), Алексей (Ржаницын) (1847–1853), Евгений (Сахаров-Платонов) (1853–1857), Сергей (Ляпидевский) (1857–1861) и Савва (Тихомиров) (1861–1862) — внес вклад в совершенствование той или иной стороны академической жизни и деятельности. В «Исторической записке», составленной в 1864 г. к пятидесятилетнему юбилею Академии, говорилось: «С благодарностью вспоминаем имена ректоров: Евсевия, деятельного и опытного в управлении, писателя плодovitого и популярного; Алексея, приветливого и милостивого

¹⁹³ В написании этой фамилия нет единообразия: в одних источниках «Гайтанников», в других — «Гойтанников»

¹⁹⁴ См.: Сухова Н. Ю. Русская богословская наука... С. 157.

¹⁹⁵ Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений... Т. II. С. 209–210.

¹⁹⁶ Многие объясняли этот указ влиянием митрополита Киевского Евгения (Болховитинова), который 25 февраля 1825 г. стал членом КДУ.

¹⁹⁷ См.: Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии... С. 19–20.

начальника, памятного для студентов улучшением их быта; Евгения, талантливого и строгого богослова...»¹⁹⁸. Однако все основные дела решались ректором в неизменном совете с митрополитом Московским, святителем Филаретом — именно он определял принципы деятельности МДА. Это позволяет говорить о непрерывной и неизменной на протяжении всего этого периода московской духовно-академической традиции.

Последний ректор этого периода протоиерей Александр Васильевич Горский (1862–1875) представляет особую фигуру в чреде начальствующих МДА. В его лице история российской духовной школы имела первый прецедент представителя белого духовенства на должности ректора Духовных Академий. Святитель Филарет желал видеть А. В. Горского на ректорстве МДА еще в декабре 1860 г., но тогда ставил непременным условием принятие монашества: «Да не поколеблются опоры Дома Божия»¹⁹⁹. После отказа протоиерея Горского принять монашество ректором стал архимандрит Савва (Тихомиров), но когда его через два года рукоположили во епископа, ректором все же был назначен протоиерей Александр Горский, несмотря на повторный отказ принять монашество. Старшим из протоиереев в МДА был в те годы профессор П. С. Делицын, но по преклонности лет и по характеру он не годился в ректоры²⁰⁰. Но протоиерей А. В. Горский был особой фигурой: «Это аскет–профессор, этот инок–мирянин, с подвижническою жизнью соединявший общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаниями и трудами, и это было необыкновенное явление. Оно едва ли повторится. Оно было созданием особого духовного строя в известный период Московской академии»²⁰¹. Поэтому ректорство протоиерея А. В. Горского лишь отчасти можно считать знаменем времени, хотя и этот шаг дался с великим трудом и переживаниями не только святителю Филарету (Дроздову), стороннику строго монашеского руководства духовной школой, но и самому протоиерею А. В. Горскому. «В моем лице Академия иерархически деградируется. По Уставу протоиерей — последний член возможности быть ректором», — считал сам ректор–протоиерей, хотя и признавал, что главное не в иночестве, а «был бы дух и направление достойны сана». Тем не менее, в опыте своего ректорства протоиерей А. В. Горский видел и иное значение: он, возможно, «даст выход белому духовенству на совместное с монашествующими занятие высших учебных должностей», а это повысит статус ученого служения, ибо «учащиеся теперь будут иметь в виду более лучшую возможность достигнуть высших должностей в ученом

¹⁹⁸ Смирнов С. Историческая записка о Московской Духовной Академии по случаю празднования ее 50-летия. Сергиев Посад, 1864.

¹⁹⁹ Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений... Т. V. С. 3–4.

²⁰⁰ Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений... Т. IV. С. 573–576; Т. V. Ч. 1. С. 354–355; Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника. Т. II. С. 795–796; Т. III. С. 33.

²⁰¹ Гиляров-Платонов Н. П. Сборник сочинений. Изд. К. П. Победоносцева. Т. II. 464–465. Вопрос о привлечении белого духовенства к управлению духовно-учебными заведениями было популярным и болезненным вопросом времени, особенно ярко проявившимся при обсуждении проекта комитета 1860 г. См.: Арсений (Москвин), митр. Письма к архиепископу Костромскому Платону // Русский архив. 1892. № 2. С. 209; Леонид (Краснопевков), архиеп. Из записок преосвященного Леонида, архиепископа Ярославского. М., 1907. С. 412.

обществе»²⁰². Поэтому, невзирая на то, что ректорство отвлекало от научных занятий, а ответственность и административные дела чрезвычайно отягощали, протоиерей А. В. Горский мужественно нес крест, выпавший на его долю.

Регулярными делами Конференции, в которых участвовали все действительные члены, были мероприятия, связанные с аттестацией успехов студентов и выпускников Академии, то есть, экзамены. Ежегодно проводились «рабочие» экзамены, каждое же двухлетнее отделение завершалось двумя видами испытаний — предварительными и решительными, открытыми²⁰³. Экзамены в МДА состояли в устной проверке знания и письменных «экспромтах»²⁰⁴. На устный экзамен обычно выносился не весь прочитанный в курсе материал, а отдельные вопросы, на которые сами преподаватели, читавшие лекции, писали и «сдавали» предварительно ответы — «записки» или «статьи»²⁰⁵. Ответы выдавались студентам, что, как кажется, мало соответствовало заявленному в 1808–1814 гг. стремлению к «учености» — как «предварительные», так и «решительные», — и присуждение выпускных степеней. Устав 1814 г. говорил о присутствии на предварительных испытаниях назначенных представителей Конференции: в 1820–40-х гг. в МДА эти представители избирались в собраниях Конференции²⁰⁶, а в 1850-х гг. ректор сам приглашал кого-то из внешних членов Конференции, бывших в городе. Для повышения статуса этих испытаний чаще всего приглашали единственного в Москве доктора богословия, кроме святителя Филарета (Дроздова), — выпускника и бывшего бакалавра МДА протоиерея Петра Терновского²⁰⁷. Нередко предварительные испытания посещал и сам митрополит Филарет (Дроздов).

Очень большое значение имели итоговые экзамены в конце каждого отделения. Экзаменационную комиссию возглавлял чаще всего святитель Филарет, иногда кто-то из викарных епископов, приглашались и важные московские лица, не имевшие непосредственного отношения к Академии. Экзамены были испытаниями не только для выпускников, но и для преподавателей — тем более что с выпуском совмещалась обычно ревизия академии с проверкой программ, конспектов, записок. Экзамен состоял из двух частей: ответов студентов на вопросы, составленные преподавателем данного предмета, и ответов на «неожиданные»

²⁰² Горский А., *прот.* Дневник. М., 1885. С. 158. См. также: Устав Духовных Академий 1814 г. § 12.

²⁰³ См.: Чистович. История СПбДА. С. 267 и далее; Соллертинский. Историческая записка о СПбДА. С. 16, 70.

²⁰⁴ Темы по всем предметам давались «рассудительные», но так или иначе связанные с основной специальностью — богословской наукой или духовным образованием. Например, в младшем, небогословском, отделении: по словесности — «Об отношении словесности к целям духовного образования», «Необходимо ли для успехов русского просвещения отрицание западной образованности?»; по логике — «Об ограниченности человеческого знания», «О практическом приложении логики», «О влиянии языка на развитие мысли» и др. (см.: Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника. Т. 1. С. 321–322, 329–330).

²⁰⁵ Из писем В. Н. Потапова отцу (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 17. Л. 76 об., 78 об., 86 об.–87 и др.); Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника. Т. 1. С. 321.

²⁰⁶ См.: Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений. Т. II. С. 412.

²⁰⁷ См.: Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника. Т. 2. С. 731.

вопросы, которые задавал обычно святитель Филарет — это было серьезным испытанием для членов корпорации²⁰⁸.

Однако в течение учебного времени внимание студентов было занято преимущественно письменными работами — семестровыми сочинениями. Оценки за семестровые сочинения включались в сумму, определявшую получаемую ученую степень, и это стимулировало усердие в их написании²⁰⁹. Так как в Уставе 1814 г. ничего не было сказано ни о количестве сочинений, которые должны были писаться в течение учебного года, ни о времени, отпускаемом на их написание, эти параметры менялись, причем как централизованно, так и внутри МДА. До 1820-х гг. обязательные сочинения и проповеди: студенты писали в конце года, в течение же учебного времени все определялось энтузиазмом преподавателя. В 1820-х гг. порядок подачи сочинений в МДА начал регламентироваться, и вплоть до 1850-х гг. студенты писали сочинения каждый месяц учебного времени, то есть, девять за год. В 1859 г. число сочинений было официально сокращено, однако в 1866 г. вновь увеличено. Ректор МДА протоиерей А. В. Горский, видя, как студенты тяготеют традиционными «рассуждениями», предполагал давать научные сочинения или статьи, для критического разбора и сравнительного анализа²¹⁰.

Увлечение сочинениями имело и оборотную сторону: парадоксальной академической традицией трудоемкая работа над сочинениями была противопоставлена посещению лекций. Так, архиепископ Савва (Тихомиров), вспоминая свое «неопустительное» посещение лекций во время учебы в МДА: к этому его обязывала добросовестность взрослого человека, «священническая совесть» и опасение оскорбить «почтенных наставников». При этом он «...не мог серьезно заниматься сочинениями, при утомленных силах», в отличие от его молодых и менее обязательных однокурсников, пропускавших лекции и сберегавших больше «времени и сил для занятий сочинениями»²¹¹.

Отношение преподавателей МДА к пропускам лекций было неоднозначным: с одной стороны, было досадно читать лекции в полупустой аудитории, с другой стороны, насильно загнанные слушатели вдохновляли мало. Так, Е. Е. Голубинский, преподававший в МДА с 1861 г. историю Русской Церкви, чувствовал «по временам» горькую обиду на студентов за их равнодушие к лекциям, но «считал недостойным порядочного ученого и порядочного профессора зазывать на лекции балаганным способом»²¹². Ректоры и инспекторы периодически

²⁰⁸ Из писем студента МДА В. Н. Потапова (1854–1858) отцу (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 17. Л. 79). См. также: Донесения епископа Ревельского Филарета Комиссии духовных училищ о ревизии Московской Духовной Академии в июне 1818 г. // *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений... Т. 1. С. 242–247, 395–398, 400–405, 407–419. *Никодим (Казанцев), еп.* О Филарете Московском моя память // ЧОИДР. 1877. Кн. 2. С. 4; *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника. Т. 1. С. 330.

²⁰⁹ См.: *Модестов С. С.* Из воспоминаний протоиерея С. С. Модестова. Прохождение академического курса (1852–1856 гг.) // У Троицы в Академии. С. 115–116; *Смирнов И. К.* Московская Духовная Академия в 1854–1858 гг. Из воспоминаний Ив. Кузьм. Смирнова // Там же. С. 136; Из писем В. Н. Потапова отцу (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 17. Л. 13 об.–15 об., 22 об.–23 об., 26 об.–30 об., 39 об.) и др.

²¹⁰ *Горский А., прот.* Дневник. С. 159.

²¹¹ См.: *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника. Т. 1. С. 325–326.

²¹² См.: *Голубинский.* Воспоминания. С. 191.

старались исправить ситуацию, устрожая режим и отправляя студентов на лекции волевым усилием, но при ослаблении общей дисциплины аудитории вновь пустели.

К началу 1860-х гг. корпорация МДА стала замечать снижение уровня знаний своих выпускников. Увлеченные «рассуждениями» в сочинениях, студенты относились легкомысленно к фактическому знанию, анализ же фактического материала, который пытались проводить преподаватели на лекциях, вовсе ускользал от студенческого внимания²¹³. В 1862 г. в Академии была предпринята попытка усовершенствовать экзаменационную систему: 1) преподавателям к экзамену не составлять ни записок, ни тем более конкретных ответов на вопросы; 2) выносить на экзамены не отдельные темы, а все, что пройдено; 3) спрашивать всех студентов по всем предметам и «ответам на экзамене придавать значение при составлении списка»; 4) отводить на написание каждого месячного сочинения 20 дней, остальные же 10 дней месяца — на подготовку студентов к экзаменам и чтение рекомендованной на лекциях литературы²¹⁴. Некоторые преподаватели пытались выделять часть лекционного времени на промежуточные репетиции, то есть, спрашивать у студентов «отчета» по тому, что было прочитано и даже по источникам, рекомендованным для самостоятельного чтения²¹⁵. Но проблема оставалась и требовала более системного подхода.

Со временем все большее значение приобретало выпускное сочинение: даже попадавший в 1-й разряд студент мог не получить магистерской степени при слабом сочинении; напротив, выдающееся по достоинствам сочинение могло существенно повысить место выпускника в итоговом разрядном списке. Кандидатские и магистерские сочинения очень разнились как по широте тематики, так и по научному уровню, степени использования первоисточников и их обработки, объему, хотя выявляется общая тенденция: постепенный переход от рассуждений к более конкретным исследованиям. Уже в 1840-х гг. выпускники МДА представляли иногда сочинения, вызывавшие удивления у признанных научных авторитетов тех лет. Так, выпускник МДА 1848 г. Василий Нечаев представил магистерское сочинение «Святой Дмитрий, митрополит Ростовский», построенное на анализе трудов святителя, изучении исторического и богословского контекста, традиции, заложенной святителем в русской церковной литературе²¹⁶. Выпускник Академии 1856 г. иеромонах Хрисанф (Ретивцев) попытался на примере пастырей Церкви IV в. изучить вопрос, актуальный для второй половины 1850-х гг.: деятельность духовенства по отношению к общественной жизни²¹⁷. Окончивший Академию в 1860 г. Парфений Репловский представил магистерское сочинение «Иосиф Флавий», вызвавшее интерес критической оценкой взглядов древнего историка²¹⁸.

Однако, несмотря на возрастающий статус выпускного сочинения, его тема крайне редко учитывалась при распределении выпускников на духовно-учебные

²¹³ Из писем В. Н. Потапова отцу (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 17. Л. 61 об., 76 об. и др.).

²¹⁴ Там же. Л. 86–86 об., 116 об.

²¹⁵ Там же. Л. 60 об.

²¹⁶ См.: Нечаев В. Святой Дмитрий, митрополит Ростовский. М., 1849.

²¹⁷ См.: Хрисанф (Ретивцев), иером. Деятельность пастырей церкви IV в. по отношению к общественной жизни // ПС. 1860. Ч. I.

²¹⁸ См.: Репловский П. Иосиф Флавий // ПО. 1861. № 9, 10.

места. Так, первый магистр МДА 1838 г. иеромонах Евгений (Сахаров-Платонов) писал диссертацию по нравственному богословию «О связи греха с болезнями и смертью»²¹⁹, но был оставлен в академии бакалавром герменевтики и библейской археологии²²⁰. Один из лучших студентов МДА XIV курса (1840–1844) С. К. Смирнов — в будущем протоиерей, профессор и ректор Академии — в течение академических лет увлеченно занимался философией под руководством протоиерея Феодора Голубинского, даже опубликовал на старшем курсе две статьи²²¹. Однако выпускное сочинение он был определен писать по Священному Писанию²²², а по окончании Академии был оставлен преподавать русскую гражданскую историю и греческий язык. Интересно, что в дальнейшем протоиерей Сергей проводил исследования как в области истории Русской Церкви (в том числе, истории московских духовных школ)²²³, так и в области филологии, преимущественно, греческого языка Нового Завета²²⁴. Магистр МДА 1858 г. П. И. Горский-Платонов писал диссертацию по сравнительному богословию, изучая историю и материалы Тридентского Собора²²⁵, однако был оставлен в родной академии бакалавром по классу Священного Писания, а заодно и преподавателем еврейского языка. Все дальнейшие научные занятия П. И. Горского-Платонова были связаны с еврейским языком и библейской археологией: он много занимался практическим переводом, комментированием и анализом трудов других переводчиков, составлял еврейский лексикон, но значительных оригинальных научных сочинений так и не создал²²⁶.

Разумеется, были и счастливые случаи — продолжения преподавательской специализации в области, начатой магистерским сочинением. Магистр МДА 1852 г. выпуска В. Д. Кудрявцев-Платонов, выбравший философскую тему магистерской работы — «О единстве рода человеческого», стал бакалавром, а вскоре и преемником профессора философского класса протоиерея Феодора Голубинского.

²¹⁹ Сочинение было особо отмечено Конференцией МДА и в 1838 г. рекомендовано к публикации, но так и не было напечатано.

²²⁰ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 3629: Личное дело студента Макария Сахарова-Платонова; Д. 5063: Личное дело преподавателя иеромонаха (архимандрита) Евгения Сахарова-Платонова. См. также: *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии... С. 43, 70, 123–124, 229, 337, 372–373.

²²¹ См.: *Смирнов С. К.* Нечто об идеях Платона // *Москвитянин*. 1843. Ч. IV; *Он же*. История учения древних о метемпсихозе // Там же. 1844. Ч. II.

²²² См.: *Смирнов С. К.* Предызображение Господа нашего Иисуса Христа и Церкви Его в Ветхом Завете. М., 1852.

²²³ См.: указанные выше сочинения по истории московских духовных школ.

²²⁴ См.: *Смирнов С. К.* Филологические замечания о языке новозаветном в сличении с классическим при чтении послания апостола Павла к Ефесеям. М., 1873; *Он же*. Константин Экономос и сочинение его о сродстве славяно-русского языка с еллинским. М., 1873; *Он же*. Терминология отцов Церкви в учении о Боге. М., 1885; *Он же*. Особенности греческого языка новозаветного. М., 1886 и др.

²²⁵ См.: *Горский-Платонов П. И.* История Тридентского собора // ЧОЛДП. 1868. Кн. 5. С. 1–104; 1869. Кн. 6. С. 105–215 (в прил.).

²²⁶ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1015: Личное дело студента Павла Горского-Платонова; Д. 5056: Личное дело преподавателя П. И. Горского-Платонова. См. также: *Тихомиров П. В.* Почетный член Московской духовной академии заслуженный профессор Павел Иванович Горский-Платонов (†21 окт. 1904 г.) [Некролог и речи при погребении] // БВ. 1905. Т. I. № 1. С. 157–178; *Добронравов Н., прот.* Павел Иванович Горский-Платонов // У Троицы в Академии. С. 654–667.

Выпускник МДА 1858 г. Е. Е. Голубинский, представивший на степень магистра диссертацию «Об образе действия православных государей греко-римских в IV, V, VI вв. в пользу Церкви, против еретиков и раскольников»²²⁷, проработав два года в Вифанской ДС, был приглашен читать лекции по русской церковной истории.

В учебном богословии постепенно совершался отход от старых дореформенных образцов, формировались новые учебные курсы, но это был длительный и сложный процесс. Так, ректор Академии архимандрит Кирилл (Богословский-Платонов), решившийся читать догматическое богословие лишь в 1820 г., читал на русском языке, основываясь на предписании КДУ от 4 сентября 1819 г., разрешавшим читать богословие в Академиях как на латинском, так и на русском языке²²⁸. Архимандрит Кирилл опирался на лекции ректора СПбДА архимандрита Григория (Постникова), рекомендованные святителем Филаретом (Дроздовым), но вносил в них специфическое аскетическое направление: так к средствам изучения созерцательного богословия он относил крест внутренний и внешний и искушения духа. Но лекции архимандрита Кирилла в дальнейшем неоднократно критиковались, в том числе, его преемниками, за не совсем правильное изложение мыслей²²⁹.

Следующий ректор архимандрит Поликарп (Гайтанников), исходя изначально из записок своего предшественника, затем составил свой курс на латинском языке²³⁰. Особый интерес его лекциям придавало подкрепление богословских положений ссылками на святых отцов Восточной Церкви: соответствующими выписками занимались по очереди все студенты курса²³¹.

Принципиальная новизна в чтение догматического богословия была внесена архимандритом Филаретом (Гумилевским). Прежде всего, при выработке структуры своих богословских лекций он использовал не старые латинские системы, а труды современных ему католических богословов, в частности, Генриха Клее²³². Догматика получила у него четырехчастную структуру: о Боге в Себе Самом; о Боге в явлении тварям; о Боге — Спасителе падшего человека; О Боге — исполнителе Своей цели в мире²³³.

²²⁷ См.: Голубинский Е. Е. Об образе действия православных государей греко-римских в IV, V, VI вв. в пользу Церкви, против еретиков и раскольников. М., 1859.

²²⁸ Активную борьбу за преподавание богословия на русском языке повел в 1819 г. ректор СПбДА архимандрит Григорий (Постников). Он был обвинен в упрощении академического богословия, но святитель Филарет, ревизуя СПбДА в том же 1819 г., высоко оценил лекции ректора по богословию на русском языке, что помогло решить дело положительно (см.: Филарет (Дроздов), свт. Собрание мнений... Т. II. С. 5–7).

²²⁹ См.: Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии... С. 18.

²³⁰ *Theologiae Dogmatico-Polemicae* (Богословие догматико-полемическое архимандрита Поликарпа (Гайтанникова). Т. 1, 2) (ОР РГБ. Ф. 173/1 (Собрание рукописных книг Московской духовной академии (фундаментальное)). Оп. 1. Д. 364. 1,2).

²³¹ См.: Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии... С. 20.

²³² Генрих Клее (Heinrich Klee, 1800–1840) — немецкий католический богослов, профессор университета в Бонне, затем в Мюнхене. Главный труд, использованный архимандритом Филаретом: *Katholische Dogmatik*: In 3 vol. Mainz, 1834-1835.

²³³ Святитель Филарет (Гумилевский) издал свои богословские лекции в виде учебника, уже будучи архиепископом Черниговским и Нежинским: *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Православное

Непосредственный преемник архимандрита Филарета по ректорству и профессорству архимандрит Алексей (Ржаницын) (1847–1853) занимался отработкой основных разделов богословского курса, которые были опубликованы: о Лице Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, о Пресвятой Богородице, о таинстве Пресвятой Троицы, об Ангелах-хранителях, о таинстве Креста Христова²³⁴.

Определенную новизну в развитие богословского курса МДА внес протоиерей Александр Горский. На протяжении 30 лет до своего ректорства он занимался по призванию церковной историей, и в построение богословского курса постарался внести историческое видение.

Кроме богословских курсов, следует особо отметить сильные в МДА церковно-историческое и философское направления. Первому было положено основание архимандритом Филаретом (Гумилевским), его достойным преемником стал А. В. Горский, будущий протоиерей и ректор Академии.

Философская традиция в МДА была начата В. И. Кутневичем, но основательно заложена протоиереем Феодором Голубинским — магистром МДА (1818), оставленным, несмотря на высокое (3-е) место в разрядном списке не на богословский, а на философский класс. Главным принципом изысканий протоиерея Феодора, который стремился построить собственную философскую систему с целью обоснования православия, было сочетание «науки ума с наукой сердца»²³⁵.

Кроме собственных учебных трудов, на корпорацию МДА падало и руководство Московским духовно-учебным округом, а в 1818–1842 гг. — и Казанским²³⁶. Непосредственно наблюдением за Духовными Семинариями занималось Внешнее Правление МДА, состоящее из ректора Академии, двух членов Конференции и двух членов Внутреннего Правления²³⁷, к составлению же программ или обсуждению пособий для Семинарий привлекались преподаватели соответствующих дисциплин. Наблюдение за Семинариями осуществлялось путем ревизий, которые назначались преимущественно на время академических вакансий, но по особым обстоятельствам и в учебное время. Московскую и Вифанскую ДС

догматическое богословие. Чернигов, 1864. Этот учебник стал одной из четырех главных догматических систем, разработанных русскими богословами в XIX в.

²³⁴ *Алексий (Ржаницын), архим.* Учение о Лице Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа // ПТСО. 1847. Ч. V. Кн. 4. С. 395–518; Ч. VI. Кн. 1. С. 19–88; Кн. 2. С. 193–294; *Он же.* О Преподобной Деве Матери Господа нашего Иисуса Христа // Там же. 1848. Ч. VII. Кн. 2. С. 151–220; *Он же.* Ветхозаветное учение о таинстве Пресвятой Троицы // Там же. 1849. Ч. VIII. Кн. 2. С. 192–251; *Он же.* Об Ангелах-хранителях // Там же. 1849. Ч. VIII. Кн. 4. С. 511–592; *Он же.* О таинстве Креста Христова [О славе Креста] // Там же. 1851. Ч. X. Кн. 2. С. 243–262; Кн. 4. С. 580–621.

²³⁵ Лекции протоиерея Феодора сохранились в рукописном виде и были изданы уже в наши дни: *Голубинский Ф., прот.* Лекции по философии, умозрительному богословию и умозрительной психологии. М., 2006.

²³⁶ Духовные Семинарии и Училища Казанского округа были преобразованы по новому Уставу в 1818 г., КазДА же была открыта лишь в 1842 г., поэтому руководство казанскими средними и низшими духовными школами было возложено на МДА.

²³⁷ Устав Духовных Академий 1814 г. § 429–431. Эконом, как второй член Внутреннего Правления, мог стать и членом Внешнего, если имел ученую степень не ниже магистра, в противном случае на его место определялся один из действительных членов Конференции.

проверяли обычно ректор или инспектор МДА, в дальние поездки отправлялись другие члены Внешнего Правления. Первая ревизия трех Семинарий — Московской, Вифанской и Владимирской — была проведена в 1816 г. ректором Академии архимандритом Филаретом (Амфитеатовым), более активный процесс начался в 1820 г. В первые годы деятельности Внешнего Правления МДА его членом был протопресвитер Василий Кутневич (он проводил ревизию большей части Московского округа в 1820 г.), на протяжении долгих лет во Внешнее Правление входили протоиереи Петр Делицын и Феодор Голубинский. Ревизии подвергались последовательно учебная, воспитательная и хозяйственная части, кроме того, ревизоры обычно старались заметить лучших учеников Семинарий, чтобы привлечь их в Академию. Иногда это случалось даже раньше окончания Семинарии: так, будущий протоиерей А. В. Горский был замечен ревизором протоиереем Феодором Голубинским и приглашен в МДА, не завершив старшего — богословского — отделения Костромской ДС.

В первые десятилетия академические ревизии были действенны, ревизорские отчеты содержали аналитические рассуждения и практические советы. Однако и тогда ревизоры критиковались за то, что, занятые собственным преподаванием, они попадают в Семинарии лишь накануне вакаций, заставляя не учебные занятия, а последние экзамены. Кроме того, серьезной проблемой была задержка ревизорских отчетов, иногда на год-два, что существенно снижало их значение. Так, в 1835 г. святитель Филарет Московский поставил на вид протоиерею Феодору Голубинскому и иерею Петру Делицыну, ревизовавшим летом 1834 г. Семинарии (первый — Вифанскую, второй — Рязанскую) и не представившим до весны 1835 г. отчетов²³⁸. В 1842 г. епископ Филарет (Гумилевский) — бывший ректор МДА — просил протоиерея Феодора Голубинского прислать поскорее в ДУУ задержанный почти на два года отчет о ревизии Вифанской ДС (ревизия проводилась летом 1840 г., отчет был прислан лишь летом 1842 г.)²³⁹. Но при «дублировании» ДУУ окружных Правлений ревизии постепенно теряли смысл, процесс замирал и формализовался. Отчеты 1850-х гг. не содержат уже живой информации, оригинальных наблюдений или советов, стандартны в замечаниях, а чаще всего вообще ограничиваются краткой формальной запиской и ходатайством о наградах.

Еще в 1825 г. Духовным Академиям было выражено недовольство общим ходом преподавания²⁴⁰. Отчасти это было обусловлено участием преподавателей СПбДА и МДА в переводе Священного Писания на русский язык, который проводился под эгидой Российского Библейского общества (РБО) и в 1824–1825 гг. подвергся критике. Но и в конце 1830–1850-х гг. по отношению к академиям высказывались критические замечания, хотя МДА подвергалась критике от высшей церковной власти реже других Академий: богословская взвешенность и интуиция

²³⁸ Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии... С. 88–90.

²³⁹ См.: Письма епископа Филарета (Гумилевского) А. В. Горскому // ПТСО. 1883. Ч. XXXI. Кн. 1. С. 245–246).

²⁴⁰ Об этом подробнее см.: Сухова Н. Ю. Научно-богословские исследования в России — проблемы и поиск (XIX — начало XX в.) // Сухова Н. Ю. Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М., 2007. С. 145–146.

святителя Филарета служили надежным критерием и академического преподавания, и публикаций. Святитель, допуская обсуждения самых сложных вопросов во внутренних академических кругах, бдительно следил, чтобы на общий суд предъявлялись только надежные тексты, не имевшие неосторожных выражений, двусмысленных богословских фраз²⁴¹. Так, в .

Обвинения иногда предъявлялись Академии и в дальнейшем: так, в 1837 г. вышло постановление Синода, предостерегающее от «худого направления» в преподавании всеобщей истории: односторонней критики, произвольного философствования, политического направления²⁴². В 1850-х гг. в столичных высших церковных кругах усмотрели некоторые «неологизмы» в лекциях по истории Церкви профессора МДА А. В. Горского, к его большому огорчению.

В конце 1830–1850-х гг. заметное изменение претерпевала структура высшего духовного образования, в том числе, и в МДА. В 1839 г. в семинариях было введено преподавание *Историко-богословского учения об отцах Церкви*, правление МДА, признав необходимым знакомить студентов с этим вновь введенным в семинариях предметом, с согласия Московского митрополита поручило преподавание *патристики* бакалавру герменевтики иеромонаху Евгению (Сахарову-Платонову) и вошло с соответствующим представлением к обер-прокурору. Синод указом от 16 июля 1841 г. не только утвердил инициативу МДА, но и распорядился ввести патристику и в двух остальных академиях²⁴³. Однако новый предмет требовал более четкого определения предмета, проблематики, задач. Отношение к патристике, как повторению разделов церковной истории и догматики, сохранялось до 1860-х гг.²⁴⁴

Недостаточно определены были подходы к церковному праву, как самостоятельной дисциплине: в преподавании соперничали богословский и юридический подходы. Но в МДА церковное право традиционно рассматривалось как *богословие*, «раскрытое в законах и законопавильных, особенно обрядовых и таинственных действиях, составляющих видимую жизнь Церкви», — по словам одного из первых преподавателей этой науки в Академии иеромонаха Гавриила (Воскресенского)²⁴⁵.

В 1844 г. из обличительного богословия выделилось учение о расколе и русских вероисповедных ересь, которое в МДА соединилось с историей Русской Церкв²⁴⁶. В 1854–1857 гг., в связи с инициативой архиепископа Казанского Григория (Постникова) по введению в духовно-академический курс миссионерских

²⁴¹ В дальнейшем святителю Филарету эта строгость некоторыми лицами ставилась в упрек.

²⁴² См.: *Дьяконов К. П.* Духовные школы в царствование Николая I. Сергиев Посад, 1907. С. 284–285.

²⁴³ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 2. Д. 584. Л. 1–2 об.

²⁴⁴ Даже в 1863 г. преподавателю словесности Вифанской семинарии Д. П. Делицыну, ученики которого плохо отвечали при ревизоре протоиерее А. В. Горском, было предложено перейти со словесности на патристику, «как на предмет, требующий меньшей умственной деятельности». См.: *Потапов В. Н.* Письмо к отцу от 7 августа 1863 г. // ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 18. Ч. II. Л. 123 об.

²⁴⁵ См.: *Гавриил (Воскресенский), архим.* Понятие о церковном праве и его история. М., 1844. С. 4.

²⁴⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 4. 1844 г. Д. 5200. Л. 1–4.

дисциплин, учение о русском расколе приобрело бóльшую значимость. В МДА в 1854 г. был открыт «класс раскола» — чтобы не увеличивать многопредметность, которая к этому времени и так была серьезной проблемой, параллельный физико-математическим наукам в младшем отделении. Так как штаты преподавателей расширены не были, экстраординарный профессор МДА Н. П. Гиляров-Платонов, на которого было возложено преподавание учения о расколе, совмещал его с основным предметом, герменевтикой. Принципы преподавания нового предмета четко определены не были, поэтому Н. П. Гиляров-Платонов не читал обычных лекций, а старался разбирать со студентами источники — раскольничьи книги, с соответствующей критикой, и важнейшие научные сочинения о расколе. По воспоминаниям студентов, Гиляров-Платонов читал вдохновенно и «мастерски»²⁴⁷. Однако попытки Н. П. Гилярова-Платонова излагать студентам «неформальный» вариант предмета, высказывая при этом свой взгляд на меры, принимаемые по отношению к раскольникам, вызвали недовольство святителя Филарета (Дроздова)²⁴⁸.

Наука о церковных древностях, относившаяся по системе святителя Филарета к историческому классу, включала изначально весьма широкий спектр «древностей». В процессе развития других областей богословия на долю церковной археологии остались древние формы церковного богослужения и отчасти — древнехристианский быт. Изучение их носило не научный, а, унаследованный от схоластического прошлого, — назидательно-истолковательный характер. Однако при ректорстве и по инициативе протоиерея А. В. Горского стали заметны тенденции к научному изучению «православного богослужения, которое представляет цвет и плод древа жизни Церкви Христовой», то есть, к изучению исторической литургики²⁴⁹, хотя результаты стали заметны гораздо позже, уже при новом уставе.

Непростым было в Академиях положение небогословских дисциплин: в этом сказывалась проблема соотношения «богословской учености» и «духовной учености», недостаточно определенные место и значение в последней наук, непосредственно не связанных с богословием. Но МДА, несмотря на общую проблему, представляла в этом отношении наиболее благополучный вариант, так как небогословские кассы возглавлялись. Профессор математики П. С. Делицын внушал неизменное уважение к своему предмету, был одним из самых

²⁴⁷ См.: Голубинский Е. Е. Воспоминания // Полунов А. Ю., Соловьев И. В. Жизнь и труды академика Е. Е. Голубинского. С. 181–182.

²⁴⁸ По мнению самого Н. П. Гилярова-Платонова, это было одной из причин его удаления из Академии в 1857 г.: ОР РНБ. Ф. 847. Оп. 1. Д. 532. Л. 1–5. Эту же причину называет в своих письмах к отцу В. Н. Потапов, бывший в те годы студентом МДА: ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 17. Л. 72 об.

²⁴⁹ Древние обряды и предметы принимались и рассматривались в законченно-символической форме, исторический генезис или совсем отрицался, или допускался отчасти, для иллюстрации отдельных элементов. Но отвержение исторического развития не могло дать и объективного понимания подлинной природы и верного истолкования. В результате предмет не мог иметь жизненной силы для собственного возрастания, но был мертв и казался бесперспективным. См.: Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургики. СПб., 1995. С. 9–27; Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора (1847–1915) (далее: Катанский. Указ. соч.) Ч. 1. Пг., 1914. С. 74.

авторитетных профессоров Академии, хотя, конечно, эта личностная ситуация не снимала общей проблемы: «физико-математические науки плохо прививались в духовной школе»²⁵⁰.

На долю МДА выпадали и особые труды, в которых так или иначе реализовывался «научный замысел» об Академии. Наиболее значительны в эпоху действия Устава 1814 г. были два направления: создание филологически точного и богословски грамотного перевода Священного Писания на русский язык и перевод святоотеческих трудов. Представители МДА были привлечены еще к первой попытке перевода Священного Писания на русский язык, предпринятой в рамках Российского Библейского общества в 1816–1824 гг. На МДА был возложен перевод книги Исход, которым непосредственно занимался профессор еврейского языка А. И. Тяжелов. Кроме того, в переводе Четвероевангелия участвовал будущий ректор МДА Поликарп (Гайтанников), переведивший Евангелие от Марка. Хотя попытка перевода не принесла полного успеха, она позволила академическим библеистам попробовать свои силы, выработать определенные методы перевода и его организации, сделать выводы из ошибок²⁵¹. В конце 1850-х гг. МДА, как и другие Академии, активно участвовала в новом этапе перевода Священного Писания на русский язык, приведшего к так называемому «синодальному» переводу (1876).

Переводы святоотеческих творений не были для московских духовных школ делом новым — этим занималась еще МСГЛА, но начиная с 1820-гг. эта деятельность стала систематической. В параллельной работе над переводами и исследованиями в МДА стало вырабатываться особое — патрологическое — направление. Так как своего печатного органа в МДА не было, члены корпорации нередко печатали свои переводы и статьи в «Христианском чтении». В 1822 г. святитель Филарет (Дроздов), будучи тогда в сане архиепископа Московского, ходатайствовал перед Святейшим Синодом о произнесении «бесед св. Отец, которые для того, по приличию, избирать и переводить на общевразумительное русское наречие»²⁵². Синод неоднократно возлагал на МДА поручения по переводу и пересмотру имеющихся переводов святоотеческих творений. Наиболее активно в переводах участвовали протоиереи Феодор Голубинский, Петр Делицын, Платон Доброхотов, выпускник СПбДА и ректор МДА архимандрит Поликарп (Гойтанников) (1824–1835), бакалавры Арсений Сергиевский (1826–1831), Михаил Богданов (1828–1832)²⁵³. В 1828 г. святитель Филарет предложил МДА представлять к концу каждого курса в Конференцию студенческие переводы с греческого. Это был трудоемкий, но очень полезный и важный для студентов процесс, особенно если учесть, что святитель Филарет лично рассматривал представленные переводы, критиковал, указывал недостатки, отдавал на доработку²⁵⁴.

²⁵⁰ Объяснительная записка к проекту Устава духовных академий 1868 г. С. 4.

²⁵¹ См.: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. СПб., 1899. Репр. М., 1997. С. 26–29, 33–35.

²⁵² *Корсунский И. Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. Сергиев Посад. С. 23.

²⁵³ См.: Там же. С. 31–39.

²⁵⁴ См.: *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии... С. 116–120.

В процессе этой работы в Академии оформилась мысль об издании непрерывной серии «Творений святых отцов в русском переводе. Проект издания разрабатывался несколько лет. Начиная с 1835 г. в переписке ректора Академии архимандрита Филарета (Гумилевского) со святителем Филаретом (Дроздовым) постепенно формулировалась главная идея: перевод и издание не избранных сочинений того или иного святого отца, а полных собраний творений²⁵⁵. В начале 1841 г. редакционный комитет серии под председательством отца ректора и в составе профессоров протоиереев Феодора Голубинского, Петра Делицына, А. В. Горского и инспектора Академии архимандрита Евсевия (Орлинского) завершил разработку проекта, и с 1843 г. «Творения святых отцов в русском переводе» начали выходить, причем вместе с «Прибавлениями», содержащими проповеди и оригинальные статьи богословско-исторической тематики²⁵⁶. В «Творениях святых отцов» издавались в основном переводы сочинений греческих отцов классического периода²⁵⁷. В первые годы корпус творений каждого святого отца начинался со вступительной статьи о его жизни и творениях²⁵⁸.

Перспективы самостоятельного научного развития наиболее дальновидные богословы видели в расширении источниковой базы. В конце 1850 — начале 1860-х гг. активизировалась разработка источников в разных областях богословской науки, изучались и описывались фонды епархиальных и монастырских библиотек, архивов, музеев. В 1849–1862 гг. профессором МДА А. В. Горским и ее выпускником К. И. Невоструевым был осуществлен грандиозный проект по научному описанию славянских рукописей Синодальной библиотеки²⁵⁹. Мысль о таком описании принадлежала святителю Филарету, встревоженному намерением светских писателей (Ундольского и Погодина) заняться этим. Святитель Филарет считал, что заниматься описанием церковных памятников и их исследованием должны люди, сведущие «в церковных догматах и законоположениях», «под ближайшим надзором духовного начальства», иначе «употребление древних рукописей, относящихся до церковных догматов, церковного законодательства, учения и церковной истории может произвести соблазн и дать пищу

²⁵⁵ Письмо Филарета, митрополита Московского, к Филарету (Гумилевскому) (впоследствии архиепископу Черниговскому) от 9 апреля 1838 г. // ПТСО. 1883. Ч. XXXII. Кн. 2. С. 673–674.

²⁵⁶ *Корсунский И.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1894. См. также: *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии... С. 116–120.

²⁵⁷ С 1843 по 1869 г. были переведены и изданы сочинения святителей Григория Богослова (1843, 1844, 1847, 1848) и Василия Великого (1845–1848), преподобных Ефрема Сирина (1848–1853) и Исаака Сирина (1854), святителей Афанасия Великого (1851–1853) и Кирилла Иерусалимского (1855), блаженного Феодорита Кирского (1855–1857, 1859, 1861), преподобных Нила Синайского (1858–1859) и Исидора Пелусиота (1859, 1860), святителей Григория Нисского (1861–1865) и Епифания Кипрского (1863, 1864).

²⁵⁸ См.: *Горский А. В.* Жизнь святого Василия Великого // ПТСО. Ч. III. 1845. С. 1–110; *Порфирий (Попов), архим.* Святой Григорий, епископ Нисский // ПТСО. Ч. XX. 1861. С. 1–99; *[Аноним]*. Святой Епифаний Кипрский // ПТСО. Ч. XXII. 1863. С. 271–290 и др.

²⁵⁹ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. I: Священное Писание. М., 1855; Отд. II: Писания святых отцов: В 3 ч. М., 1857–1862; Отд. III: Книги богослужебные. Ч. 1. М., 1869–1917.

лжеучениям»²⁶⁰. За 14 лет было подробно описано более 340 книг и рукописей, и по мнению специалистов по полноте, основательности, глубине и подробности с этим описанием не могли сравниться даже аналогичные описания старейших библиотек Европы, составленные западными учеными²⁶¹. В 1867 г. «Описание» было удостоено Ломоносовской премии от Академия наук по представлению академиков А. Ф. Бычкова и И. И. Срезневского как «произведение..., которого достоинства ставят его в небольшой ряд самых важных явлений нашей нынешней научной литературы, и дают ему право на особенное уважение Академии»²⁶².

Следует несколько слов сказать и об участии МДА в системе научной аттестации, то есть, о присуждении высшей ученой степени. Конференция МДА за весь период своей деятельности до 1869 г. присудила лишь 3 докторские степени, но каждое из присуждений представляло особый случай. Устав 1814 г. настаивал на том, что присуждать ученую степень доктора богословия Конференция может лишь в том случае, когда в ее составе есть, как минимум, три доктора богословия, в противном случае она может лишь возмочь *ходатайствовать* о присуждении степени доктора богословия перед КДУ или Синодом (с 1839 г.). Именно таким образом были присуждены по ходатайствам Конференции МДА докторские степени: в 1837 г. — профессору богословия Московского университета протоиерею Петру Терновскому, в 1863 г. — иерею Владимиру Гетте, в 1865 г. — ректору академии протоиерею Александру Горскому.

Можно говорить и о признании ученых трудов МДА

В 1858 г. и в 1861 г. в МДА, как и в других академиях, произошли «вспышки», спровоцированные внешними событиями, но указывающие на неблагополучие не только в нравственной, но и учебной части. В 1858 г. поводом послужило издание за границей брошюры калязинского священника И. С. Беллюстина, в мрачных красках рисовавшей все стороны жизни духовенства, в том числе и духовное образование, училища и семинарии²⁶³. Сочинение, вызвавшее сильную реакцию во всех слоях русского общества, дошло до духовных академий. Студенты МДА послали благодарственный адрес издателю брошюры Франку²⁶⁴.

В октябре 1862 г. ректор МДА протоиерей А. В. Горский печалился о «распространении вольномыслия даже между воспитанниками, выходящими из Академии». Но и усилия уважаемого о. Ректора, пытающегося искать сближения со студентами «в духе и направлении», призывающего следовать «началам духовной жизни» и проводить их в обществе, ни к чему не вели: «распушенность студентов не уменьшилась, ...если не увеличилась»²⁶⁵.

²⁶⁰ См.: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений... Доп. том. С. 277–285.

²⁶¹ См.: *Воскресенский Г. А.* А. В. Горский // *Славянское обозрение.* 1892. Т. 3. Кн. 10. С. 178; *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. СПб., 1882. С. 96.

²⁶² *Срезневский И. И.* Отчет о первом присуждении Ломоносовской премии // *Записки Императорской Академии наук.* СПб., 1868. Т. 12. Кн. 2. С. 196–197.

²⁶³ *Беллюстин И. С., свящ.* Описание сельского духовенства. Лейпциг, 1858; То же // *Русский заграничный сборник.* Paris-Berlin-London, 1858. Т. 1.

²⁶⁴ Письмо В. Н. Потапова к отцу от 22 октября 1858 г. // *ЦГИА СПб.* Ф. 2162. Д. 18. Л. 25 об.

²⁶⁵ *Горский А., прот.* Дневник. С. 159, 160, 161. См. также: *Филарет (Гумилевский), еп.* Письмо митрополиту Исидору (Никольскому) от 14 мая 1863 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 503. Л.

Новые запросы жизни побуждали как преподавателей, так и студентов МДА реализовывать свой богословский потенциал в церковно-практическом отношении — прежде всего, в просветительской деятельности. Так, в 1859 г. студенты МДА под влиянием общественных дискуссий о значении воскресных школ решили открыть при Академии воскресную школу для мещанских детей Сергиева Посада. Однако святитель Филарет отнесся к этой идее резко отрицательно: этим должны заниматься приходские священники, уже получившие образование, студентам же Академии следует употреблять время «для усиления своего знания латинской и греческой словесности»²⁶⁶. Подтверждая свою мысль, в 1863 г. святитель Филарет всячески поддержал желание московского образованного духовенства — выпускников МДА и других академий — основать Общество любителей духовного просвещения, находя это дело «полезным и благопотребным»²⁶⁷.

В конце 1850-х — начале 1860-х гг. уменьшилось количество семинаристов, желавших поступить в Академию. Это было отражение общей тенденции: выпускники семинарий, способные посвятить себя науке, предпочитали университет академии, да и оклады преподавателей духовных школ заметно отставали от окладов преподавателей университетов и гимназий. Университетский Устав 1863 г. разрешил выпускникам семинарий поступление в российские университеты на одинаковых правах с выпускниками классических гимназий, что еще больше снизило число волонтеров в академии. Падал и уровень академических абитуриентов, поэтому в августе 1864 г. члены корпорации МДА предложили устрожить приемные экзамены. Однако ректор Академии протоиерей А. В. Горский, оценивая сложившуюся ситуацию, не решился пойти на это, заметив, что «разборчивость, пожалуй, не совсем у места», «скудость средств содержания наставников отбивает охоту стремиться в Академию», а «искать добровольных любителей духовного просвещения» не приходится²⁶⁸.

Насущной проблемой духовных академий в конце 1850-х — начале 1860-х гг. была скудость окладов. Хотя большинство преподавателей, несмотря на тяготы, продолжало возделывать «неблагодарную почву» русской богословской науки²⁶⁹, некоторые уходили. Так, к выпуску 1858 г. в МДА освободилось четыре преподавательских вакансии²⁷⁰. В 1862 г. Министерство народного просвещения, готовясь к введению нового университетского Устава, разработало программу подготовки выпускников и молодых преподавателей университетов к профессорским кафедрам, включавшую стажировки за границей. Была предпринята попытка возобновить традицию «заимствования» кадров из духовной школы и использовать в этой кадрово-научной эпопее выпускников духовных академий, уже известных своими способностями. Так, в 1865 г. среди таких посланцев Министерства в Геттингенском университете оказался бывший бакалавр

1); *Ключевский В. О.* Письма к П. П. Гвоздеву. (1861–1870 гг.). М., 1924. С. 107; *Голубинский. Е. Е.* Воспоминания. С. 198.

²⁶⁶ *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений... Т. IV. С. 575.

²⁶⁷ Там же. Т. V. Ч. 1. С. 438–440.

²⁶⁸ См.: *Горский А., прот.* Дневник. С. 175–176.

²⁶⁹ См.: Письмо В. Н. Потапова к отцу от 22 октября 1858 г. (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 18. Л. 21 об.)

²⁷⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 18. Л. 13 об.

МДА П. М. Хупотский²⁷¹. В последующее время планировалось послать таким же образом за границу еще некоторых выпускников духовных академий, например, Д. Ф. Касицына, но при новом министре — гр. Д. А. Толстом — эта система прекратилась.

В 1865 г., в ожидании общих преобразований, было проведено некоторое повышение окладов служащих в духовно-учебных заведениях, в частности, в академиях, из местных средств. Инициатором был святитель Филарет (Дроздов), выделивший из сумм Московской кафедры 7 795 руб. в год для МДА. С учетом этой помощи ординарный профессор стал получать 1 200 руб. (вместо 858 руб.), экстраординарный — 900 руб. и бакалавр — 700 руб. (вместо 429 руб.) Эта мера сняла напряжение, но местные средства не могли дать надежной определенности положения.

Московская духовная академия после преобразования 1870 г.

30 мая 1869 г. был Высочайше утвержден новый Устав духовных академий²⁷². Но МДА подверглась преобразованию по правилам нового Устава с начала 1870/71 уч. г., в год очередного выпуска, и этот процесс оказался очень непростым.

Реформа 1869 г. радикально изменила все стороны жизни Академии — учебную, научную, организационно-административную, хозяйственную²⁷³. Были упразднены духовно-учебные округа, хотя, разумеется, с академией не снималась задача распространения и поощрения учености в духовенстве. Ставился акцент на научной задаче академий: стимулирование специальных научных исследований членов корпораций и выпускников в области богословия и подготовка студентов к научной деятельности. Понятие научного развития богословия неразрывно связывалось с подготовкой преподавателей-специалистов, способных вводить свои научные достижения в учебный процесс. Одним из средств решения этих задач была специализация, вводимая на всех уровнях учебного процесса: специализация студентов первых трех курсов по трем отделениям (богословскому, церковно-историческому, церковно-практическому), студентов выпускного курса — по более конкретным группам наук²⁷⁴, преподавателей — по кафедрам. Общеобязательными для всех студентов предметами были оставлены Священное Писание, основное богословие, все философские дисциплины, педагогика и один из новых языков (французский, немецкий или английский); все остальные дисциплины стали отделенскими и изучались студентами этого отделения²⁷⁵.

²⁷¹ См. письма П. М. Хупотского к В. Н. Потапову (ЦГИА СПб. Ф. 2162. Оп. 1. Д. 21).

²⁷² Высочайше утвержденные 30 мая 1869 г. Устав и штаты Православных Духовных Академий // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (далее: ПСЗ II). Т. XLIV. Отд. 1. СПб., 1873. № 47154. С. 545–556 (далее: Устав Духовных Академий 1869 г.).

²⁷³ Подробнее о подготовке, проведении и результатах реформы православных духовных академий 1869 г. см.: *Сухова Н. Ю.* Высшая духовная школа. С. 160–342.

²⁷⁴ Вместо двух двухлетних курсов духовно-академическое образование состояло теперь из четырех годичных курсов (см.: Устав Духовных Академий 1869 г. § 131–133).

²⁷⁵ Устав Духовных Академий 1869 г. § 111–114.

Изменилась и организационная структура Академии. Внешнее правление, отвечающее за управление средними и низшими школами академических округов, упразднилось вместе с самими округами. Учебные задачи Внутреннего правления и часть задач Конференции переходило в ведение нового внутреннего органа духовной академии — Совета. Внутреннее правление сохранялось под именем Правления, но теперь оно занималось не учебным процессом, а лишь хозяйственными, финансовыми и некоторыми организационными вопросами²⁷⁶.

Все преподаватели и студенты теперь были распределены по отделениям²⁷⁷. Даже преподаватели общеобязательных предметов были отнесены к тому или иному отделению: «по сродству предметов»: преподаватели Священного Писания, основного богословия и философских предметов — к богословскому отделению, преподаватели древних и новых языков — к церковно-практическому отделению²⁷⁸.

Наиболее проблематична была реализация положений Устава, касающихся учебного процесса. Прежде всего, необходимо было обеспечить кафедры преподавателями с соответствующим научным уровнем. Устав 1869 г., закрыв две кафедры по физико-математическим наукам, ввел восемь новых: вторую кафедру по Священному Писанию, по основному богословию, метафизике, русской церковной истории (отдельно от гражданской), библейской археологии, библейской истории, вторую кафедру по гражданской истории (новой), русскому языку и славянским наречиям. Особые преподаватели были назначены для гомилетики с пастырским богословием и для церковной археологии с литургией. Святейший Синод разрешил не устраивать баллотировку наличных преподавателей, прослуживших 25 лет, продлив им срок службы еще на пятилетие²⁷⁹. Но все же в МДА после распределения преподавателей по кафедрам оказались праздные кафедры, и новообразованному Совету Академии пришлось приложить немало усилий для формирования корпорации.

Прежде всего, были привлечены выпускники последних предреформенных лет: выпускник 1868 г. Н. А. Елеонский был оставлен на кафедру Священного Писания Нового Завета, его однокурсник П. И. Цветков — на кафедру латинского языка и его словесности, выпускник 1870 г. А. П. Лебедев — на кафедру древней церковной истории; его однокурсник А. П. Смирнов — на кафедру библейской истории²⁸⁰.

Полное исключение из Академии физико-математических наук вызвало серьезные споры: во-первых, возникла проблема подготовки преподавателей математики и естественных наук для семинарий и духовных училищ²⁸¹; во-вторых,

²⁷⁶ См.: Там же. § 104–109.

²⁷⁷ См.: Устав Духовных Академий 1869 г. § 110–114.

²⁷⁸ См.: Там же. § 116.

²⁷⁹ Указ Святейшего Синода от 13 июня 1869 г. // Журналы заседаний Совета МДА (далее: ЖЗС МДА) за 1870 г. С. 6.

²⁸⁰ См.: Отчет о состоянии МДА в конце 1869/70 и в течение 1870/71 уч. г. // ПТСО. 1871. Ч. XXIV. Кн. 3. С. 520–521.

²⁸¹ Эта проблема была отчасти решена учреждением в 1872 г. в российских университетах стипендий духовного ведомства для подготовки преподавателей физики и математики (6 стипендий по 250 руб. в год), но это было слишком мало и скудно; ситуация улучшилась лишь в 1880 г., при

многих членов корпорации волновала апологетическая проблема. Кроме того, профессор дореформенного физико-математического класса МДА Д. Ф. Голубинский хотел своими знаниями по естественным наукам быть полезным Академии «в разъяснении вопросов, соприкосновенных с областью Богословия и с областью наук естественных»²⁸². Личное ходатайство пред Синодом профессора Д. Ф. Голубинского, поддержанное Советом Академии, ректором протоиереем А. В. Горским и святителем Иннокентием, позволило учредить для МДА на средства Московской епархии внештатную кафедру научно-естественной апологетики. Соответствовать современному уровню бурно развивающихся естественных и математических наук без связи с университетами вряд ли было возможно, но размышления Д. Ф. Голубинского о Премудрости и Благодати Божией в устройении мира, его преданность Церкви, Академии и духовной науке вносили немалый вклад в формирование студентов МДА²⁸³. Хотя дисциплина была необязательной, практически все студенты 1-го курса ежегодно изъявляли желание слушать лекции по естественно-научной апологетике²⁸⁴.

На кафедру русской гражданской истории пригласили выпускника Московского университета шестилетней давности В. О. Ключевского: это был довольно редкий опыт привлечения на небогословские кафедры университетских специалистов²⁸⁵.

Наибольшую трудность для МДА, как и всех Академий, составил поиск кандидатов на новую для Академий кафедру — русского языка и славянских наречий. Помощь Московского университета в этом вопросе получить не удалось, поэтому в 1871 г. Совет МДА решил подготовить собственного кандидата. Студент выпускного курса Г. А. Воскресенский был отправлен в столичный университет, для специального теоретического изучения славянских наречий, а в ноябре 1873 г. — за границу. Процесс подготовки оказался довольно длительным: Г. А. Воскресенский изучал языки и памятники на практике в Праге, Белграде, Загребе, Вене около полутора лет, в 1875 г. он вернулся в МДА и, по защите диссертации *pro venia legendi* «О сербском национальном эпосе», занял кафедру²⁸⁶.

учреждении новых «духовных» стипендий в университетах, на счет процентов с капитала, завещанного д. т. с. Италинским (14 по 400 руб. в год) (см.: ПО. 1872. Т. III. № 5. С. 234; Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора за 1881 год. СПб., 1882. С. 151; РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1879 г. Д. 35).

²⁸² ЖЗС МДА за 1870 г. С. 9.

²⁸³ РГИА. Ф. 796. Оп. 151. Д. 912. 1870 г. Л. 1–3; Там же. Ф. 802. Оп. 9. 1870 г. Д. 56. Л. 1–7; ОР РГБ. Ф. 78. К. 31. Д. 9. Л. 1–8.

См. также в дневнике Д. Ф. Голубинского: ОР РГБ. Ф. 76/ I. П. 14. Д. 13. Л. 13 об., 14, 38–38 об., 39; Там же. Д. 14. Л. 18, 19 об., 26, 34 об., 38 об.; Там же. Д. 15. Л. 28 об., 29, 33 об.

²⁸⁴ См.: *Соколов В. А.* Годы студенчества // БВ. 1916. № 2. С. 269–272; *Муретов М. Д.* Из воспоминаний студента Императорской Московской Духовной Академии XXXII курса (1873–1877) // БВ. 1915. Т. III. № 10/11/12. С. 702–712.

²⁸⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1870 г. Д. 58. Л. 1–14.

²⁸⁶ См.: ЖЗС МДА за 1874 г. С. 54–55; Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству Православного исповедания за 1875 год. СПб., 1876. С. 158–159.

В дальнейшем Г. А. Воскресенский подтвердил свою научную состоятельность, став одним из лучших специалистов в славянской библеистике (маг. дисс. «Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV века. Опыт исследования языка и текста славянского перевода

Немало проблем было связано при переходе на новый Устав и со студентами Академии. Вновь поступившие студенты составили 1-й курс, который начал учиться полностью по новому Уставу. Окончившие же младшее отделение студенты образовали 3-й курс, и для них был составлен особый график на последние два года учебы, с учетом отделенской системы, написания кандидатских сочинений на 3-м курсе и групповых занятий на 4-м. Возникли проблемы при реализации положений Устава о написании диссертаций: кандидатской на 3-м курсе, а магистерской — на 4-м. Но ректор МДА протоиерей Александр Горский, обычно послушный распоряжениям начальства, решительно воспротивился написанию кандидатского сочинения на 3-м курсе — по крайней мере, для студентов, которых новая реформа застала на середине учебного пути. Протоиерей Александр был уверен, что написание кандидатского сочинения подорвет «спокойное освоение курса», ибо пишущие диссертации студенты обычно «манкируют лекции». Так как Учебный комитет настаивал на представлении результатов кандидатских сочинений, Совет МДА пошел на «хитрость»: были представлены оценки за лучшие из семестровых сочинений за все время обучения²⁸⁷.

Но наибольшую проблему представляли занятия выпускного курса, который должен был стать венцом всего нового процесса обучения, выявить достоинства и недостатки. Опыт выпуска 1872 г., учившегося по особым программам, не был показательным, но до следующего — полноценного по своей новизне — 4-го курса следовало конкретизировать неопределенные указания Устава (§ 133, 137, 138). Эта конкретизация была проведена к 1874 г. общими усилиями академических Советов и Учебного комитета и зафиксирована в итоговом документе, утвержденном Святейшим Синодом. По положению 1874 г. студентам 4-го курса предлагалось 8 специальных групп: 1) Священное Писание и древний язык: еврейский — для студентов богословского отделения и греческий — для студентов других отделений; 2) богословие основное, догматическое и нравственное; 3) пастырское богословие, гомилетика, литургия и каноническое право; 4) всеобщая церковная история и история Русской Церкви; 5) всеобщая гражданская и русская история и один из богословских предметов; 6) словесность с историей литературы и логика и один из богословских предметов; 7) психология, история философии и педагогика и один из богословских предметов; 8) один из древних языков и один из богословских предметов²⁸⁸.

С магистерскими экзаменами по этим группам были связаны серьезные проблемы: опыта проверки ученой «зрелости» у Академии не было. Еще более «расслабляла» вскоре установившаяся система оценок: удовлетворительно или

Апостола по рукописям XII–XV вв.» (М., 1879); докт. дисс. «Характеристические труды 4-х редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI–XVI вв.» (М., 1896) и «Древне-славянское Евангелие. Евангелие от Марка по основным спискам 4-х редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями их 108 рукописей Евангелия XI–XVI вв.» (Сергиев Посад, 1894)).

²⁸⁷ См.: *Кантерев Н. Ф.* Ректор МДА протоиерей А. В. Горский (из моих личных воспоминаний) (1868–1872) // У Троицы в Академии. С. 506–507.

²⁸⁸ Положение об испытаниях на ученые степени и звание действительного студента в духовных академиях. Казань, 1874.

неудовлетворительно, без дифференциации. Так, выпускники первого курса МДА, набранного по новому Уставу (1870–1874 гг.), сдавали в конце 4-го курса шесть экзаменов, но лишь об одном — по истории Русской Церкви, проводимом Е. Е. Голубинским — они смогли сказать, что «по серьезности вопросов он, действительно, походил на магистерский»²⁸⁹.

Однако следует отметить, что многие проблемы и недостатки в первые годы действия Устава 1869 г. в Академии покрывались воодушевлением студентов, почувствовавших себя «младшими профессионалами», причастными к настоящей науке. Общая научная деятельность подразумевала свободу, доверие и самостоятельность, которые даровались студентам: были отменены оценки по поведению, разрядные списки. «Мы пользовались тогда большой свободой, и нам, как взрослым людям, в весьма значительной степени предоставлялось самим, по собственному такту и разумению, располагать собою и своими поступками», — вспоминал студент МДА первого набора по Уставу 1869 г.²⁹⁰ Но научный порыв и уважение к свободному учебному и научному труду студентов, к их самостоятельной ответственности имели оборотной стороной заметное ослабление в посещении лекций. Укоры не всегда помогали, и непосещение студентами лекций было серьезной проблемой. Так, преподаватель догматического богословия А. Д. Беляев замечал, что до Рождества видел в аудиториях больше половины студентов богословского отделения, после Рождества — меньше половины, при этом записывали лекции не более 2–3 человек. Но зато иногда заинтересованные студенты ходили на лекции других отделений, и протоиерей А. В. Горский, скорбевший о навязанной «узости» высшего духовного образования, не препятствовал студентам в этом. Так, «богословы» и «практики» приходили послушать лекции по гражданской истории В. О. Ключевского, «богословы» и «историки» — лекции по словесности Е. В. Амфитеатрова²⁹¹.

Большое значение имел введенный новым Уставом институт приват-доцентов²⁹². По замыслу Устава приват-доценты были внештатными преподавателями, не занимали кафедры, а могли по собственному усмотрению избрать предмет своих чтений по программе, утвержденной начальством академии. За свой труд они получали вознаграждение из особой положенной на то суммы. Введением института приват-доцентов новый Устав попытался исправить серьезный недостаток дореформенных академий: определение преподавателей академии «со школьной скамьи». Приват-доцентом могло стать лицо, имевшее лишь степень кандидата, для допуска же к чтению лекций следовало защитить диссертацию *pro venia legendi* (на право чтения лекций) и прочесть две пробные лекции по теме предполагаемого предмета преподавания²⁹³. За свой труд приват-доценты получали вознаграждение из особой, положенной на то суммы, но она была весьма скромной, всего 2 000 руб. в год. После ревизии, проведенной в 1875 г.

²⁸⁹ Письмо студента исторического отделения XXIX курса МДА [В. А. Соколова] к отцу от 29 мая 1874 г. // У Троицы в Академии. С. 169.

²⁹⁰ Соколов В. А. Годы студенчества // БВ. 1916. № 3/4. С. 398.

²⁹¹ Дневник А. Д. Беляева за 1876–1878 гг. // ОР РГБ. Ф. 26. К. 1. Д. 8. Л. 38 об., 51; Муретов М. Д. Из воспоминаний студента... // БВ. 1914. Т. III. № 10/11. С. 669–670.

²⁹² Устав Духовных Академий 1869 г. § 50, 55–58.

²⁹³ См.: Устав Духовных Академий 1869 г. § 45, 48, 50, 55–58.

преосвященным Макарием (Булгаковым), «приват-доцентская» сумма в Академии была увеличена до 2 400 руб.

Уже в первые годы преобразования МДА по новому Уставу выявилось, что приват-доцентский статус удобно использовать для лиц, определяемых на штатные кафедры, но не имевших магистерской степени. Так, в 1870 г. при замещении кафедры основного богословия выпускником того же года И. Д. Петропавловским, который еще не закончил магистерское сочинение, Совет Академии решил оставить его на кафедру в качестве приват-доцента²⁹⁴. В дальнейшем этот прием использовался в МДА неоднократно, так как практически все выпускники Академии, оставляемые на штатные кафедры, не представляли при выпуске магистерских диссертаций, а защищали таковые лишь через несколько лет.

Однако в начале 1877/78 уч. г. Совет Академии использовал приват-доцентуру по прямому назначению, учредив внештатную должность преподавателя церковной истории Византии при кафедре древней истории и пригласив на нее выпускника 1876 г. И. И. Соколова²⁹⁵. Интересно, что, несмотря на преподавательскую специализацию, И. И. Соколов защитил в 1880 г. магистерскую диссертацию, мало связанную с византийской историей: по отношению протестантизма к России²⁹⁶.

Богословское отделение было единственным, в котором богословские науки держали несомненный перевес. Но повышенный интерес к церковно-историческим наукам и стремление к реальной работе с источниками вели к тому, что сильные студенты, желавшие заниматься наукой, часто миновали богословское отделение. В МДА считалось, что «богословы — мыслители и философы, историки — труженики, а практики — бездельники»²⁹⁷, при этом вторых оказывалось больше всего. Так, в 1880/81 уч. г. в Академии было: на богословском отделении 20 студентов на 3 курсе, 17 на 2-м, 12 на 1-м; на церковно-историческом — 29, 25, 18; церковно-практическом — 20, 21, 17 соотв.²⁹⁸

Специальные занятия и научные достижения профессоров сказывались и на чтении лекций по всем дисциплинам. Научные исследования преподавателей-специалистов способствовали расширению историографических и источниковедческих обзоров и углубленному рассмотрению отдельных разделов науки.

В изучении и преподавании Священного Писания довольно долго доминирующую роль играл архимандрит Михаил (Лузин). Он видел свою задачу в вовлечении студентов в изучение западной библеистики, но с апологетической перспективой: «Пересаживайте, пересаживайте западную науку — католическую и протестантскую — на почву русского православия». Так, в качестве специальных занятий на 4-м курсе он привлекал студентов к научно-переводческому труду: в

²⁹⁴ См.: Отчет о состоянии МДА в конце 1869/70 и в течение 1870/71 уч. г. // ПТСО. 1871. Ч. XXIV. Кн. 3. С. 521.

²⁹⁵ См.: Отчет о состоянии МДА в 1878/79 уч. г. // ПТСО. 1880. Ч. XXVI. Кн. 1. С. 150–151.

²⁹⁶ Соколов И. И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880. Диспут состоялся 1 апреля 1880 г.; утверждение — подписью митрополита Московского Макария (Булгакова) от 8 апреля (см.: ЖЗС МДА за 1880 г. С. 39–40).

²⁹⁷ См.: Муретов М. Д. Из воспоминаний студента... // БВ. 1915. Т. III. № 10/11/12. С. 770.

²⁹⁸ См.: Отчет о состоянии МДА за 1880/81 уч. г. // ПТСО. 1881. Ч. XXVIII. Кн. 4. С. 647.

1875-1877 гг. был предпринят коллективный перевод «Введения в Новый Завет» Г. Э. Герике, изданный затем под редакцией архимандрита Михаила²⁹⁹. Но постепенно в изучении Священного Писания акцент переносился на текстологические и исагогические исследования: такую постановку имели к концу действия Устава 1869 г. лекции по Священному Писанию Ветхого Завета приват-доцента В. Н. Велтистова³⁰⁰ и по Священному Писанию Нового Завета приват-доцента М. Д. Муретова³⁰¹. Правда, последний обращал особое внимание и на изъяснение избранных мест из Евангелия и Апостола.

Основное богословие самими преподавателями понималось по-разному: одни считали его традиционным введением в богословие, другие — недостающей в высшем духовном образовании апологетикой. Так, приват-доцент МДА по основному богословию Р. Левитский склонялся ко второму варианту: он говорил студентам учение о вере, о сущности и происхождении религии, об Откровении естественном и сверхестественном, о пророчествах и чуде³⁰².

В догматическом богословии в эти годы все большее значение приобретал исторический метод. Но протоиерей А. В. Горский, несмотря на его любовь к истории, старался придерживаться традиционно-систематического изложения догматического курса, рекомендованного святителем Филаретом (Дроздовым). Однако сменивший его на кафедре А. Д. Беляев с 1876 г. пошел современным путем, пытаясь совместить оба варианта изложения, исторический и систематический. Не чужды ему были и творческие попытки в научном осмыслении догматического богословия³⁰³.

Одним из наиболее проблемных и критикуемых предметов было нравственное богословие, которое в МДА в эти годы преподавал П. И. Казанский. При выпуске из Академии (1864) он писал магистерскую диссертацию по ветхозаветной библеистике³⁰⁴, и на всю жизнь остался верным своему интересу. П. И. Казанский добросовестно читал лекции, но выработать какую-то самостоятельную концепцию возложенной на него дисциплины не пытался.

Сравнительное богословие в эти годы в МДА не имело ярко выраженного своеобразия: преподаватели менялись, курс состоял из традиционного изложения вероисповедных систем римского католицизма и протестантизма³⁰⁵. Однако в конце периода открылись новые перспективы, связанные, с одной стороны, с церковно-историческим подходом к западным исповеданиям, с другой, — с церковно-практическим, то есть, ответом на актуальные вопросы церковной жизни —

²⁹⁹ См.: Муретов М. Д. Из воспоминаний студента... // БВ. 1915. Т. III. № 10/11/12. С. 756.

³⁰⁰ Магистерскую диссертацию В. Н. Велтистов защитил уже при действии следующего Устава в 1885 г.: Велтистов В. Н. Грех, его происхождение, сущность и следствия: Критико-догматическое исследование. М., 1885.

³⁰¹ Магистерскую диссертацию защитил также при новом Уставе и в тот же год: Муретов М. Д. Философия Филона Александрийского в отношении к учению Иоанна Богослова о Логосе. М., 1885

³⁰² См.: Отчет о состоянии МДА за 1880/81 уч. г. // ПТСО. 1881. Ч. XXVIII. Кн. 4. С. 660.

³⁰³ См., например, его магистерскую диссертацию: Беляев А. Д. Любовь Божественная: Опыт раскрытия главнейших христианских догматов из начала любви Божественной. М., 1880.

³⁰⁴ В дальнейшем была опубликована: Казанский П. И. Об историческом значении книг малых пророков // ПТСО. 1872. Ч. 25. Кн. 1, 4.

³⁰⁵ Так читал курс приват-доцент Н. Иванцев.

переговоры с иными конфессиями. Но первым занимались преимущественно представители кафедр церковной и гражданской истории: профессор по новой церковной истории Д. Ф. Касицын, приват-доцент (с 1881 г. доцент) по общей новой гражданской истории В. А. Соколов³⁰⁶.

Патристика определяла свою научную самостоятельность, вырабатывала собственные методы работы с источниками, отличные от методов догматического богословия церковной истории. Но в период действия Устава 1869 г. лекции в МДА базировались преимущественно на идеях святителя Филарета (Гумилевского).

П. И. Горский-Платонов, занимавший в МДА кафедру Библейской археологии и еврейского языка, в преподавании еврейского языка придерживался своей старой методы «погружения в священные тексты». Но научными исследованиями в области библейской археологии он не занимался, поэтому читал ее в дореформенной традиции «древностей»³⁰⁷.

Философские науки имели сильных преподавателей и пользовались традиционным уважением студентов. Студент МДА 1873–1877 гг. М. Д. Муретов приводил семинарскую присказку, популярную в Академии: «каждый семинарист желает петь басом и быть философом»³⁰⁸. Традиции протоиерея Феодора Голубинского продолжал профессор В. Д. Кудрявцев, читавший метафизику и логику; ему содействовал В. Н. Потапов, читавший историю философии. Вызывали интерес лекции по опытной психологии, читавшиеся А. В. Смирновым, но в этом преподаватели духовных академий только начинали набирать силу. Тем не менее, развитие историко- и филолого-исследовательского движения отчасти умалило в 1870–80-х гг. интерес к умозрительным вопросам.

Церковно-историческое отделение было наиболее гармоничным и в МДА сильным по составу преподавателей-специалистов: здесь были не только ветеран П. С. Казанский (до 1873 г.), уже достаточно опытные Н. И. Субботин и Е. Е. Голубинский, но и быстро набравшие силу А. П. Лебедев и Н. Ф. Каптерев. Свежую струю вносило и «университетское пополнение» в лице профессора В. О. Ключевского, пытавшегося, и небезуспешно, ввести в преподавание разработанные исторические методы, принципы работы с историческими источниками.

Успешной научной и учебной деятельности церковных историков способствовало и общее развитие церковно-исторических наук, расширение источниковой базы, контакты со светской исторической наукой.

Определенную проблему представлял предмет истории и обличения русского раскола. Общая научная настроенность отделения, лекционная система приводили к преобладанию в его постановке историко-исследовательской составляющей. Однако церковная необходимость подразумевала и подготовку специалистов, знакомых с практической стороной дела. Сам Н. И. Субботин вел

³⁰⁶ Об этих перспективах свидетельствовала, в частности, магистерская диссертация одного из лучших выпускников Академии приват-доцента В. А. Соколова: *Соколов В. А.* Реформация в Англии (Генрих VII и Эдуард VI. М., 1881).

³⁰⁷ См.: *Сухова Н. Ю.* Горский-Платонов Павел Иванович, библиист, гебраист // Православная энциклопедия Т. XII. М., 2007. С.152–153.

³⁰⁸ См.: *Муретов М. Д.* Из воспоминаний студента... // БВ. 1915. Т. III. № 10/11/12. С. 771.

активную практическую деятельность: печатал полемические статьи, в декабре 1872 г. инициировал учреждение противораскольнического московского Братства святого митрополита Петра, поддержанного митрополитом Иннокентием, и журнала «Братское слово» соответствующей направленности³⁰⁹. Но привлекать к этой деятельности студентов, которых старались всеми силами настроить на научные исследования, казалось неразумным, тем более, практические занятия выпускного курса не предусматривали истории и полемики с расколом. Выпускники Академии, не получившие никакого опыта практической противораскольнической деятельности, пытались в таком же теоретическом аспекте преподавать раздел «о расколе» в курсе истории Русской Церкви в семинариях. В результате, как неоднократно замечали епархиальные архиереи, пастыри не были готовы противостоять расколу.

Единственной богословской наукой церковно-исторического отделения, не получившей нового учебного развития в МДА, была библейская история: ее неестественная оторванность от Священного Писания и библейской археологии была данью дореформенному порядку. Даже студенты называли ее «несчастно залетевшей» в отделение исключительно по созвучию названия «история»³¹⁰.

Но сами преподаватели-историки относились к своей деятельности со здоровой критичностью. Так, А. П. Лебедев, считая день появления Устава 1869 г. «днем действительного рождения церковно-исторической науки у нас в России», тем не менее, отмечал, что церковно-исторические учебные курсы и пособия, отличаясь смелостью и новизной, имели мало самостоятельности и профессионализма³¹¹.

Самым большим нареканием подвергалось церковно-практическое отделение: его критиковали за отсутствие общей идеи, двойственность в направлении — церковно-практическое (пастырское) и словесное.

Пастырское богословие, соединенное в одну кафедру с гомилетикой, вплоть до 1875 г. преподавалось протоиереем Филаретом Сергиевским. Однако общий научный настрой Академии требовал и от этих наук соответствующего развития, практическое направление менее привлекало сильных студентов. Проблема была и в том, что Устав 1869 г. не включил в число обязательных занятий студентов составление проповедей, оставляя это на волю Советов духовных академий. Хотя Совет МДА принял решение об обязательном составлении проповедей, в большинстве случаев студенты относились к этому формально, переписывая проповеди из епархиальных ведомостей³¹². Занявший в 1875 г. кафедру В. Н.

³⁰⁹ Братство святого Петра, митрополита Московского противораскольнической направленности было открыто в Москве 21 декабря 1872 г., в день памяти святителя Петра. Устав Братства, составленный согласно с Высочайше утвержденными правилами православных братств (1869 г.) и утвержден митрополитом Иннокентием 24 августа 1872 г. Братство издавало журнал «Братское слово», многотомное издание «Материалы для первоначальной истории раскола», другие материалы и пособия для полемистов с расколом.

³¹⁰ ОР РГБ. Ф. 26. К. 17. Д. 20. Л. 10 об. – 11 об..

³¹¹ См.: *Лебедев А. П.* Русская церковно-историческая наука // Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб., 2000. С. 411–413, 417–419.

³¹² См.: *А. Т., Попов К. М., И. И.* Профессор Александр Павлович Шостын (некролог) // БВ. 1916. № 3/4. С. 7; *Лебедев А. П.* К моей учено-литературной биографии и материалы для

Кипарисов встретился в своей деятельности с новыми сложностями. С одной стороны, он писал кандидатское сочинение по церковному праву³¹³, а не по гомилетике или пастырскому богословию, да и в дальнейшем продолжал заниматься научными исследованиями в области церковного права³¹⁴. С другой стороны, не имея личного опыта пастырства, он долго не решался читать лекции по пастырскому богословию, ограничиваясь гомилетикой³¹⁵.

В церковном праве, церковной археологии, литургике в эти годы были намечены направления исторических исследований, хотя это развитие неизбежно ставило вопрос: в чем должна состоять практическая специфика этих предметов.

Традиционно сильным в Академии было церковное право: архиепископа Алексия (Лаврова-Платонова) сменил на кафедре Н. А. Заозерский, который старался соразмерно знакомить студентов с историей источников церковного права, внешним и внутренним церковным правом (включая современный синодальный порядок в Русской Церкви). Особое внимание он обращал на методологию дисциплины, что после включения церковного права в состав юридических факультетов российских университетов было особенно важно³¹⁶.

Принципиально новую постановку получили церковная археология и литургика. Эту кафедру в МДА занимал И. Д. Мансветов, начавший применять в своих исследованиях исторический метод. Он и лекции строил в историческом ключе, выделяя главные эпохи в развитии христианского искусства и богослужения (преимущественно Восточной Церкви).

Большой популярностью среди студентов пользовалось словесное направление этого отделения. Интерес стимулировался развитием духовной журналистики — реального поприща деятельности для выпускников академий, — и интересом к родному языку и русской литературе, о которой Церкви, в лице академий, необходимо было составить определенное мнение. Поэтому лекции по словесности Е. В. Амфитеатрова, а также занятия приват-доцента И. А. Татарского по русской литературе ценились очень высоко.

Но славянские наречия, хотя и были с 1875 г. обеспечены профессионально подготовленным преподавателем — Г. А. Воскресенским, — не получили в Академии прочного основания. О том, что Г. А. Воскресенский, лично способствуя становлению научной славянской библеистики, не смог приготовить себе преемника, писал в 1898 г. ректор Академии епископ Арсений (Стадницкий)³¹⁷.

характеристики беспринципной критики // БВ. 1907. № 6. С. 404; Из писем к родителям студента Московской Академии начала семидесятых годов // У Троицы в Академии. 1814–1914. М., 1914. С. 152–153; Соколов В. А. Годы студенчества // БВ. 1916. № 3/4. С. 388–389; Муретов М. Д. Из воспоминаний студента... // БВ. 1915. Т. III. №. 10/11/12. С. 739–740.

³¹³ «Понятие о терпимости, индифферентизме и фанатизме на основании церковных правил и государственных законов».

³¹⁴ В 1883 г. В. Ф. Кипарисов защитил магистерскую диссертацию: *Кипарисов В. Ф. О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории Церкви и государства, с I по IX в.* Вып. 1. М., 1883. В 1897 г. был удостоен степени доктора богословия за сочинение: *Кипарисов В. Ф. О церковной дисциплине.* Сергиев Посад, 1897.

³¹⁵ См.: Отчет о состоянии МДА за 1880/81 уч. г. // ПТСО. 1881. Ч. XXVIII. Кн. 4. С. 664.

³¹⁶ См.: Там же.

³¹⁷ Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. 1902–1903. Т. 2. С. 19. Оригинал (ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 512. Л. 4).

Специализация и усовершенствованная система научной аттестации, как и предполагалось, активизировали научное развитие духовных академий. Степень доктора богословия могла теперь присуждаться лицам, не имевшим священного сана, за конкретное научное исследование, а установленная связь должности ординарного профессора с докторской степенью настоятельно требовала представления докторских диссертаций. За срок, отпущенный для получения докторской степени (продленный до четырех лет), четверо из семерых ординарных профессоров МДА смогли это сделать: архимандрит Михаил (Лузин), П. С. Казанский, В. Д. Кудрявцев-Платонов и С. К. Смирнов³¹⁸, причем П. С. Казанский сразу после получения степени ушел на пенсию. Ректор МДА протоиерей Александр Горский имел докторскую степень до введения нового Устава. Ординарный профессор МДА протоиерей Филарет Сергиевский, оставив службу в Академии, был назначен ректором Вифанской семинарии, хотя вплоть до 1875 г. преподавал в академии «по приглашению» пастырское богословие и гомилетику³¹⁹. На тех же условиях до конца 1875 г. читал лекции уволенный на пенсию профессор словесности Е. В. Амфитеатров³²⁰. Профессор Д. Ф. Голубинский с упразднением ординарной кафедры физико-математических наук стал экстраординарным профессором естественно-научной апологетики³²¹.

Если большая часть докторских научных работ, представленных в 1869–1874 гг., являлась плодом дореформенных исследований, то диссертации периода после 1874 г. представляли собой результат деятельности пореформенных академий³²². Так, за все 14 лет действия Устава 1869 г. Советом МДА было присуждено 10 докторских степеней. Кроме упомянутых, докторами стали еще три экстраординарных профессора Академии: Н. И. Субботин, А. П. Лебедев и Е. Е. Голубинский³²³. Высших богословских степеней были в эти годы удостоены и три внешних соискателя: выпускник МДА профессор церковной истории Московского университета протоиерей Александр Иванцов-Платонов, выпускник КДА архимандрит Московского Знаменского монастыря Сергей (Спасский) и сербский

³¹⁸ См.: *Михаил (Лузин), архим.* О Евангелии и евангельской истории (по поводу книги Ренана «Жизнь Иисуса»): Опыт обзора и разбора так называемой отрицательной критики Евангелия и евангельской истории. М., 1865; 1870²; Казанский П. С. История православного монашества в Египте. М., 1854 (с доп. статьями: 1) «Об источниках для истории монашества египетского IV и V вв.» (М., 1872), 2) «Общий очерк жизни иноков египетских в IV и V вв.» (М., 1872).; Кудрявцев-Платонов В. Д. Религия, ее сущность и происхождение. Сергиев Посад, 1871; *Смирнов С. К.* Филологические замечания о языке новозаветном в сличении с классическим при чтении послания апостола Павла к Ефесеям. М., 1873.

³¹⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874 г. Д. 23. Л. 1–2 об.; Там же. 1875 г. Д. 37. Л. 1–4.

³²⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1875 г. Д. 41. Л. 1–3.

³²¹ РГИА. Оп. 151. Д. 912. 1870 г. О преподавании в Духовной Академии естественно-научной апологетики; Там же. Ф. 802. Оп. 9. 1874 г. Д. 23; Там же. 1875 г. Д. 37; Там же. 1875 г. Д. 41.

³²² Направления докторских исследований чаще всего соответствовали научной и учебной специализации автора, но характер исследований был преимущественно исторический.

³²³ См.: *Субботин Н. И.* Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой Австрийской или Белокрыницкой иерархии. Историческое исследование. М., 1874; *Лебедев А. П.* Вселенские соборы IV и V в. Обзор их догматических деяний в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. М., 1879; *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. I: Период первый, Киевский или домонгольский; 1-я половина тома. М., 1880.

патриарший архидиакон Емилиан (Радич), закончивший полу-экстерном МДА и поучивший здесь же магистерскую степень³²⁴.

Диссертационные диспуты, как докторские, так и магистерские, были «торжествами богословской науки», отчасти напоминавшими диспуты МСГЛА эпохи митрополита Платона. В Сергиев Посад приезжали архиереи — Московский митрополит, викарии, другие епископы, бывшие в Москве проездом; ректоры Московской и Вифанской ДС, архимандриты московских монастырей и протоиереи соборов, светские лица, интересовавшиеся духовной ученостью, и публицисты. Завсегдатаями диспутов были: протоиереи В. П. Нечаев, И. Г. Виноградов, П. А. Преображенский; бывшие члены корпорации Н. К. Соколов, Н. П. Гиляров-Платонов; отчасти связанные с богословием Ю. Ф. Самарин, Н. П. Аксаков, М. П. Погодин, П. И. Мельников и др. Посещали диспуты и студенты и, хотя им было запрещено задавать вопросы и делать какие-либо комментарии к происходящему, громкими аплодисментами, увлекающими и всю публику, «оживляли» обстановку³²⁵. Это было слишком необычно для старых духовных школ, нарушало серьезность дискуссии и провоцировало иногда диспутантов и оппонентов на неоправданную остроту фраз, «популяризацию» богословской науки, публичному ниспровержению авторитетов.

Эффектным «торжеством православной науки» над нашумевшей книгой Ренана «Жизнь Иисуса» была первая докторская защита в МДА архимандрита Михаила (Лузина)³²⁶. На защите профессора Н. И. Субботина состоялась дискуссия между специалистами по расколу, имевшие разные точки зрения: протоиерея И. Г. Виноградова, П. И. Мельникова, самого диспутанта³²⁷.

Конечно, не каждый диспут был триумфом богословской науки: иногда бывали «срывы», неловкие ситуации, связанные как с высказываниями на диспутах, так и с их организацией. Так по вине некоторых членов церковно-исторического отделения был сорван диспут профессора П. С. Казанского, и это «падение Академии» принесло много переживаний ректору протоиерею А. В. Горскому. Диспут все же состоялся через некоторое время, но в дискуссии,

³²⁴ См.: *Сергий (Спаский), архим.* Полный месяцеслов Востока. Т. 1: Восточная Агиология. М., 1875; *Иванцов-Платонов А., прот.* Ереси и расколы трех первых веков христианства. Ч. 1: Источники для истории древнейших сект. М., 1877; *Емилиан (Радич), архидиак.* Verfassung der orthodox-serbischen und orthodox-rumänischen Particular-Kirchen un Oesterreich-Ungara. Serbien und Rumänien. Buch I: Die Verfassung der orthodox-serbischen Particular-Kirche von Karlovitz. Praga, 1880 (степень присуждена без публичной защиты).

³²⁵ См.: *Соколов В. А.* Годы студенчества // БВ. 1916. № 5. С. 24–25; Из писем к родителям студента Московской Академии начала семидесятых годов // У Троицы в Академии. 1814–1914. М., 1914. С. 141–171; *Дроздов Н. М.* Письма к А. Д. Беляеву // ОР РГБ. Ф. 26. К. 17. Д. 10.

³²⁶ Само сочинение Ж. Э. Ренана, изданное в Париже в 1863 г. («Vie de Jésus» (Paris, 1863); представляло собой первую часть знаменитого труда «Histoire des origines du christianisme»). В том же году оно было переведено на русский язык, издано за границей и чрезвычайно быстро распространилось в России, вызвав бурные дискуссии.

³²⁷ «Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой Австрийской или Белокриницкой иерархии. Историческое исследование» (М., 1874). Диспут состоялся 18 апреля 1874 г. См.: ОР РГБ, Ф. 78. К. 26. Д. 8. Л. 16–16 об.; Там же. К. 27. Д. 15. Л. 28–28 об. Его описание глазами студента выпускного курса см.: *Соколов В. А.* Годы студенчества // БВ. 1916. № 5. С. 33–34; Из писем к родителям студента Московской Академии начала семидесятых годов // У Троицы в Академии. 1814–1914. М., 1914. С. 169.

завязавшейся между докторантом и оппонентом А. П. Лебедевым проявилось резкое противостояние двух подходов к церковной истории, переходящее границы научного спора³²⁸.

Первый магистерский диспут в МДА состоялся 15 октября 1874 г.: сочинение «Светские архиерейские чиновники в древней Руси» защищал выпускник 1872 г. приват-доцент Н. Ф. Каптерев. Ректор Академии протоиерей Александр Горский, чрезвычайно волнуясь перед первым «выходом в свет», по которому будут судить о том, «как это новое дело поставлено в нашей Академии», заставлял диспутанта многократно перепроверять все источники, речь и тезисы, исправляя все, что может вызвать недоумение, непонимание, ненужные вопросы³²⁹.

Совету МДА приходилось, хотя и нечасто, участвовать в оценке диссертаций, представляемых в Советы других Академий. Так, в конце 1872 г. в Академию было прислано из Синода на экспертизу сочинение ректора СПбДА протоиерея Иоанна Янышева «Состояние учения о совести, свободе и благодати и попытки к разъяснению этого учения». Работа была представлена на соискание докторской степени в родную Академию, но Совет СПбДА счел себя некомпетентным для решительного ответа, и в качестве «внешнего рецензента» был привлечен Совет МДА. Рассмотрение сочинения доставило много переживаний ректору МДА протоиерею Александру Горскому, ибо, при всем уважении к автору, итоговый вывод — «достаточно определенного учения» о совести, свободе и благодати в Православной Церкви нет — чрезвычайно смущал. Отзыв все же был составлен, после чего диссертация протоиерея Иоанна была отклонена³³⁰.

В 1880 г. МДА воспользовалась еще одним правом, дарованным Уставом 1869 г.³³¹ и организовала Церковно-археологический музей³³². Идея об основании при МДА церковно-археологического музея была впервые высказана в 1870 г. Е. Е. Голубинским, в то время экстраординарным профессором Академии. Но официально церковно-археологический музей при МДА был открыт лишь через десять лет, при содействии митрополита Московского Макария (Булгакова) (1879–1882), ревнителя русской старины³³³.

В 1878 г. Устав был несколько скорректирован в составе обязательных дисциплин: к таковым были причислены оба древних языка. Деньги на приват-

³²⁸ См.: Современные известия. 1873. 6 октября; РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1873 г. Д. 5. Л. 1–7; Лавров-Платонов А. Ф. Письма к Е. Е. Голубинскому от 27 февраля, 28 марта 1873 г. // ОР. РГБ. Ф. 541. К. 9. Д. 13. Л. 14–14 об., 18–18 об. Впечатление студента тех лет В. А. Соколова об этих событиях в письмах к отцу: У Троицы в Академии. С. 161–162; Соколов В. А. Годы студенчества // БВ. 1916. № 5. С. 27–33; Беляев А. А., прот. Профессор Московской Духовной Академии Петр Симонович Казанский // Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914. С. 280–286.

³²⁹ См.: Каптерев Н. Ф. Ректор МДА протоиерей Александр Васильевич Горский (из моих личных воспоминаний) // У Троицы в Академии. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 507–508; К истории первого магистерского диспута в МДА // БВ. 1915. № 10/11/12. С. 396–412.

³³⁰ ОР РГБ. Ф. 78. К. 12. Д. 32. Л. 1–7.

³³¹ См.: Устав Духовных Академий 1869 г. § 169–171.

³³² См.: Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1881 год. СПб., 1882. С. 136–137.

³³³ Голубцов А. П. Церковно-археологический музей при МДА // БВ. 1895. № 4. С. 124–128, 367–368.

доцентов по кафедрам древних языков выделены не были, однако Синод предложил отправить в заграничную командировку на стажировку преподавателей древних языков. Совет МДА отправил в Италию и Германию экстраординарного профессора по кафедре латинского языка и его словесности П. И. Цветкова³³⁴.

В 1870 г. в МДА произошло еще одно важное событие, не связанное непосредственно с реформой. Вплоть до 1869 г. МДА не имела собственного храма: преподаватели и студенты участвовали в богослужениях в храмах Троице-Сергиевой Лавры. Была учреждена даже особая должность «заведующего церковной службой по Академии», который должен был узнавать предварительно от ректора о месте и времени академического богослужения, объявлять это преподавателям и студентам, просить у лаврского священноначалия иеродиаконов, если среди студентов не было своих³³⁵. Несмотря на благодатные монастырские богослужения, нужда в собственном храме Академией все же ощущалась. Инициатором устройства академического храма был ректор Академии протоиерей Александр Горский, его инициатива была поддержана митрополитом Московским святителем Иннокентием (Вениаминовым). Определением Святейшего Синода от 14 апреля 1869 г. было начато устройство домового церкви. Храм было решено переоборудовать из бывшего зала академической Конференции, хотя алтарь при этом пришлось обратить на юг, а не на восток. Деньги на перестройку пожертвовал почетный гражданин А. В. Толоконников, избранный в 1870 г. по правилам нового Устава попечителем Академии³³⁶. Престол был освящен в честь Покрова Божией Матери — главного праздника Академии — 12 февраля 1870 г., в день празднования памяти Алексия, святителя Московского³³⁷. С этого времени преподаватели и студенты Академии регулярно посещали богослужения в академическом храме, где служило академическое священство.

В дальнейшем Покровский храм дважды перестраивался. Так, в 1892 г. при митрополите Московском Леонтии (Лебединском) и ректоре Академии архимандрите Антонии (Храповицком) храм был расширен, алтарь обращен на восток, устроен новый купол³³⁸. В 1913 г., при митрополите Московском Макарии (Невском) и ректоре епископе Феодоре (Поздеевском) храм вновь был подвергнут обновлению: вместо деревянного потолка возведен полукруглый свод, храм стал вдвое выше, купол передвинут на середину, устроены хоры³³⁹.

В конце 1870-х — начале 1880-х гг. в Академии увеличилось число студентов. Этому способствовал указ Министерства народного просвещения от 20

³³⁴ См.: ЖЗС МДА за 1877 г. С. 34–35.

³³⁵ Так одно время эту должность исполнял студент старшего отделения МДА будущий архиепископ Савва (Тихомиров) (см.: [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосвященнейшего Саввы [Тихомирова], архиепископа Тверского. Т.1. (1819–1851 гг.) Сергиев Посад, 1898. С. 408–409.

³³⁶ См.: *Корсунский И. Н.* Покровская церковь Московской Духовной Академии // БВ. 1898. Т. IV. № 11. С. 185–197.

³³⁷ Там же. С. 200–202.

³³⁸ См.: *Соколов В. А.* Освящение академической церкви // БВ. 1892. Т. III. № 12. С. 435–442.

³³⁹ См.: *Иларион (Троицкий), архим.* Из академической жизни: Обновление академического храма и пострижение в монашество // БВ. 1913. Т. III. № 12. С. 905–916; *Он же.* Покровский академический храм к началу второго столетия Академии // Там же. 1914. Т. III. № 10/11. С. 725–732.

марта 1879 г., предписывающий всем семинаристам, желающим поступать в светские высшие учебные заведения, получать аттестат зрелости в классических гимназиях³⁴⁰. Так, в 1879 г. Академии затребовали 134 выпускника Семинарий, 150 прибыли волонтерами, было принято после вступительных экзаменов 225 человек³⁴¹. В МДА к 1883 г. число студентов достигло 359³⁴². Рост числа своекоштных студентов делал особенно актуальным вопрос о помощи «недостаточным» студентам, и в среде профессоров Академии появилась мысль об учреждении Братства для помощи нуждающимся воспитанникам.

Впервые эта идея была высказана ректором архимандритом Михаилом (Лузиным) в 1877 г., и спустя три года, 26 сентября 1880 г., было открыто Братство Преподобного Сергия, первым председателем которого был избран епископ Можайский Алексей (Лавров-Платонов), бывший профессор МДА³⁴³. В дальнейшем председателями Совета Братства были профессора МДА В. Д. Кудрявцев-Платонов (1885–1891), Д. Ф. Голубинский (1891–1903), П. И. Цветков (1903–1905), Н. А. Заозерский (1905–1907), А. Д. Беляев (1907–1917), но управлялось Братство общими собраниями братчиков³⁴⁴. Пожертвования — личные и коллективные — поступали от профессоров Академии, епископата, духовенства, выпускников Академии, жертвовали и книги, вещи, продукты; кроме того, делались вклады «на молитвенное поминовение». В синодик Братства вносились и имена почивших членов и благодетелей Братства, и все записанные в Братский синодик молитвенно поминались за проскомидией каждой Литургии, совершаемой в академическом Покровском храме³⁴⁵. Братство преподобного Сергия помогало не только студентам, но и выпускникам Академии (с 1889 г.), особенно труженикам Братства, и членам их семей³⁴⁶.

* * *

Устав 1869 г. действовал лишь 15 лет, и был сменен новым Уставом, который и современники, и исследователи часто называют «контр-уставом» по отношению к Уставу 1869 г. Устав 1869 г. критиковали на протяжении всего периода его действия — епископат, преподаватели и выпускники академий. Высказывались как пожелания рабочей корректировки Устава, изменения его отдельных положений, так и радикального изменения. К концу 1870-х гг., в том

³⁴⁰ Духовное ведомство было озабочено утечкой кадров, Министерство народного просвещения выражало недовольство слабой подготовкой многих семинаристов по предметам общего образования (РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1876 г. Д. 79; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VII. СПб., 1883. № 379).

³⁴¹ См.: Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1879 г. С. 148.

³⁴² См.: Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1883 год. СПб., 1885. С. 211.

³⁴³ См. *Цветков П. И.* Братство Преподобного Сергия для вспомоществования нуждающимся студентам и воспитанникам МДА в первое 25-летие (1880–1905). Очерки. Троице-Сергиева Лавра. 1905. С. 1–5.

³⁴⁴ Там же. С. 49–63; Отчет Братства Преподобного Сергия для вспомоществования нуждающимся студентам и бывшим воспитанникам Московской Духовной Академии за 1903 г. С. 1–2; То же за 1905 г. С. 3; То же за 1907 г. С. 3; То же за 1915 г. С. 4.

³⁴⁵ *Цветков П. И.* Братство Преподобного Сергия... С. 68.

³⁴⁶ Там же. С. 10–26, 104.

числе, в связи с ростом революционных настроений, произошло изменение отношения государственной власти и общества к проведенным в 1860-е гг. реформам: неудачные результаты некоторых из них, в том числе, церковных, заставляли думать об их приостановлении, если и не полной отмене.

Но для начала более активных действий наиболее реальной и действенной фигурой оказался обер-прокурор, а новый обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев не сочувствовал церковным и духовно-учебным реформам своего предшественника. В июле того же 1880 г., будучи в Москве, в Троицын день был в Лавре и посетил МДА, оставив, по словам ректора протоиерея С. К. Смирнова, «самое приятное впечатление»³⁴⁷. Познакомившись с членами корпорации, К. П. Победоносцев отметил неправильную постановку педагогики в духовных академиях, бесполезность 4-го курса в его настоящем варианте, необходимость строгого богословского образования «в духе святоотеческом, а не в немецко-научном».

После трагических событий 1 марта 1881 г. разговоры о близкой реформе духовных академий временно прекратились, но 21 октября 1881 г. в Святейший Синод поступило официальное предложение обер-прокурора о пересмотре Устава 1869 г., а 19 ноября и Высочайшее повеление об учреждении Комитета для этого дела под председательством Казанского и Свияжского архиепископа Сергия (Ляпидевского)³⁴⁸.

В официальных «соображениях» о корректировке Устава Совет МДА высказался положительно о специализации преподавателей, построенной реформой 1869 г., но считал неудачной приват-доцентуру: она не дает никакой подготовки, кандидаты на кафедры, как и раньше, к преподаванию не готовы³⁴⁹.

Относительно студенческой специализации Совет Академии высказывался строго: практическое отделение, как не имеющее внутреннего единства по составу наук, предлагалось упразднить; занятия студентов на 4-м курсе — радикально изменить, так как попытка совмещения в них научной и педагогической подготовки оказалась несостоятельной³⁵⁰.

В состав Комитета, которому было поручено составление официального проекта нового Устава, от МДА был включен ординарный профессор В. Д. Кудрявцев-Платонов — старейший профессор МДА, знакомый председателю Комитета архиепископу Сергию (Ляпидевскому) еще по ректорству последнего в МДА. Архиепископ Сергий даже просил в письме профессора Н. И. Субботина передать В. Д. Кудрявцеву просьбу, чтобы тот, несмотря на нездоровье, «не отказывался» от участия в Комитете³⁵¹.

³⁴⁷ Из письма протоиерея С. К. Смирнова преосвященному Савве (Тихомирову), тогда епископу Тверскому от 18 июля 1880 г.: *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника. Т. 6. С. 238–239. См. также: ОР РГБ. Ф. 230. П. 9804. Д. 2. Л. 4.

³⁴⁸ Предложение обер-прокурора от 21 октября 1881 г. за № 5226: РГИА. Ф. 796. Оп. 162. 1 отд. 3 ст. Д. 734. Л. 1–1об.

³⁴⁹ См.: Свод мнений о недостатках ныне действующего Устава духовных академий и соображений о способах устранения этих недостатков. СПб., 1881. С. 21–22.

³⁵⁰ Свод... С. 84–85.

³⁵¹ См.: Письма митрополита Сергия к профессору Н. И. Субботину // БВ. 1914. № 10/11 (юбилейный сборник). С. 481.

После нескольких этапов обсуждений и доработок окончательный вариант Устава духовных академий получил Высочайшее утверждение 20 апреля 1884 г.³⁵².

Новый Устав упразднял отделения и особое устройство выпускного курса: все богословские и философские дисциплины стали общеобязательными: 1) введение в круг богословских наук; 2) Священное Писание и библейская история; 3) догматическое богословие; 4) нравственное богословие; 5) гомилетика и история проповедничества; 6) пастырское богословие и педагогика; 7) церковное право; 8) история Вселенской Церкви до разделения Церквей, история Православной Церкви и история Русской Церкви; 9) патристика; 10) церковная археология и литургика; 11) логика и психология; 12) метафизика и история философии³⁵³. Упраздняялась сама идея специального изучения основных богословских наук; для выбора студентам предлагалось две группы: словесных и исторических дисциплин, с незначительным добавлением «второстепенных» богословских (§ 99)³⁵⁴.

Особые магистерские экзамены отменялись; защита магистерских диссертаций переносилась в Совет Академии, но утверждение в магистерской степени передавалось Синоду³⁵⁵. Докторские публичные защиты отменялись; присуждение докторской степени происходило теперь в Святейшем Синоде, на основании отзывов академических рецензентов и рецензии от Синода³⁵⁶. Было введено различие докторских степеней: богословия, церковной истории и канонического права³⁵⁷.

Наиболее тяжело отразилось изменение Устава на студентах выпускного курса: им следовало прослушать лекции по всем предметам, которые по новому Уставу стали общеобязательными, но не изучались этими студентами на предыдущих трех курсах. Такой подход, после 15-летнего настойчивого призыва к развитию наук и совершенствованию их преподавания, вызвал у многих преподавателей негативное восприятие нового Устава. В МДА преподавательская корпорация постаралась смягчить для студентов-выпускников тяжесть павшей на них нагрузки. Это имело определенный успех: из 97 выпускников 1885 г. (из них 17

³⁵² См.: Высочайше утвержденные 20 апреля 1884 г. Устав и штаты православных духовных академий // Полное собрание законов Российской империи. Третье собрание (далее: ПСЗ III). Т. IV. СПб., 1887. № 2160. С. 232–243 (далее: Устав Духовных Академий 1884 г.).

³⁵³ Устав Духовных Академий 1884 г. § 100.

³⁵⁴ К первой — словесной — группе относились: 1) теория словесности и история иностранных литератур; 2) русский и церковно-славянский языки с палеографией и история русской литературы; 3) древнееврейский язык и библейская археология; 4) один древний и один новый языки; ко второй — исторической: 1) история и разбор западных исповеданий; 2) история и обличение русского раскола; 3) гражданская история всеобщая; 4) русская гражданская история; 5) один древний и один новый языки (Устав Духовных Академий 1884 г. § 99, 101). См. также: Объяснительная записка к проекту изменений в Уставе православных духовных академий. СПб., 1883. С. 23, 24.

³⁵⁵ Устав Духовных Академий 1884 г. § 136. См. также: Объяснительная записка... С. 33–37.

³⁵⁶ Там же. § 142, 143.

³⁵⁷ Там же. § 141.

магистрантов) шестеро смогли продолжить свои научные работы и впоследствии защитить магистерские диссертации³⁵⁸.

Изменение состава кафедр вызвало на этот раз не столь много хлопот, как при проведении реформы 1869 г. Единственно, что вызвало затруднения в МДА: замещение общеобязательной кафедры пастырского богословия и педагогики, которая была вакантной на протяжении двух учебных лет³⁵⁹.

Естественно-научная апологетика — уникальный предмет в учебных планах МДА — так и не стала полноценным предметом преподавания: вопрос о введении его в учебные планы всех академий вставал неоднократно, но безрезультатно. После кончины Д. Ф. Голубинского († 23.11.1903) кафедра не замещалась, хотя члены корпорации МДА выдвигали предложения о более определенной постановке апологетики и о конкретном содержании учебной программы, был даже разработан проект «реформы естественно-научной апологетики», но не получил утверждения³⁶⁰. Вскоре сама кафедра была упразднена, с заменой ее на кафедру истории и обличения русского сектанства, как более актуальной для нужд Московской епархии. Однако реально кафедра действовала лишь с 1912 г.³⁶¹

Неустойчивое положение приват-доцента в 1884 г. сменилось статусом исполняющего должность доцента (и. д. доцента). Срок пребывания в этом статусе ограничивался двумя годами, хотя на практике это часто не соблюдалось. Так, например, преподаватель психологии МДА П. П. Соколов — первый магистрант выпуска 1888 г. — пребывал в звании и. д. доцента 17 лет, вплоть до защиты магистерской диссертации в 1906 г.³⁶². Преподаватель той же академии Е. А. Воронцов (с 1909 г. священник) пребывал в статусе и. д. доцента десять лет (1900–1910), его коллеги по академии Ф. М. Россейкин — девять лет (1906–1915), П. В. Тихомиров — восемь лет (1895–1903).

Советы академий, хотя и понимали справедливость требований Устава и ненормальность длительного пребывания в статусе и. д. доцента, ходатайствовали перед Синодом о продлении срока представления магистерской диссертации. Такие ходатайства были весьма часты. Так, например, Совет МДА ходатайствовал в 1908 г. о продлении срока представления магистерской диссертации и. д. доцента Н. Л. Туницкому, в 1910 г. — С. П. Знаменскому и П. А. Флоренскому, в 1913 г. — А. М. Туберовскому³⁶³.

³⁵⁸ В 1886 г. — Н. П. Добронравов; в 1887 г. — священник С. И. Остроумов; в 1890 г. — А. П. Шостьин; в 1891 г. — А. Я. Дородницын; в 1898 г. — С. Д. Маргаритов; в 1904 г. — протоиерей Н. П. Малиновский.

³⁵⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1884 г. Д. 41. Л. 6–10.

³⁶⁰ См.: Письмо профессора МДА И. В. Попова бывшему ректору МДА епископу Арсению (Стадницкому) от 13 декабря 1904 г. (ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 400. Л. 37–41); Письмо профессора МДА В. А. Соколова бывшему ректору МДА епископу Арсению (Стадницкому) от 6 ноября 1904 г. (Там же. Д. 445. Л. 37–41). См. также: ЖЗС МДА за 1904 г. С. 278–282.

³⁶¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1905 г. Д. 30. Л. 1–5; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 315.

³⁶² См.: *Сухова Н. Ю.* Несостоявшаяся духовно-учебная реформа 1890-х годов // ВПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 3 (20). М., 2006. С. 7–26; *Она же.* Студенты высшей духовной школы в России — научный поиск и церковный порыв (1890–1900-е гг.) // *Сухова.* Вертоград наук. С. 275–303.

³⁶³ См.: ЖЗС МДА за 1908 г. С. 304–305; То же за 1910 г. С. 50–51, 56–57; То же за 1913 г. С. 469–470.

Устав 1884 г. внес в систему научно-богословской аттестации изменения, вызывавшие даже после утверждения Устава дискуссии в духовно-учебной среде. Основным предметом обсуждений была отмена публичных диспутов. Одни жалели об отмене публичных диспутов, другие видели в новой системе преимущество: более профессиональное и серьезное научное обсуждение вместо «профанации высоких истин». Но Совет МДА старался, как и раньше, относиться непредвзято к своим коллегам. Так, в 1891 г. вызвало полемику представленное на соискание докторской степени сочинение экстраординарного профессора МДА М. Д. Муретова о ветхозаветном храме³⁶⁴. Рецензирующий диссертацию доцент кафедры Ветхого Завета МДА А. А. Жданов, не согласный с мнением Муретова на внешний вид Моисеевой скинии и Соломонова храма, дал отрицательный отзыв, и Синоду пришлось послать диссертацию на дополнительный отзыв в Совет КазДА. Профессором библейской археологии КазДА С. А. Терновским был дан положительный отзыв, и степень была присуждена в апреле 1893 г.³⁶⁵

Вторым решающим моментом для диссертанта было утверждение в степени Святейшим Синодом, как высшей научно-аттестационной инстанцией в богословии. И здесь возникали иногда серьезные проблемы.

В год введения Устава в МДА была присуждена первая степень доктора церковной истории — экстраординарному профессору И. Д. Мансветову³⁶⁶, — но в этом случае достоинства работы были несомненны: впервые отечественная литургика поднялась на современный научный уровень, получив качественное историческое исследование богослужебной системы.

Но в дальнейшем проблемы возникали неоднократно. Так, неудачей окончились две попытки экстраординарного профессора МДА Н. Ф. Каптерева — в 1885 и 1887 г. — защитить докторскую диссертацию, связанную с исследованием древних форм перстосложения³⁶⁷. Труды Каптерева были признаваемы Советом МДА достойными докторской степени, но получали отрицательный отзыв в Святейшем Синоде. Ситуация была усугублена полемикой между Н. Ф. Каптеревым и Н. И. Субботиным. Последний в своем журнале «Братское слово» и в личных письмах к К. П. Победоносцеву и архиепископу Сергию (Ляпидевскому) указывал на церковно-практическую опасность сочинений Н. Ф. Каптерева: недоумение, которое они порождают в православном народе, и использование их

³⁶⁴ Муретов М. Д. Ветхозаветный храм. Часть 1. Внешний вид храма. М., 1890. См.: Отзыв А. А. Жданова о докторской диссертации М. Д. Муретова: ЖЗС МДА за 1892 г. С. 49–75. См. также: Жданов А. А. Новейший реставратор» ветхозаветного Храма (Ответ г. М. Муретову): В 2 ч. Сергиев Посад, 1893.

³⁶⁵ См.: Терновский С. А. Отзыв о сочинении доцента МДА М. Муретова «Ветхозаветный храм. Часть 1. Внешний вид храма» (М., 1890). Казань, 1893.

³⁶⁶ Докторское сочинение: Церковный устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской Церкви. М., 1885.

³⁶⁷ Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII столетиях. М., 1885; Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. См. положительные рецензии на последнюю работу: Русская мысль. 1888. Кн. 2. Отд. 3. С. 71–74; Исторический вестник. 1888. № 6. С. 701–704. За последнее сочинение Каптереву была присуждена малая Уваровская премия, по отзыву П. В. Знаменского (Журнал Министерства народного просвещения. С. 260. 1888. Ноябрь. Отд. 4. С. 2–10).

старобрядцами в полемике с православными³⁶⁸. Наконец, третья диссертация Н. Ф. Каптерева была удостоена в 1891 г. степени доктора церковной истории³⁶⁹.

Магистерские коллоквиумы постепенно свелись к заседаниям совета академии, иногда «расширяемого» особо приглашенными лицами. Узкий круг имел свои преимущества: снималась опасность неосторожными дискуссиями дискредитировать богословскую науку в глазах непосвященных, обсуждение научно-богословских проблем компетентными лицами делало защиты не менее, а более серьезными.

Частные случаи с сочинениями, представляемыми на научные степени, выявили общие проблемы. В феврале 1889 г. указом Синода в советы академий были разосланы «Правила для рассмотрения сочинений, представляемых на соискание ученых богословских степеней»³⁷⁰. «Правила» выдвигали два требования к диссертациям: верность православию и соответствие темы и содержания искомой степени. Верность православию должна быть засвидетельствована отсутствием каких-либо смущений для православного читателя, полнотой и определенностью изложения, «при которой не оставалось бы сомнения в истинности православного учения», точностью выражений, «которые устраняли бы всякий повод к ложным вопросам». Соответствие богословской области исследований подразумевало старую проблему: представление на соискание богословских ученых степеней исследований, которые в большей степени относились к исторической, филологической, философской областям³⁷¹.

Тем не менее, «Правила» 1889 г. не решили проблем, связанных с представляемыми диссертациями, и Синод в дальнейшем неоднократно делал замечания Совету МДА или даже отклонял ходатайство об утверждении в присужденных степенях. Так, в 1893 г. Синод высказал серьезные сомнения в соответствии учению Православной Церкви темы и содержания магистерской диссертации преподавателя Рижской ДС М. М. Тареева, успешно защищенной в МДА³⁷². Но в 1895 г. переработанная диссертация была вновь представлена в Совет и после положительного свидетельства рецензентов Синод в 1902 г. утвердил соискателя в степени магистра богословия³⁷³.

В сентябре того же 1893 г. было отклонено ходатайство Совета МДА об удостоении степени магистра богословия преподавателя Харьковской ДС Н.

³⁶⁸ См.: Братское слово. 1887. Т. 1. С. 468–475, 710; *Субботин Н. И.* Переписка профессора Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношения к нему православия (1865–1904 гг.) Изд., введ. и комм. В. С. Маркова // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1915. Кн. 1 (252). С. 479–483).

³⁶⁹ См.: *Каптерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством 1669–1707 гг. М., 1891.

³⁷⁰ См.: ЖЗС МДА за 1889 г. С. 35–43.

³⁷¹ См.: ЖЗС СПбДА за 1888–1889 уч. г. СПб., 1894. С. 125, 126, 127, 128.

³⁷² См.: Указ Святейшего Синода от 14 мая 1893 г. // ЖЗС МДА за 1893 г. С. 190–191. Диссертация: *Тареев М. М.* Испытания Богочеловека, как единый искупительный подвиг всей земной жизни Христа, в связи с историей дохристианских религий и Христианской Церкви. М., 1892.

³⁷³ См.: ЖЗС МДА за 1895 г. С. 437; То же за 1898 г. С. 168–180; То же за 1901 г. С. 320–322. См. также: Указ Святейшего Синода от 18 февраля 1902 г. // ЖЗС МДА за 1902 г. С. 54–55. Переработанная диссертация: *Тареев М. М.* Испытание Господа нашего Иисуса Христа. М., 1900.

Страхова за сочинение о браке и форме его заключения³⁷⁴. В вину диссертанту, кроме неудачного плана, фрагментарности изложения и неоправданного обилия иностранных слов, ставилось несоответствие сочинения богословской степени: оно носило более философский, нежели богословский характер. Но в 1896 г. за новую редакцию своего исследования по христианскому учению о браке Н. Н. Страхов был утвержден в искомой степени³⁷⁵.

В мае 1895 г. Синод отказался утвердить в магистерской степени выпускника МДА священника Василия Васильева за диссертацию по истории канонизации русских святых³⁷⁶. Причиной отказа были некорректные с богословской точки зрения замечания диссертанта, резкие и необоснованные замечания о древнем периоде Русской Церкви, плохо обоснованное перенесение выводов о канонизации в Греческой Церкви на канонизацию в Русской Церкви. Эта диссертация переработана не была.

Таким образом, возникавшие проблемы, несмотря на конкретность ситуаций и замечаний, выявляли общие проблемы, связанные с богословием как наукой, ее местом в системе научного знания, ее методологией.

Имела некоторые негативные последствия и автономность присуждения ученых богословских степеней корпорацией МДА. Официальными оппонентами обычно становились рецензенты работы, только в исключительных случаях — например, когда один из рецензентов отсутствовал, был в командировке — назначался другой оппонент. Круг на защите был тот же, что и при обсуждении диссертаций: профессора и преподаватели академической корпорации. Случаев приглашения оппонентов из других академий или со стороны практически не было. Более того, когда на защите кандидата (1898) и и. д. доцента МДА И. М. Громогласова в качестве оппонента выступил бывший профессор академии И. Д. Андреев, на момент защиты уже покинувший МДА и состоявший на службе в Московском университете, Синод сделал замечание Совету академии о «процедурном нарушении»³⁷⁷.

Тем не менее, ни изменения духовно-академических Уставов, ни «Правила» 1889 г. и их дальнейшие интерпретации не могли приостановить научную результативность Академии: творческий подъем, начавшийся в середине XIX в., продолжал давать результаты. Это проявлялось и в увеличении числа диссертационных работ, удостоенных ученых степеней от Совета МДА:

	Докторские	Магистерские диссертации
--	------------	--------------------------

³⁷⁴ См.: ЖЗС МДА за 1893 г. С. 93–110, 110–115, 120–121, 340–341. Диссертация: *Страхов Н. Н. Брак, рассматриваемый в своей природе и со стороны формы его заключения*. Харьков, 1893.

³⁷⁵ См.: ЖЗС МДА за 1896 г. С. 244–245. Переработанная диссертация: *Страхов Н. Н. Христианское учение о браке и противники этого учения*. Харьков, 1895.

³⁷⁶ См.: ЖЗС МДА за 1895 г. С. 67–84. Диссертация: *Васильев В. В. История канонизации русских святых*. М., 1893.

³⁷⁷ Диссертация: *Громогласов И. М. Определение брака в Кормчей и значение их при исследовании вопроса о форме христианского бракозаключения*. Выпуск I. Введение. Определение брака в 48 гл. кормчей (Градск. Зак. Гр. 4, гл. 1). Сергиев Посад, 1908. Указ Святейшего Синода от 29 января 1909 г. // ЖЗС МДА за 1909 г. С. 3–5. См. также: *Покровский А. И. Магистерский диспут И. М. Громогласова и Д. Г. Коновалова* // БВ. 1908. Т. 3. № 12. С. 639–652.

	диссертации	
Устав 1869 г.	10	21
Устав 1884 г.	24	75

Важным элементом научной деятельности Академии был ее периодический орган. Но «Приложения к изданию Творений святых отцов в русском переводе» выходил в 1860–1880-х гг. крайне нерегулярно: сказывались и организационные, и финансовые сложности. В 1892 г. был учрежден новый периодический орган МДА «Богословский вестник», заменивший «Приложения». В связи с его учреждением в корпорации МДА велись дискуссии о цели, которую должен, прежде всего, преследовать периодический орган Академии: отражение внутреннего научного процесса, его развития, или популяризация богословского знания, рассчитанная не на узкое академическое сообщество, а на более широкий круг читателей. В результате дискуссии был выбран ученый характер издания: переводы творений святых отцов; оригинальные статьи и исследования по богословским, философским и историческим наукам; обозрение событий и мероприятий в церковной и гражданской жизни и сведения о внутренней жизни Академии; критика, рецензии, библиография по богословским наукам; диссертации на ученые степени, протоколы заседаний Совета Академии, систематический и повременный каталоги академической библиотеки. Однако за это пришлось заплатить обычной ценой всех чисто-научных изданий: «непопулярностью» журнала в широких кругах, сложностью распространения. Поэтому неизбежной составляющей жизни «Богословского вестника» стала финансовая проблема³⁷⁸. Первым редактором «Богословского вестника» стал профессор П. И. Горский-Платонов. (1892–1893), затем эту должность занимали профессора В. А. Соколов (1893–1898), А. А. Спасский (1899–1903), И. В. Попов (1903–1906), И. Д. Андреев (1906–1907), А. И. Покровский (1907–1909), А. П. Орлов (1909), Н. А. Заозерский (1909–1912), священник П. А. Флоренский (1912–1917), М. М. Тареев (1917–1918). Деятельность двух последних редакторов была особой эпохой «Богословского вестника», о которой будет сказано ниже.

Характерной чертой академической жизни 1880–90-х гг. было усиление церковно-практической направленности. В 1885 г., на архиерейском съезде в Казани, было признано полезным учреждение особых должностей епархиальных миссионеров, на эти должности стали определять выпускников духовных академий — прямо со школьной скамьи. По ходатайству Совета МДА и Московского митрополита Сергия (Ляпидевского), указом Святейшего Синода от 4 января 1897 г. предмет истории и обличения русского раскола, а также изучения и разбора западных исповеданий, были сделаны общеобязательными, причем не только для МДА, но и для всех остальных академий. Аргумент был приведен «пастырский»: эти знания необходимы каждому священнику, окончившему высший богословский

³⁷⁸ Соколов В. А. Пять с половиной лет в должности редактора // БВ. 1915. Т. 3. № 10/11/12. С. 239–276; [Россейкин Ф. М.] Из хозяйственной истории «Богословского вестника» за 25 лет // БВ. 1916. № 10/11/12. С. 616–621; Голубцов С., протодиак. Из истории «Богословского вестника» // БВ. № 1. Вып. II. Сергиев Посад, 1998. С. 20–38; Дионисий (Шленов), игум. Богословский вестник (1892–2006): история и современность (<http://www.bogoslov.ru/bv/bv.html>) — обращение 24.07.2012).

курс. Общеобязательность разбора западных исповеданий была обоснована двумя положениями: 1) распространение иноконфессионального влияния и новый этап межконфессиональных диалогов, 2) соединение в семинариях преподавания истории и обличения раскола в одну кафедру со сравнительным богословием³⁷⁹.

Значение кафедры истории и обличения русского раскола возросло, как с точки зрения педагогической подготовки, так и в научном отношении. В 1881–1887 гг. особые «противораскольнически-противосектантские» кафедры были учреждены в духовных семинариях: Определением Святейшего Синода от 28.07.1886 во всех духовных семинариях учреждались самостоятельные штатные кафедры истории и обличения раскола и сектантства. Это делало необходимым и особую подготовку преподавателей по этим кафедрам в академиях. К новоучрежденным кафедрам присоединялось преподавание сравнительного богословия³⁸⁰.

Свидетельством этого, в частности, является переписка К. П. Победоносцева с профессором-расколоведом МДА Н. И. Субботиным³⁸¹.

Предреформенное увеличение числа казенных стипендий в духовных академиях 1879–1883 гг. имело успех: к середине 1880-х гг. духовно-учебная система была обеспечена достаточным числом преподавателей с кандидатскими дипломами духовных академий, были заняты все вакантные места, не только в семинариях, но и в духовных училищах. К 1885–1886 гг., когда большие наборы 1881–1882 гг. кончили курс академий, им не смогли обеспечить соответствующих служебных мест: из 289 кандидатов, окончивших все четыре академии в июне 1886 г., к концу ноября назначены были на духовно-учебные места только 30–40. Распоряжением Святейшего Синода 1886 г. кандидаты духовных академий, не получившие духовно-учительских мест, отправлялись в епархиальное ведомство, в распоряжение правящих архиереев³⁸².

Отправленные в епархии безработные кандидаты сетовали на свою невостребованность после четырнадцатилетней тяжелой учебы и четырех лет усиленных занятий высшим богословием. В личном архиве выпускника МДА 1886 г. С. А. Белокурова сохранилась записка за подписью «кандидат Академии», в которой автор винил в печальной участи безработных кандидатов духовных академий Учебный комитет и уповал на «мудрых архиереев и, главным образом, на Московского архиепископа Иоанникия»³⁸³.

³⁷⁹ См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода за 1896 и 1897 годы. СПб., 1899. С. 188–189; Отчет о состоянии МДА за 1896/97 уч. год. С. 12; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 249. Л. 2–4.

³⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 277. Оп. 1. Д. 3191. Л. 1–5 об.; Извлечение из Всеподданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1881 год. СПб., 1882. С. 152; То же за 1886 год. СПб., 1888. С. 143–147. См. также: ОР РГБ. Ф. 23. К. 1. Д. 10. Л. 1–1 об.

³⁸¹ См.: *Субботин Н. И.* Переписка профессора Н. И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношения к нему православия (1865–1904 гг.) Изд., введ. и комм. В. С. Маркова // ЧОИДР. 1915. Кн. 1 (252).

³⁸² См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода за 1886 год. СПб., 1888. С. 139–142.

³⁸³ Записка либо составлена, либо переписана С. А. Белокуровым. Автор видит следующие перспективы: 1) открытые с начала 1886/87 уч. г. в 20 семинариях кафедры истории и обличения русского раскола: лишь в 5 из них были назначены преподаватели, 2) изгнание с преподавательских

Особой эпохой в жизни МДА было ректорство архимандрита Антония (Храповицкого). Особенности жизненного пути и взглядов архимандрита Антония на задачи высшей духовной школы, богословской науки и пастырского служения обусловили его ректорскую и преподавательскую деятельность. Он взялся читать пастырское богословие, разделив кафедру с преподававшим педагогику А. П. Шостыным. Мнение архимандрита Антония о постановке пастырского богословия в духовной школе было невысоко: «школа не развивает ни христианского настроения, ни пастырского духа, она не умеет поставить богословскую науку так, чтобы раскрывать в ней жизненную силу нашей религии, ни дело воспитания направить таким образом, чтобы оно содействовало расширению души учащегося...»³⁸⁴. Считая пастырское богословие наукой из наук, архимандрит Антоний выработал собственный подход, создав «новое направление пастырского богословия, обосновав его на своих философских и богословских воззрениях»³⁸⁵. Это направление, сопряженное с личным пастырским обаянием архимандрита Антония, его живым церковным чувством, привлекало студентов, вдохновенное «ученое монашество» ректора способствовало усилению монашеского духа в Академии. Выпускник МДА 1891 г. Терентий Теодорович, уже став протопресвитером, вспоминал: «Лекции Ректора по пастырству горели таким внутренним огнем подвига, таким горячим порывом служить Христу и Церкви, что влияние их незабываемо»³⁸⁶. Архимандрит Антоний всячески побуждал своих учеников изучать народную жизнь путем чтения классической литературы, считая ее одним из важнейших условий для воспитания пастыря: «кто, как не Достоевский, Толстые, Гончаров или Тургенев, знакомят читателей с нравственной физиономией общества и народа?»³⁸⁷. В пастырском богословии архимандрита Антония были и специфические черты, вызывавшие и вызывающие немало вопросов. Так, ценя Ф. М. Достоевского как проповедника покаяния и Христовой благодати³⁸⁸, он возводил писателя в статус «учителя Церкви», «учителя пастырей».

Ситуация, сложившаяся в МДА в период ректорства архимандрита Антония, настораживала Синод, и в сентябре-октябре 1895 г., уже после перевода архимандрита Антония в КазДА, в МДА была проведена ревизия. Проводил ее по указу Синода член-ревизор Учебного Комитета д. с. с. П. И. Нечаев. Ревизии Академий после 1869 г. проводились всего один раз: в 1874–1875 гг. архиепископом Макарием (Булгаков), причем с конкретной целью — проверкой

и законоучительских мест приходского духовенства, «отбивающего» кусок хлеба у молодых кандидатов богословия. Автор записки настаивает на праве кандидатов богословия, не имевших священного сана, преподавать Закон Божий (ОР РГБ. Ф. 23. К. 1. Д. 10. Л. 1–2 об.).

³⁸⁴ *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Заметки о нашей духовной школе // Митрополит Антоний (Храповицкий): Избранные труды, письма, материалы. М., 2007. С. 463.

³⁸⁵ *Никон (Рклицкий), архиеп.* Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. Книга первая. Нижний Новгород, 2003. С. 171.

³⁸⁶ *Киприан (Керн), архим.* Митрополит Антоний Храповицкий // Вестник русского студенческого христианского движения. 1969. № 91/92. Париж-Нью-Йорк, 1969. С. 92.

³⁸⁷ *Антоний (Храповицкий), архиеп.* Заметки о нашей духовной школе... С. 464.

³⁸⁸ См., например: *Антоний (Храповицкий), архим.* Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф. М. Достоевского // БВ. 1893. Т. IV. № 10. С. 41–79.

успешности проведенной реформы 1869 г. Теперь ревизии подверглась только одна Академия, что подчеркивало ее экстраординарность. В августе 1896 г. в Синод поступил отчет о ревизии, а 5 сентября того же года последовал указ Синода 1896 г., в котором перечислялись недостатки и нарушения в Академии по экономической и воспитательной части: случаи ночного возвращения студентов в Лавру, оскорбления ими жандарма, привратника, пререкания с Лаврской администрацией, нравственные проступки; непосещения студентами богослужений в академическом храме. Синод предлагал принять меры к устранению этих нарушений. Новый ректор архимандрит Лаврентий (Некрасов) попытался принять определенные меры, но профессора Академии выступили с объяснениями и возражениями против замечаний ревизора. Они усматривали в указанных проступках не ослабление дисциплины, а более глубокие причины, вспоминая с благодарностью былые дни, когда ректор и инспектор были из лиц, получивших воспитание и образование в МДА, живших интересами Академии. Итоговый указ Синода от 14 февраля 1897 г. был более строг: профессорам, подписавшим заявление, указывалось, что при их нежелании «сообразовываться с правилами законной дисциплины» они могут оставить службу в Академии³⁸⁹.

Некоторое умиротворение в Академии наступило в ректорство епископа Арсения (Стадницкого), который смог наладить в преподавательской и студенческой корпорации более спокойные отношения — насколько это было возможно в преддверии бурных 1900-х гг.

Московская Духовная Академия в начале XX в.

XX век принес новые тенденции в жизнь всей духовной школы, в том числе, и в МДА. С одной стороны, шла обычная учебно-научная жизнь: читались лекции, выпускались студенты, защищались диссертации (за первые пять лет XX в. в МДА было защищено 5 докторских и 11 магистерских диссертаций). С другой стороны, обстановка в стране накалялась, много противоречий и нестроений было и в церковной жизни. Разумеется, как студенты, так и преподаватели, несмотря на географическую удаленность Академии от Москвы и расположение в монастыре, не могли остаться изолированными от этих процессов. Кроме того, церковно-общественный подъем этих лет привел к постановке новых вопросов в церковной жизни, и эти вопросы следовало учитывать в богословских исследованиях. Многие проблемы церковной жизни требовали оценки с догматической, канонической, церковно-исторической, историко-литургической точек зрения, да и сама церковная жизнь с ее новыми проблемами, вопросами, чертами и тенденциями требовала богословского исследования, анализа и осмысления.

В декабре 1903 г. в МДА произошла смена ректора: преосвященный Арсений (Стадницкий) был переведен на самостоятельную Псковскую кафедру, а должность ректора была замещена бывшим инспектором Академии

³⁸⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 176. Д. 600 (О ревизии МДА. 1895 г.); Оп. 177. Д. 397 (О ревизии МДА. 1896 г.); Оп. 205. Д. 657 (О ревизии МДА. 1895–1897 гг.); ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 252. (Доклад членов Совета Академии по поводу ревизии, бывшей в 1895 г., 1896 г.); ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 255 (Указ Синода 1897 г.).

архимандритом Евдокимом (Мещерским), возведенным в январе 1904 г. в епископское достоинство.

С 1902–1903 гг. в семинариях, близких к МДА, стала заметна деятельность кружков или ячеек по чтению социально-политической литературы, некоторые из которых ставили целью подготовку к вооруженной борьбе³⁹⁰. С этими кружками — по крайней мере, во Владимирской ДС, оказались связанными и некоторые студенты МДА. Начало 1905 г., события 9 января ухудшили ситуацию, в том числе, это стало заметно в МДА. В июне во Владимире состоялся тайный съезд представителей 9 семинарий, в котором приняли участие и студенты МДА; обсуждались уже не отдельные требования, но целый проект переустройства духовного образования.

27 августа того же года российским университетам была дарована «автономия», подразумевавшая усиление самостоятельности университетских Советов и выборность ректоров и деканов³⁹¹. Профессора МДА, часть из которых была очень воодушевлена открывавшимися перспективами, начали обсуждение в свете этого проблем высшей духовной школы. Результатом была «Записка 22 профессоров МДА», в которой излагались желательные изменения в положении Духовной Академии и аргументы в их пользу³⁹². Общий настрой этой записки определялся двумя тенденциями: научной устремленностью и желанием приблизить Духовные Академии к университетам как по принципам образования, так и по принципам управления. В высказанных пожеланиях можно выделить основные: подчинение непосредственно Святейшему Синоду, сведение роли епархиального архиерея к «почетному попечительству», выборность ректора и инспектора, расширение состава Совета и его прав.

В октябре ситуация в Академии стала экстремальной: студенты прекратили занятия, подав петицию с требованием автономии и выборного начала. После отставки 19 октября обер-прокурора К. П. Победоносцева его преемник кн. А. Д. Оболенский созвал в столице Совещание выборных представителей от всех Академий (по 3), обещав личное председательство и покровительство. От МДА на это совещание были избраны профессора И.В. Попов, П.В. Тихомиров и И.М. Громогласов. Совещание проходило 11–19 ноября 1905 г. и носило экстремальный характер — следовало выработать оперативные мероприятия «к восстановлению нормального академического порядка». На пятом заседании к профессорам были присоединены архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский) и епископ

³⁹⁰ *Беляев М.* В стенах Владимирской семинарии в 1905–1908 гг. // *Минувшее.* Владимир. 1923.

³⁹¹ Указ Совета Министров об утверждении «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями».

³⁹² ЖЭС МДА за 1905 г. С. 359, 433–458. В число 22-х входили не только профессора, но и прочие преподаватели Академии. Записку подписали: засл. орд. проф. В. О. Ключевский, Н. Ф. Каптерев, Н. А. Заозерский и М. Д. Муретов; орд. проф. С. С. Глаголев и М. М. Тареев; экстраорд. проф. А. А. Спасский, В. Н. Мышцын, И. В. Попов, И. Д. Андреев, П. В. Тихомиров и Н. Г. Городенский; и.д. доц. П. П. Соколов, И. М. Громогласов, С. И. Смирнов, Е. А. Воронцов, Д. Г. Коновалов, Н. Л. Туницкий и А. П. Орлов и лектор В. П. Лучинин.

Псковский и Порховский Арсений (Стадницкий)³⁹³. Представители МДА вполне откровенно высказали своему бывшему ректору, что привлечение архиереев вызвано конкретной задачей: «быть сдерживающим началом против... “либеральных” вождедений в реформе Академий». При этом сами «академики» не сомневались, что только при предлагаемых условиях «автономии» возможно начало занятий во временно закрытых Академиях³⁹⁴.

В результате обсуждений, сопровождавшихся горячими дискуссиями, Совецание выработало предложения к Синоду, при которых, по мнению участников заседаний, возможна нормализация ситуации в Академиях. Начальная реакция Синода была достаточно жесткой, но преосвященный Арсений взял на себя умиротворение создавшейся коллизии. После некоторых сомнений и опасений указом от 26 ноября 1905 г. Святейший Синод ввел для Академий Временные правила, корректирующие действующий Устав³⁹⁵. Эти правила содержали все предложения «автономии», с единственной коррективой: ректором Академии могло быть только лицо в священном сане, а мирянин — временно, не более шести месяцев. В частности, Советам Академий предоставлялось право не только присуждения, но и окончательного утверждения в ученых богословских степенях — вопрос, вызывавший много дискуссий на рубеже веков.

Указ Синода не разрешал смещать действующего ректора для выбора нового, Временные правила в этом отношении начинали действовать лишь при уходе ректора по той или иной причине. Поэтому в МДА должность ректора продолжал занимать епископ Волоколамский Евдоким (Мещерский).

Вводя Временные правила, Синод дал указ Советам: составить предложения к выработке нового стабильного Устава Духовных Академий. Проект, составленный Советом МДА, был достаточно оригинален для российской традиции³⁹⁶. В нем подчеркивалось, что с главной бедой академического обучения — многопредметностью — не смогли справиться оба предыдущие Устава — 1869 и 1884 гг. Студенты, изучая 25 предметов, составляя 9 семестровых и 1 курсовое сочинение за 4 года, не могут ничего знать основательно и глубоко и, что еще страшнее, не вырабатывают интерес к новому научному знанию и умение его добывать. Богословская наука и образование развиваются и требуют специалистов, а духовные академии не могут удовлетворить эти запросы. В проекте Совета был предложен способ устранения этой беды путем совмещения идей Устава 1869 г. с традициями немецких университетов. Главными идеями проекта были специализация, динамичность и гибкость образования и активное участие студента в его формировании. Четкая структура из главных богословских наук в учебном

³⁹³ Материалы работы Совецания 1905 г.: РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 169. Официальные журналы заседаний были опубликованы: ЖЗС МДА за 1905 г. Сергиев Посад, 1906. С. 378–398. В дневнике участника 5–8 заседаний Совецания епископа Арсения (Стадницкого) есть интересные замечания о работе Совецания и оценка принятых решений (ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 514. Л. 8–25об.)

³⁹⁴ ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 511. Л. 9.

³⁹⁵ Определение Святейшего Синода за № 6081 от 26 ноября 1905 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 186 (отд. 1, ст. 2). Д. 486. Л. 1–1 об.)

³⁹⁶ См.: Проект Устава Духовных Академий, составленный Комиссией профессоров МДА. Сергиев Посад. 1906.

плане первого курса (пять общеобязательных предметов — Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, догматическое богословие, древняя церковная история и история философии) позволяла студенту получить общее представление о богословии в целом, сориентироваться в выборе специализации и не рассеяться. Специальное изучение одной из пяти групп предметов (традиционные для немецких университетов — Священное Писание, систематическое богословие, историческое богословие, практическое богословие, и философия, с учетом российской традиции) предоставляло возможность получить углубленные знания в этой области, освоить специальные методы, укрепив через это и общебогословские познания. Специализация подразумевала специальные курсы по главному — структурообразующему — групповому предмету, а при этом — демонстрацию и специфических методов этой области богословия, и пример научной разработки конкретного вопроса. Остальную часть учебного плана студент мог формировать самостоятельно, изучая по своему выбору еще пять предметов, как вспомогательных к его научной работе, так и просто его интересующих.

Акцент делался на практических занятиях под руководством профессора (причем в выборе семинара студенту предоставлялась свобода), проведении небольших исследований по выбранным вопросам, сдаче зачетов по специальным предметам, наконец, на написании итоговой научной работы. Авторы проекта шли еще дальше, предлагая, согласно западной системе, упразднение переводов с курса на курс (после обязательного первого курса), с сохранением лишь обязанности студента пробыть в академии не менее 4-х лет, сдавая ежегодно не менее 4-х экзаменов и известное число письменных работ и зачетов. Гибкость образования и самостоятельность студентов, по мнению Совета МДА, была тем секретом германских теологических факультетов, которые позволяют им, несмотря на отсутствие широты в обще-богословском образовании, растить специалистов высокого уровня.

Проект МДА, как и проекты других Академий, обсуждались в V Отделе Предсоборного Присутствия, который возглавлял епископ Арсений (Стадницкий) — председатель Учебного комитета. Предложение МДА отменить традиционную систему вызвало серьезную критику в Отделе. Прозвучали обвинения в потере системы, в узости и утилитарности. С точки зрения большей части соборных заседателей *образование* подразумевало определенную последовательность изложения не только внутри одного предмета, но и внутри всей области науки, и высшая школа обязана дать студенту эту последовательную систему. Практическая же «привязка» выпускника к конкретной узкой области должна достигаться практическими занятиями и семинариумами (по примеру университетов), а не деформацией основы образования³⁹⁷. Главным идеологом проекта МДА, представлявшим его на Предсоборном Присутствии, был профессор И. В. Попов, побывавший незадолго до этого (в 1902–1903 уч. г.) на стажировке в Германии. Обучение в Берлинском и Мюнхенском университетах, особенно в первом, произвело на него сильное впечатление, хотя он старался критически оценивать и

³⁹⁷ Журналы Предсоборного Присутствия. Т. 4. С. 53–54, 151–153 и др.

российскую, и немецкую системы образования³⁹⁸. И И. В. Попов попытался ввести лучшие, с его точки зрения, элементы, немецкого университетского образования в российскую духовно-учебную традицию.

Когда ситуация в стране немного успокоилась, в 1908 г. во всех Академиях была проведена синодальная ревизия. МДА ревизовал архиепископ Димитрий (Ковальницкий). По результатам ревизии указом Синода от 4 февраля 1909 г. Временные правила были отменены, как не оправдавшие себя, и Устав 1884 г. вновь поучил полную силу³⁹⁹. В критическом указе Синода, кроме общих указаний по учебной, воспитательной, хозяйственной и организационной частям, были упомянуты и некоторые преподаватели МДА. Профессору по кафедре библейской истории А. И. Покровскому и и. д. доцента греческого языка и его словесности Д. Г. Коновалову предлагалось подать заявление об увольнении из Академии. От профессора по кафедре нравственного богословия М. М. Тарева требовалось представление в Синод краткого изложения его богословской системы. Профессор по кафедре теории словесности и истории иностранных литератур Н. Г. Городенский должен был дать подписку о непринадлежности его к «незаконным правительством политическим партиям». Доценту по кафедре истории и обличения русского раскола И. М. Громогласову предлагалось отказаться от преподавания в других учебных заведениях и серьезнее относиться к своим преподавательским обязанностям⁴⁰⁰.

Общая непростая ситуация в высшей духовной школе в МДА усугублялась непростыми отношениями ректора Академии епископа Феодора (Поздеевского) с преподавательской корпорацией. Преосвященный Феодор был учеником преосвященного Антония (Храповицкого) по КазДА, как и его учитель, читал в МДА пастырское богословие. Аскет и подвижник, воодушевленный идеей монашеского служения Церкви и богословской науке, строгий поборник православия, стремившийся вернуть русское богословие к святоотеческому наследию, епископ Феодор иногда действовал довольно жестко. Тем не менее, его ректорское служение является важной эпохой в истории МДА.

В марте 1909 г. при Святейшем Синоде была вновь учреждена Комиссия для разработки проекта нового Устава Духовных Академий, в которую от МДА был включен профессор А. И. Введенский⁴⁰¹. В Комиссии, которая работала на протяжении 1909 г., было выдвинуто две концепции высшей духовной школы, предложенные архиепископами Антонием (Храповицким) и Сергием (Страгородским) с одной стороны, остальными членами Комиссии, с другой⁴⁰². Практически каждый вопрос вызывал дискуссию, при этом единого решения чаще

³⁹⁸ Письмо И. В. Попова к епископу Арсению (Стадническому) (ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 400. Л. 3–14) и к С. И. Смирнову (ОР РГБ. Ф. 280. К. 18. Д. 23. Л. 11–16, 22–23 об.).

³⁹⁹ Указ Святейшего Синода от 4 февраля 1909 г. // ЖЗС МДА за 1909 г. С. 1–3.

⁴⁰⁰ Указ Святейшего Синода от 18 июня 1909 г. // ЖЗС МДА за 1909 г. С. 225–226.

⁴⁰¹ Журналы учрежденной при Святейшем Синоде Комиссии для выработки проекта нового Устава духовных академий. СПб., 1909. С. 1–2.

⁴⁰² О работе Комиссии 1909 г. более подробно см.: *Сухова Н. Ю.* Дискуссия 1909 г. о проблемах высшего духовного образования и богословской науки // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. II: История. История Русской Православной Церкви. 2007. Вып. 2 (23). С. 32–57

всего найти не удавалось. Единственно, в чем все члены Комиссии сходились — это важность для Академий их научно-богословской задачи. Поэтому Устав духовных академий, введенный в 1910–1911 гг., вменял академиям в обязанность, прежде всего, высшую ученую разработку богословия на церковном, строго-православном основании⁴⁰³.

Но сам Устав, представлявший компромисс двух концепций, был эклектичен и никого не удовлетворял, хотя, казалось, в нем были учтены крайние варианты Уставов 1869 и 1884 гг.: полноценное богословско-философское образование и шесть (с 1911 г. четыре) групп наук для специализации⁴⁰⁴. Но в эти группы были выделены вновь не главные богословские дисциплины, потому идея специального изучения богословия вновь опускалась. Было еще одно положение нового Устава, добавленное в 1911 г., неоднозначно воспринимаемое членами корпорации: требование включать в состав Совета Академии не менее половины членов в священном сане⁴⁰⁵. Так как среди профессоров Академии часто не было такого соотношения, это требование приводило к разделениям в академической корпорации: «только что поступивший в академическую службу доцент получал экстраординатуру едва ли не в день принятия священного сана, в то время, как его академические учителя, насчитывающие 10–18 лет академической службы, продолжали оставаться доцентами»⁴⁰⁶. Но Устав 1910–1911 гг. вводил практические занятия, решая таким образом, хотя и не совсем удачно, многолетнюю проблему однообразия учебных форм⁴⁰⁷.

Однако, несмотря на эти дискуссии и проблемы, наука в МДА в конце XIX — начале XX в. развивалась активно, и представляемые результаты свидетельствовали о научной жизнеспособности корпорации.

Библейское направление в МДА — как Ветхого, так и Нового Заветов — представило в эти годы много диссертаций, монографий, научных статей. Новозаветное направление, с 1878 и по 1917 г. возглавляемое профессором М. Д. Муретовым⁴⁰⁸, продолжало критическую оценку результатов западной библеистики⁴⁰⁹ и постепенно вырабатывало свою методологию⁴¹⁰. В библеистике

⁴⁰³ Высочайше утвержденные 2 апреля 1910 г. Устав и штаты православных духовных академий // ПСЗ III. Т. XXX. Отд. 1. СПб., 1913. № 33274 (далее: Устав Духовных Академий 1910 г.). § 2. С. 414

⁴⁰⁴ Устав Духовных Академий 1910 г. § 129–133.

⁴⁰⁵ Высочайше утвержденные 26 августа 1911 г. изменения в Уставе православных духовных академий // ПСЗ III. Т. XXXI. Отд. 1. СПб., 1914. № 35802. Прим. к § 65. С. 962.

⁴⁰⁶ [Попов И. В.] Объяснительная записка к Нормальному Уставу 1917 г. (ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 381. Л. 252).

⁴⁰⁷ Устав Духовных Академий 1910 г. § 153, 156.

⁴⁰⁸ Хотя его докторская диссертация была посвящена реконструкции Ветхозаветного Храма: Муретов М. Д. Ветхозаветный храм. Ч. I: Внешний вид храма. М., 1890.

⁴⁰⁹ См.: Молчанов Н. Д. Подлинность четвертого Евангелия и отношения его к трем первым Евангелиям. Тамбов, 1883; Клитин А. М. Подлинность посланий св. Апостола Павла к Тимофею и Титу. Критико-исагогический опыт. Киев, 1888 и др.

⁴¹⁰ См.: Глаголев Д., свящ. Второе великое путешествие Св. Апостола Павла с проповедью Евангелия (Деян. XV: 40 — XVIII: 22). Опыт историко-эзегетического исследования. Тула, 1893; Григорий (Борисоглебский), архим. Третье великое благовестническое путешествие св. апостола Павла. Опыт историко-эзегетического исследования. Сергиев Посад, 1892; Сильченков К. Н.

Ветхого Завета в начале XX в. появилось новое направление: соотнесение библейских реалий с данными активно развивавшихся «восточных» наук: египтологии, ассириологии, хеттологии⁴¹¹. Но на протяжении всего периода среди библеистов Академии продолжались методологические споры, в которых участвовали и другие члены корпорации: попытки соотнести библейско-экзегетический и библейско-догматический, библейско-филологический и библейско-богословский, историко-критический и религиозно-философский подходы⁴¹².

Искало свои пути научного развития догматическое богословие, возглавляемое с 1876 по 1917 г. А. Д. Беляевым. Для исследования выбирались конкретные вопросы православного вероучения, доминирующими были историко-критический и сравнительно-критический методы⁴¹³. Но каждая работа, особенно представленная на соискание ученой степени, вызывала вопрос о путях *научного* развития догматического богословия.

Сравнительное богословие в МДА, стараясь содействовать решению проблем межконфессионального диалога, сделало вклад и в научное развитие⁴¹⁴.

На долю церковного права в конце XVIII — начале XIX в. также выпало решение многих сложных проблем, связанных с внутренней церковной жизнью, церковно-государственными отношениями, многолетней подготовкой к поместному Собору, обсуждением каноничности синодальной эпохи. Эти проблемы обусловили активное научное развитие церковного права, в том числе, в МДА силами Н. А. Заозерского, В. Ф. Кипарисова, И. М. Громогласова и их учеников⁴¹⁵.

Прощальная беседа Спасителя с учениками. Ин. XIII: 31 — XVI: 33. Опыт истолкования. Харьков, 1895 и др.

⁴¹¹ См.: *Введенский Д. И.* Патриарх Иосиф и Египет: Опыт соглашения Библии и египтологии. Сергиев Посад, 1914 и др.

⁴¹² Об этом подробнее см.: *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX — начале XX в. М., 2009. С. 380–384, 436–437.

⁴¹³ См.: *Беляев А. Д.* О безбожии и антихристе. Т. I: Подготовка, признаки и время пришествия антихриста. Сергиев Посад, 1899; *Струнников А. И.* Вера, как уверенность, по учению православия. Самара, 1887; *Светлов П., свящ.* Значение Креста в деле Христовом: Опыт изъяснения догмата искупления. Киев, 1893; *Страхов Н. Н.* Брак, рассматриваемый в своей природе и со стороны формы его заключения. Харьков, 1893; *Орфанитский И., свящ.* Историческое изложение догмата об искупительной жертве Господа нашего Иисуса Христа. М., 1904; *Орлов А. П.* Тринитарные воззрения Илария Пиктавийского. Историко-догматическое исследование. Сергиев Посад, 1908; *Троицкий В. А.* Очерки из истории догмата о Церкви. Сергиев Посад, 1912; *Туберовский А. М.* Воскресение Христово. Опыт мистической идеологии пасхального догмата. Сергиев Посад, 1916 и др.

⁴¹⁴ См.: *Арсеньев И., свящ.* Ультрамонтанское движение в XIX столетии до Ватиканского собора (1869–1870 г.) включительно. Харьков, 1895; *Соколов В. А.* Иерархия Англиканской епископальной церкви. Сергиев Посад, 1897; *Маргаритов С. Д.* Лютеранское учение в его историческом развитии при жизни Мартина Лютера. Кишинев, 1898; *Арсеньев И., прот.* От Карла Великого до Реформации. Историческое исследование о важнейших реформационных движениях в Западной Церкви в течение восьми столетий. Изд. 2-е. М., 1913 и др.

⁴¹⁵ См.: *Заозерский Н. А.* О церковной власти. Основоположения, характер и способы применения церковной власти в различных формах устройства Церкви по учению православно-канонического права. Сергиев Посад, 1894; *Кипарисов В. Ф.* О церковной дисциплине. Сергиев Посад, 1897; *Бенеманский М. И.* Ὁ πρόχειρος νόμος императора Василия Македонянина. Его

По-прежнему сильным и самым результативным по количеству представляемых квалификационных и научных работ было в МДА церковно-историческое направление. Историей Древней Церкви занимались А. А. Спасский и другие ученики А. П. Лебедева, историей Русской Церкви — Н. Ф. Каптерев, С. И. Смирнов и другие ученики протоиерея Александра Горского и Е. Е. Голубинского. В научный оборот вводились новые источники, выпускниками кафедр описывались и разрабатывались архивы. В церковной истории также велись методологические споры, особое место в них занимали вопросы о конфессиональности церковной истории и отношении к болезненным вопросам истории Православной Церкви.

Трудами преемника И. Д. Мансветова по кафедре церковной археологии и литургики А. П. Голубцова это направление в МДА получило новые силы⁴¹⁶. Результатом были не только многочисленные печатные труды самого А. П. Голубцова и его регулярные выступления на археологических съездах⁴¹⁷, но и деятельность его учеников. Среди последних был выпускник Академии 1912 г. С. Г. Сахаров (будущий святитель Афанасий)⁴¹⁸ — литургист, член Богослужебного отдела Поместного Собора 1917–1918 гг., исповедник, автор многих служб и молитвословий⁴¹⁹, в 1955–1962 гг. — председатель Богослужебно-календарной комиссии при Издательском отделе Московского Патриархата.

Следует отметить и новое направление в пастырском богословии — пастырской аскетики, — официально введенное Уставом Духовных Академий 1910–1911 гг. и представленное в лекционном курсе, а также проповедях и речах ректора Академии епископа Феодора (Поздеевского)⁴²⁰. Кроме этого, пастырское

происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Вып. 1. Сергиев Посад, 1906; *Громогласов И. М.* Определение брака в Кормчей и значение их при исследовании вопроса о форме христианского брака заключения. Вып. I: Введение. Определение брака в 48 гл. Кормчей (Градск. Зак. Гр. 4, гл. 1). Сергиев Посад, 1908; *Покровский А. И.* Соборы древней Церкви эпохи первых трех веков. Историко-каноническое исследование. (С тремя приложениями и двумя картами). Сергиев Посад, 1915 и др.

⁴¹⁶ А. П. Голубцов при выпуске (1886) писал кандидатское сочинение Е. Е. Голубинскому по кафедре Истории Русской Церкви («Патриарх Московский Иосиф»), но был назначен на вакантную после кончины И. Д. Мансветова кафедру церковной археологии и литургики. Год профессорского стипендиатства он посвятил и, как оказалось, очень успешно, вхождению в проблематику кафедры.

⁴¹⁷ См.: *Голубцов А. П.* Соборные чиновники и особенности службы по ним. М., 1907; *Он же.* Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899; *Он же.* Чиновник Холмогорского Преображенского собора. М., 1903; *Он же.* Чиновник Нижегородского Преображенского собора. М., 1905 и др.

⁴¹⁸ Кандидатское сочинение 1912 г.; издано в 1997 г.: *Сахаров С.* Настроение верующей души по Триоди Постной. М.: Новоспасский монастырь, 1997.

⁴¹⁹ В том числе, автор (совместно с профессором Петроградского университета Б. А. Тураевым) служб на праздник «Всех святых, в земле Российской просиявших»; монументального труда «О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви» (издан: Вестник Западно-Европейского Патриаршего Экзархата, 1969–1976; СПб., 1995).

⁴²⁰ См.: *Феодор (Поздеевский), еп.* Из чтений по Пастырскому богословию (Аскетика). Сергиев Посад, 1911 (репр.: *Феодор (Поздеевский), архиеп.* Смысл христианского подвига: Из чтений по пастырскому богословию архиепископа Феодора, ректора Московской Духовной Академии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995; Сергиев Посад. 2000. См. также: *Он же.* К вопросу о страданиях // БВ. 1909. № 10; *Он же.* Путь духовной мудрости. // БВ. 1910. № 1.

направление поддерживалось и исследованиями по истории гомилетики. Труды В. П. Виноградова, возглавлявшего это направление⁴²¹, были востребованы как в научном, так и в церковно-практическом отношении: пастырский подъем среди студентов МДА, о котором говорилось выше, опирался, в числе прочего, и на энтузиазм «академического гомилета».

Наконец, значимым было в МДА в конце XIX — начале XX в. религиозно-философское направление, возглавляемое в эти годы А. И. Введенским и С. С. Глаголевым. Особенностью этих лет являлось постепенно выделявшееся в нем историко-религиозное или религиозноведческое направление⁴²².

* * *

Заметным явлением духовно-академической жизни конца XIX — начала XX в. было так называемое «кружковое» явление: инициатива студентов и некоторых преподавателей по организации в Академиях кружков и обществ различной направленности. Основных форм такой внеучебной деятельности студентов было три: церковно-практическая (проповедь, просветительская деятельность, катехизация, миссия, собеседования со старообрядцами и т. д.); кружки по обсуждению злободневных вопросов богословия и соприкосновенных наук; факультативы по чтению и анализу источников, организуемые преподавателями. Так, в 1898 г. по инициативе ректора МДА епископа Арсения (Стадницкого) и с благословения митрополита Владимира (Богоявленского) была организована студенческая просветительская деятельность в МДА: собеседования с народом после воскресных и праздничных богослужений в академическом храме, народные чтения религиозно-нравственного содержания со студенческим пением духовных и патриотических песен, церковно-исторические и литературно-нравоучительные чтения для детей. В народных чтениях принимало участие более 70 студентов, на внебогослужебных беседах бывало до 1 200 человек, что для Сергиева Посада было немало. С 1899 г. при МДА активно действовала детская церковно-приходская школа, в которой преподавали выпускники МДА и студенты старших курсов, а законоучителями были студенты в священном сане. С 1900 г. по инициативе ректора епископа Арсения (Стадницкого) была открыта и воскресная школа для взрослых, через два года соответствующая по программам одноклассной и двухклассной церковно-приходским школам⁴²³. В 1907 г. в МДА было создано Пастырско-просветительское братство, в котором нашли место все церковно-практические начинания студентов, выработанные в 1890–1900-х гг. Братство имело в своем составе: Проповеднический, Попечительный, Издательский отделы,

⁴²¹ См.: Виноградов В. П. Уставные чтения. Историко-гомилетическое исследование. Вып. 1: Уставная регламентация чтений в Греческой Церкви. Сергиев Посад, 1914 и др.

⁴²² Глаголев С. С. Сверхъестественное откровение и естественное богопознание вне истинной Церкви. Харьков, 1900; Введенский А. И. Религиозное сознание язычества. Т. I: Основные вопросы философской истории естественных религий (Prolegomena). Религии Индии. М., 1902; Буткевич Т., прот. Религия, ее сущность и происхождение. Кн. 1. Харьков, 1902; Боголюбов Н., прот. Философия религии. Киев, 1915 и др.

⁴²³ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 190. Л. 9–60 об.; Евдоким, еп. Доброе прошлое Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1915. С. 31–44.

Отдел по организации народных чтений, бесплатная библиотека для жителей Посада, приют-школа для бедных детей⁴²⁴.

Второе направление выразилось в МДА в организации в 1899 г. Философского кружка, вскоре переименованного в Общество: мысль о его создании родилась у студентов и нашла поддержку и. д. доцента психологии П. П. Соколова и и. д. доцента по кафедре истории философии П. В. Тихомирова⁴²⁵. В начале 1907 г. по инициативе студентов 4-го курса и с согласия и. д. доцента по кафедре русского и церковно-славянского языков и истории русской литературы Н. Л. Туницкого был учрежден Литературный кружок⁴²⁶.

Наконец, в МДА был пример и третьей формы кружковых занятий — факультатива. В 1904 г. профессор МДА П. В. Тихомиров попытался вести регулярные занятия по философии, взяв за пример семинары европейских университетов. Он сформулировал и обоснование своей инициативы: «Сознание пользы этого дела [практических занятий — Н. С.] и наблюдение тех завидных результатов, какие оно дает у немецких профессоров, преисполнило меня желанием и решительностью завести и при своей кафедре такое же чтение и обсуждение философских отрывков... Впоследствии по указаниям опыта можно будет это дело и расширить как по количеству читаемого материала, так и по составу участников»⁴²⁷.

Кружковая деятельность студентов неоднозначно оценивалась членами корпорации. Так, руководители Философского студенческого кружка — и. д. доцента П. П. Соколов и П. В. Тихомиров — считали деятельность его значительным подспорьем учебному процессу. Другие члены корпорации критиковали кружок за ненужное возбуждение молодых умов и препятствие планомерным и традиционным самостоятельным занятиям студентов. Ректор академии епископ Арсений (Стадницкий), регулярно участвуя в заседаниях, занимал взвешенную позицию. С одной стороны, он считал практические занятия делом жизненным и отвечающим «потребностям той среды, среди которой оно возникло», ибо высшая духовная школа не приучает студентов «к самостоятельному мышлению», заставляет «жить чужим умом», не способствует «выработке истинного мирозерцания». С другой стороны, он опасался, что неопытность руководителей задаст неправильный подход к обсуждению важных вопросов, разжигая «и без того излишнее самомнение молодежи», что может принести вред⁴²⁸.

⁴²⁴ См.: *Евдоким, еп.* Доброе прошлое Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1915. С. 294–298; *Голубцов С. А., протодиак.* Московская Духовная Академия в эпоху революций. М., 1999. С. 133–138. Кроме того: Христианин. 1907. № 1. С. 215–219; РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 190. Л. 9–60 об., 65–66; ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 611, 834, 890, 965 и др.

⁴²⁵ Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. 1880–1901. Т. 1 / Предисл.: свящ. Г. Ореханов, О. Н. Ефремова, Н. Ю. Сухова, О. Н. Хайлова; Прим. и биогр. свед.: О. Н. Ефремова, Г. И. Кропоткин, Н. В. Сомин, Н. Ю. Сухова, О. Н. Хайлова. М., 2006. С. 361–363, 368. Оригинал: ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 511. Л. 66–67, 69 об.

⁴²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 190. Л. 65–66.

⁴²⁷ ЖЗС МДА за 1904 г. Сергиев Посад, 1904. С. 349.

⁴²⁸ Митрополит Арсений (Стадницкий). Дневник. 1880–1901. Т. 1. С. 361–363. Оригинал: ГАРФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 511. Л. 66–67.

* * *

Значительным событием в истории МДА стало празднование 100-летия ее деятельности в Троице-Сергиевой Лавре. При подготовке к этому событию было разработано несколько издательских проектов, причем участие в этом приняли не только члены преподавательской корпорации, но и выпускники Академии. В Москве была учреждена специальная юбилейная комиссия бывших выпускников МДА. Был начат сбор материалов по выпускникам всего 100-летнего периода, дневников, воспоминаний, писем. Результатом явилось издание сборника исторических материалов «У Троицы в Академии», памятного сборника памяти почивших наставников, 2-х томного сборника трудов членов корпорации⁴²⁹. Кроме того, исторические материалы были опубликованы в двух номерах «Богословского вестника», посвящены юбилею⁴³⁰. Но сам юбилей праздновался скромно: торжественное официальное празднование было отменено ввиду военного времени, было только церковное празднование Покрова Божией Матери, а 29–30 сентября были отслужены традиционные поминальные Всенощная и Литургия с поминовением всех в Академии начальствовавших, учивших и учившихся. На сам день юбилея праздничную Литургию служил епископ Чистопольский Анатолий (Грисюк), бывший инспектор МДА, и ректор епископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), многочисленное духовенство из числа преподавателей, выпускников и студентов. Это был последний значительный праздник в жизни Академии.

Вскоре после известных событий февраля 1917 г. по предложению обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова Учебный комитет при Синоде составил и предложил ввести Временные правила для Духовных Академий⁴³¹. Они практически повторяли таковые, вводимые в 1905 г., и содержали так называемые «принципы автономии»⁴³². Совет МДА дал согласие на введение Временных правил, несмотря на неоднозначное отношение к ним членов корпорации. Определением от 5–6 мая правила были утверждены Святейшим Синодом⁴³³. Одновременно с этим в Петрограде была созвана Комиссия выборных представителей от Советов духовных академий для разработки Временного и нового Нормального академических Уставов. От МДА в эту Комиссию вошли И. В. Попов, М. М. Тареев, Н. Л. Туницкий, причем И. В. Попов был явным лидером всего собрания, принял на себя все делопроизводство, составление объяснительной

⁴²⁹ У Троицы в Академии. 1814–1914. Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914; Памяти почивших наставников. Издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню ее столетнего юбилея (1814 — 1 октября — 1914). Сергиев Посад, 1914; Сборник статей, принадлежащих бывшим и настоящим членам академической корпорации. В память столетия Императорской Московской Духовной Академии (1814–1914): В 2 ч. Сергиев Посад, 1915.

⁴³⁰ БВ. 1914. № 10/11; 1915. № 10/11/12.

⁴³¹ К этому времени председателем Учебного комитета стал протоиерей Константин Агеев.

⁴³² Новыми по сравнению с 1905 г. были два положения: отмену примечания к § 65 действующего Устава Духовных Академий 1911 г. о включении в состав академического Совета не менее половины членов в священном сане и выборность Советом редакторов издаваемых при академиях журналов, а также предложения депутатов Государственной думы о разрешении приема в академии семинаристов-второразрядников и отмене вступительных экзаменов.

⁴³³ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 78. Л. 8, 3–6.

записки к Уставам с обоснованием основных идей⁴³⁴. Составленный Временный Устав был введен в жизнь 21 июля 1917 г., а проект Нормального Устава предполагалось обсуждать на грядущем церковном Священном Соборе.

В МДА радикальные изменения начались уже при Временном правительстве. Обер-прокурор Святейшего Синода В. Н. Львов 13 марта 1917 г. направил для ревизии Академии комиссию во главе с профессором ПгДА Б. В. Титлиновым. Комиссия обвинила ректора епископа Волоколамского Феодора (Поздеевского), в неправомерных действиях, не назвав их конкретно, и на этом основании Святейший Синод по указанию Львова уволил епископа Феодора с поста ректора и назначил его настоятелем Даниловского монастыря. Временное исполнение обязанностей ректора возложено было на инспектора академии архимандрита Илариона (Троицкого). Одновременно смещен был и редактор академического органа «Богословский вестник» священник Павел Флоренский, его заменил профессор М. М. Тареев. После начала 1917/18 учебного года, новым ректором избрали профессора по кафедре истории и обличения западных исповеданий А. П. Орлова, который через месяц был рукоположен и возведен в сан протоиерея.

Некоторым отголоском этих событий был съезд ученого монашества, прошедший в Троице-Сергиевой Лавре 7–14 июля 1917 г.⁴³⁵ Хотя председательствовал на съезде архиепископ Московский Тихон (Беллавин), реально деятельность съезда возглавил бывший ректор МДА епископ Феодор (Поздеевский). Одним из предложений, выдвинутых преосвященным Феодором, было устройство особой монашеской Академии, причем на базе действовавшей МДА. Интересно, про оппонировавшая этому проекту часть монашеского съезда возглавлялась и. д. ректора МДА архимандритом Иларионом (Троицким), который видел опасность обособления «монашеской» богословской науки, особенно в современном состоянии, когда «ученое монашество... не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения»⁴³⁶. Однако съезд поручил епископу Феодору и инспектору КазДА архимандриту Гурию (Степанову) разработать проект Высшей церковной богословской школы с монашеским направлением для рассмотрения его на грядущем Церковном Соборе.

Наконец, 15 августа на Успение Божией Матери открылся Священный Собор Православной Российской Церкви. В Отделе о Духовных Академиях работали представители МДА: инспектор Академии архимандрит Иларион (Троицкий), профессора И. В. Попов, С. С. Глаголев, Ф. М. Россейкин, И. М. Громогласов, Ф. И. Мищенко, протоирей Дмитрий Рождественский. Кроме того, в работе Отдела участвовал выпускник МДА протоирей Николай Боголюбов, во время проведения Собора профессор богословия Киевского университета. Одним из главных действующих лиц Отдела о Духовных Академиях стал профессор И. В.

⁴³⁴ Протоколы заседаний профессорской Комиссии 1917 г.: РГИА. Ф. 797. Оп. 86. Д. 91.

⁴³⁵ ВЦОВ. 1917. № 68, 70–76, 80; БВ. 1917. № 6–7. С. 143–144. Материалы съезда: Всероссийский съезд ученого монашества (7–14 июля 1917 г.) М., 1917.

⁴³⁶ Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 76. С. 3. Ср.: БВ. 1917. № 6–7. С. 143–144.

Попов: официально он был избран заместителем председателя этого Отдела⁴³⁷ и вел все делопроизводство⁴³⁸, вносил редакционные изменения в принятые Отделом документы в соответствии с новыми положениями, появившимися в период работы Священного Собора. Вместе с председателем Отдела протоиереем Александром Рождественским И. В. Попов представлял на пленарном заседании в конце второй сессии Собора выработанные Отделом основные начала преобразования Духовных Академий⁴³⁹.

В течение работы Собора из Академий поступали дополнительные записки и комментарии на принимаемые Отделом документы, причем наиболее активно, по близости к Собору, вела себя МДА. Так, особая комиссия при Совете МДА составила предложения по введению новых кафедр, приват-доцентуре, системе практических занятий⁴⁴⁰, а профессор С. С. Глаголев составил личную записку с предложением об изменении системы экзаменов⁴⁴¹.

Кроме проекта Нормального Устава, на заседаниях Отдела о Духовных Академиях обсуждался проект Высшей Церковно-богословской школы, составленный епископом Феодором и архимандритом Гурием.

Главным результатом всей деятельности Отдела о Духовных Академиях стал проект Нормального Устава — венец развития высшей духовной школы за синодальную эпоху. Главным принципом его концепции было сочетание полноты базового (общеобязательного) курса и специализации на старших курсах по пяти основным богословским направлениям: библейскому, богословско-философскому, церковно-историческому, богословско-словесному, церковно-практическому. В формировании общеобязательного курса также были положены определенные принципы. В него были включены: 1) науки, изучающие общие источники богословского знания (Священное Писание Ветхого и Нового Завета и патрология); 2) богословский минимум (основное богословие, догматическое богословие, христианская этика, общее учение о праве и государстве, церковное право, история Древней Церкви, история Греко-Восточной Церкви, история Русской Церкви, сравнительное богословие, литургика); 3) предметы, дающие необходимые орудия богословского исследования (история философии, психология, еврейский, греческий и латинский языки); 4) педагогика.

На пленарных заседаниях Собора этот проект обсудить не успели, и он был передан на разрешение Высшего Церковного Управления — для введения по мере возможности⁴⁴². Так как после 1918 г. система традиционного духовного образования в полноте своей уже не существовала, возможности ввести новый Устав уже не было, и он остался в наследство российской духовной школе.

⁴³⁷ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 380. Л. 24.

⁴³⁸ Там же. Д. 381. Л. 251–262.

⁴³⁹ Текст доклада Отдела о Духовных Академиях «Об основных началах преобразования Духовных Академий», составленный Отделом на заседаниях первой сессии Собора, был отредактирован И. В. Поповым (ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 1–5 (рук.); 6–7 об. (печ.); текст предисловия был также составлен И. В. Поповым (Там же. Д. 380. Л. 35–36).

⁴⁴⁰ Там же. Д. 381. Л. 130–132 об.

⁴⁴¹ Там же. Л. 132 а — 132 б об.

⁴⁴² ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 79–80 об.

Итогом деятельности дореволюционной высшей духовной школы и жизненным кредом ее деятелей можно считать и слова профессора МДА И. В. Попова, высказанные им в Объяснительной записке к Нормальному Уставу: «служить Церкви строгою, стоящей на уровне века богословской наукой так же высоко и плодотворно, как и служить в сане пастыря»⁴⁴³.

Московская духовная академия после 1917 г.

Если в февральских революционных событиях часть преподавателей и студентов духовных академий увидели перспективы для решения некоторых наиболее важных вопросов, то переворот октября 1917 г. явился несомненной катастрофой для духовного образования в России, для МДА — в том числе. Уже декрет Совнаркома от 23 января 1918 г. «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» наносил удар по академиям: «Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается»⁴⁴⁴. Церковным и религиозным обществам запрещалось владеть собственностью, поэтому духовные школы, существовавшие на средства Святейшего Синода, практически теряли финансовую основу. Специальные же богословские школы могли создаваться только заново, без предоставления им денежных средств и без права пользоваться учебными помещениями прежних академий, семинарий и духовных училищ, которые подлежали конфискации. Однако начальствующие и учащие духовных академий, в том числе, Московской, предпринимали попытки в той или иной форме сохранить православное высшее духовное образование.

Тем временем в Москве предпринимались попытки учредить высшие богословские школы иного типа, не ставившие перед собой непосредственно задач подготовки священнических и научно-богословских кадров. 21 мая 1918 г. Московский епархиальный совет Союза духовенства и мирян по предложению профессора МДА В. П. Виноградова, испросив благословение Святейшего Патриарха Тихона, постановил открыть Православную народную академию богословских наук. Ректором ее стал председатель Союза профессор богословия Московского университета протоиерей Н. И. Боголюбовский. Православная народная академия создавалась «для более глубокого и сознательного усвоения христианского мировоззрения и взаимопонимания между всеми слоями церковного народа»⁴⁴⁵. Целью ее была подготовка всех членов Церкви к работе в приходских и епархиальных учреждениях. Предполагалось, что эта академия будет готовить и к пастырскому служению — тех, кто чувствует к этому призвание, — а также совершенствовать в богословских знаниях лиц священного сана. Народная академия должна была состоять из трех отделений: общедоступных богословских

⁴⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 381. Л. 251–262.

⁴⁴⁴ «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР. М.: Изд-во Народного комиссариата юстиции. 1918. № 72. Ст. № 789).

⁴⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 2. Д. 21. Л. 1–5.

курсов для всех желающих, высших богословских курсов для лиц, имеющих среднее и высшее образование или прослушавших курс первого отделения, и пастырские курсы. Два первых отделения должны были принимать как мужчин, так и женщин. В качестве преподавателей собирались привлечь главным образом профессоров МДА, в том числе, и ее последнего ректора протоиерея Анатолия Орлова. Но проект этот осуществить удалось лишь отчасти, и действовала Православная народная академия богословских наук очень недолго.

Уже к концу 1917 г. в Сергиевом Посаде создалась чрезвычайно сложная обстановка: часть академических зданий была занята Военно-Техническим управлением и Электротехнической школой, и Академия лишилась общежития и части библиотечных помещений. Кроме того, возникли перебои с денежным пособием и снабжением. Однако, несмотря на сложную обстановку, Академия продолжала учебный процесс в части своих корпусов вплоть до лета 1919 г. Летом 1918 г. на переводные и выпускные экзамены (устроенные с 31 июня по 4 августа 1918 г.) многие студенты не смогли явиться ввиду сложности передвижений, прислав семестровые и выпускные кандидатские сочинения по почте. Тем не менее, в собрании 20 (7) августа 1918 г. Совет Академии удостоил 20 выпускников LXXIII курса степени кандидатов богословия, 9 — звания действительных студентов, 2 оставил на 4 курс повторно. Студентов 3, 2 и 1 курсов «ввиду исключительно тяжелых политических и бытовых условий переживаемого времени» было решено перевести на следующие курсы без экзаменов, с условием их последующей сдачи в течение 1918/19 уч. г. На второй год на тех же курсах было оставлено 38 студентов и 8 не явившихся в течение всего года были исключены из Академии⁴⁴⁶. Этим же летом 1918 г. МДА последний раз приняла абитуриентов в Троице-Сергиевой Лавре.

1918/19 уч. г. был для Академии чрезвычайно сложным. «Из зданий нас постепенно вытесняют, а денег на содержание Академии у Церкви нет», — с горечью писал в феврале 1919 г. профессор И. В. Попов петербургскому коллеге Н. Н. Глубоковскому⁴⁴⁷. 3 мая профессор С. С. Глаголев сообщил тому же адресату, что арестован архимандрит Иларион (Троицкий): несмотря на то, что никаких конкретных обвинений архимандриту Илариону не предъявлено, он помещен в Бутырскую тюрьму и «скоро выпускать его не собираются»⁴⁴⁸. Кроме того, академический Покровский храм был запечатан, академические службы перенесли было в надвратную церковь св. Иоанна Предтечи, но там было тесно и холодно, поэтому перешли в трапезный храм преподобного Сергия⁴⁴⁹.

Московская Духовная Академия пребывала под кровом обители Преподобного Сергия в учебных и ученых трудах вплоть до 1919 г. Однако ситуация в стране обострялась, оторванность Академии от Москвы делала ее затруднения непреодолимыми, и Совет Академии, с благословения и утверждения высшей власти, с осени 1919 г. перенес академические занятия в Москву. Приход, связанный с академическим храмом, после скорого закрытия Лавры был переведен

⁴⁴⁶ Отчет о состоянии МДА в 1917/18 уч. г. // БВ. 1918. № 6–9. Прил. С. 1–19.

⁴⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 715. Л. 15.

⁴⁴⁸ Там же. Д. 397. Л. 25.

⁴⁴⁹ Там же.

в Пятницкую, затем Введенскую церкви около Лавры, в помещении же Покровского храма разместился городской клуб.

Таким образом, завершился первый «Троице-Сергиевский период» в истории МДА и, несмотря на его печальный конец можно было подвести итоги. С 1814 по 1919 г. в МДА успели пройти полную четырехлетнюю академическую программу 74 курса. Еще три курса — наборы 1916, 1917, 1918 гг. — по возможности заканчивали Академию уже в Москве, а последние три набора — 1919, 1920 и 1921 гг. — получили лишь возможность ускоренного обучения от 1 года до 3 лет в сложных условиях того времени. На основании введенных 24–27 марта 1917 г. Временных правил в состав студентов Академии зачислялись без поверочных испытаний воспитанники духовных семинарий 1 и 2 разрядов и закончившие курс в высших светских учебных заведениях. Принимались и окончившие 4 класса семинарии и выпускники средних учебных заведений, но с обязательством выдержать необходимые экзамены в течение первого академического курса⁴⁵⁰.

Для организации учебных занятий в Москве и решения текущих академических дел Совет избрал Исполнительную комиссию во главе с ректором протоиереем Анатолием Орловым⁴⁵¹. К началу 1919/20 уч. г. академическая корпорация была представлена еще довольно полно: ректор, проректор, 9 ординарных и 14 экстраординарных профессоров, 1 доцент, 1 и. д. доцента и 1 лектор⁴⁵².

Занятия 1919/20 уч. г. начались торжественным молебном, отслуженным 27 сентября (10 октября) в Князь-Владимирской церкви Епархиального дома Святейшим Патриархом Тихоном. Академические занятия проходили до ноября 1919 г. в помещении Усачевской биржевой артели на Мясницкой (№ 8), с ноября — в новом помещении той же артели в Спасо-Глинищевском пер. (№ 4). Весной 1920 г. Академия ненадолго переместилась в Московский епархиальный дом в Лиховом пер., но оттуда пришлось выехать. В 1920/21 уч. г. занятия продолжились с октября в храме св. Иоанна Воина на Божедомке, а с 1 января — в храме Святой Троицы на Листах. Учебный год 1921/22 удалось начать 2 (15) августа в помещениях Высоко-Петровского монастыря.

С середины 1919/20 уч. г. Академия перешла на занятия по предметной системе, то есть, лекции по определенным предметам читали слушателям всех курсов. Однако наборы на новые академические курсы продолжались. На этих условиях в состав студентов МДА были зачислены: осенью 1919 г. — 50 человек (46 студентов и 4 вольнослушателя), 1920 г. — 30 человек (25 студентов и 5 вольнослушателей), 1921 г. — 78 человек (65 студентов и 13 вольнослушателей)⁴⁵³.

После 1922 г. о существовании Московской Академии сохранились лишь отдельные сведения, чаще всего, — мемуарные или косвенные. 8 апреля 1922 г. ректор Академии протоиерей Анатолий Орлов был арестован, его преемником

⁴⁵⁰ Временные правила для Православных Духовных Академий. § 16.

⁴⁵¹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 3. Д. 394.

⁴⁵² Отчет о состоянии МДА за 1919/20 и 1920/21 уч. г. // Вестник Русского христианского движения. 1986. № 147. С. 196–205.

⁴⁵³ Отчет о состоянии... В степени кандидата богословия Советом Академии были утверждены: в 1919/20 уч. г. — 4 студента, в 1920/21 уч. г. — 8 студентов, окончивших полный академический курс (там же).

стал протоиерей Владимир Страхов. Некоторые преподаватели в светском звании устроились на различные должности в государственные культурные и образовательные учреждения, тем не менее, отдельные профессора, жившие как в Москве, так и в Сергиевом Посаде, продолжали занятия в частном порядке, студенты готовили к защите курсовые сочинения, по крайней мере, до 1924 г. Имеются сведения об избрании ректором МДА после протоиерея Анатолия Орлова «не позднее 1924 г.» профессора-протоиерея Владимира Страхова. Так, 8 сентября 1924 г. профессор академии священник Павел Флоренский в письме Патриарху Тихону просил об отставке и выдаче документов из-за конфликта с «ректором протоиереем В. Н. Страховым». Правда, о Павел уже называет академию «бывшей». В личных источниках сохранились сведения о рецензировании о. Павлом Флоренским кандидатских работ студентов МДА в 1924 и даже в 1926 гг.⁴⁵⁴

Жившие в Посаде профессора во главе с С. С. Глаголевым организовали Институт народного образования, но продержались там недолго. Многие ушли на приходы, приняв священный сан.

Существует мнение, что деятельность Академии продолжалась вплоть до 1928 г.⁴⁵⁵ Лекции для желающих получить высшее богословское образование читались в Московском епархиальном управлении и в Высоко-Петровском монастыре, настоятель которого епископ Сергиевский Варфоломей (Ремов) и возглавил полулегально существовавшую школу. В преподавательскую корпорацию также входили епископы Иларион (Троицкий), пока он был на свободе, и протоиерей Василий Виноградов. На содержание школы собирались пожертвования в московских храмах. Преосвященный Варфоломей (Ремов), уже в сане архиепископа, был расстрелян в 1936 г., репрессиям подверглись и другие лица, преподававшие и учившиеся в этой богословской школе.

В отчете о состоянии МДА в 1916/17 уч. г. в списке корпорации 43 члена: преподаватели, профессорские стипендиаты и служащие по вольному найму⁴⁵⁶. Из них в послереволюционные годы репрессиям подверглись 19 человек. При этом архиепископ Феодор, протоиерей Павел Флоренский, протоиерей Владимир Страхов, протоиерей Илья Громогласов, протоиерей Анатолий Орлов, протоиерей Иоанн Смирнов, протоиерей Александр Туберовский, протоиерей Димитрий Лебедев, И. В. Попов, С. С. Глаголев, помощник секретаря Совета и Правления Федор Делекторский (епископ Никита), а также профессорский стипендиат Евгений Кобранов (епископ Евгений) были расстреляны; архимандрит (архиепископ) Иларион, Н. Д. Кузнецов, Н. И. Серебрянский скончались в узах. Несколько членов корпорации МДА оказались «в рассеянии», пополнив ряды иерархии Русской Православной Церкви За рубежом. Подверглись репрессиям и

⁴⁵⁴ См.: Андроник (Трубачев), игум. Священник Павел Флоренский — профессор МДА // Богословские труды. Юбилейный сборник: МДА — 300 лет (1685–1985). М., 1986. С. 226–246.

⁴⁵⁵ Сорокин В., прот., Бовкало А. А., Галкин А. К. Духовное образование в Русской Православной Церкви при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Тихоне (1917–1925) // Христианское чтение. № 2 (1990), 3 (1991), 7 (1992), 8 (1993).

⁴⁵⁶ См.: Отчет о состоянии МДА в 1916/17 уч. г. С. 7.

многие выпускники Академии, значительная часть которых именно в годы гонений приняли священный сан, стали архиереями⁴⁵⁷.

4. Московская духовная академия в новейшее время

Возрождение Московских духовных школ (1946–1988 гг.)

В годы Великой Отечественной войны позиция Советского государства по вопросу духовного образования изменилась. С одной стороны, Церковь и члены корпорации МДА верующие, проявившие себя как истинные патриоты Отечества, перестали рассматриваться в качестве противников. С другой стороны, стало ясно, что Церковь является очень значимой реалией русской жизни, уничтожить ее невозможно, и разумнее взять ее под контроль государства.

Возрождение духовного образования в России началось после знаменитой встречи трех митрополитов — Сергия (Страгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича) — с И. В. Сталиным 5 сентября 1943 г. В числе прочих вопросов на этой встрече обсуждался вопрос об открытии в Москве богословских школ. Митрополиты просили открыть богословские курсы в нескольких епархиях. Как потом писал участник встречи председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г. Г. Карпов, «Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно»⁴⁵⁸. Курсы явно казались Сталину слишком несерьезной формой образования. Однако митрополит Сергей возразил, аргументируя отказ тем, что для открытия духовных академий у них еще очень мало сил, «у молодежи не сформировалось нужное мировоззрение для такого образования», принимать же в семинарии лиц моложе 18 лет они считают неподходящим ко времени и по прошлому опыту, ибо пока у человека не сложилось определенное мировоззрение, готовить его в качестве пастыря опасно⁴⁵⁹. Кроме того, отказ митрополитов от традиционных форм духовного образования был обусловлен, возможно, осторожностью: советчики Сталина могли, ссылаясь на чрезмерные аппетиты архиереев, отговорить его от этого шага навстречу Церкви. В результате было принято решение об учреждении Богословского института и богословско-пастырских курсов. Патриарх Сергей⁴⁶⁰ поручил подготовку «Положения» и проектов учебных программ архиепископу

⁴⁵⁷ См.: Голубцов С., протодиак. Профессура МДА в сетях Гулага и ЧеКа. М., 1999; Он же. Стратилаты академические: Ратоборцы за Церковь в корпорации Московской Духовной Академии первой половины XX века. Жизнь, труды и крестный путь: По материалам архивов и публикаций. Обзор и исследование. М., 1999; Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним: В 7 кн. Тверь: Изд-во «Булат», 1992–2003; Электронная база ПСТГУ «Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в.» (http://213.171.53.29/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/charset/ans?notextdecor).

⁴⁵⁸ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–10.

⁴⁵⁹ Там же.

⁴⁶⁰ Митрополит Сергей (Страгородский) стал Патриархом 8 сентября 1943 г.

Саратовскому Григорию (Чукову), имевшему большой опыт работы в духовных учебных заведениях и — что было в данном случае особенно важно — бывшему ректором последних богословских учебных заведений 1920-х гг., Богословского института и Высших богословских курсов в Петрограде/Ленинграде⁴⁶¹. В октябре 1943 г. Патриарх Сергей представил в Совет по делам Русской Православной Церкви проект Положения о Богословском институте и богословско-пастырских курсах и учебную программу, разработанную архиепископом Григорием и в целом Совет одобрил эти документы.

Во второй половине октября 1943 г. Священный Синод опубликовал решение о создании Православного Богословского института в Москве и богословско-пастырских курсов по епархиям⁴⁶². Тогда же были опубликованы ученые программы новых богословских школ, составленные архиепископом Григорием, который стал первым председателем Учебного комитета при Священном Синоде. Предполагалось, что состав предметов на богословско-пастырских курсах в целом должен соответствовать программам бывших духовных семинарий, а в Православном богословском институте — программам бывших духовных академий со включением и некоторых новых предметов, предлагаемых в проектах 1917–1918 гг. (агиологии, истории русской религиозной мысли, аскетике, истории религии). Весь характер преподавания должен был иметь более практический уклон. Таким образом, в Богословском институте должны были изучаться: Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, патристика; история христианской Церкви вселенской и русской с агиологией и историей русской религиозной мысли; введение в круг богословских наук; богословие догматическое, нравственное с аскетикой, сравнительное и пастырское; история религии с христианской апологетикой; история и разбор русского сектантства и раскола; каноническое право и Конституция СССР; литургика с историей христианского искусства; церковное проповедничество и научение истинам веры; христианская гимнология: чтение богослужебных книг на церковно-славянском языке и церковное пение. Древние языки должны были изучаться в объеме чтения греческого текста Священного Писания и сочинений Святых отцов Церкви на греческом и латинском языках; древне-еврейский язык — в объеме чтения избранных мест Библии. Изучение современных языков должно было ориентироваться на чтение иностранной богословской, апологетической и полемической литературы (католической, протестантской, англиканской). На Богословско-пастырских курсах должны были преподаваться: библейская история; чтение и объяснение избранных мест из Священного Писания Ветхого и Нового

⁴⁶¹ С 3 февраля 1911 по 1918 г. протоирей Николай (Чуков) занимал должность ректора Олонецкой ДС. До мая 1923 г. он был ректором Петроградского Богословского института; с апреля 1924 г. заведовал богословскими курсами Центрального городского района Ленинграда и являлся членом комиссии по выработке Положения о Высших богословских курсах; с сентября 1925 г. по июль 1928 г. был ректором Высших богословских курсов в Ленинграде. 13 октября 1942 протоирей Николай Чуков был пострижен в монашество, на следующий день хиротонисан во епископа. Подробнее о деятельности протоиерея Николая в должности ректора петроградских/ленинградских богословских школ см.: *Сорокин В., прот.* Исповедник: Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005.

⁴⁶² Журнал Московской Патриархии (далее: ЖМП). 1943. № 3. С. 12.

Завета; православный катехизис и православное веро- и нравоучение; история христианской Церкви — общая и русская; христианская апологетика; сектоведение и расколоведение; практическое руководство для пастырей Церкви; Конституция СССР; литургика; церковное проповедничество; церковно-славянский язык; церковное пение с регентованием⁴⁶³.

29 октября вопрос о духовных школах обсуждался на встрече Патриарха Сергия с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карповым. В результате было решено ограничить количество мест для 1-го курса института в Москве 30-ю, а для 1-го года обучения на богословско-пастырских курсах — 25-ю. Обучаться на курсах и в институте могли лица православного вероисповедания из верующих мирян мужского пола не моложе 18 лет, приниматься они должны были по заявлениям и последующему отбору. Духовенство в эти учебные заведения также могло быть принимаемо, хотя не предполагалось, что такие желающие будут. Карпов считал необходимым дополнить программу обучения 1-го года в институте и на курсах кафедрой по изучению Конституции СССР и соответствующих руководящих указаний, относящихся к деятельности Русской Православной Церкви. Была снижена площадь помещений, предполагаемая Патриархом на богословские школы, общежитие и квартиры для администрации и служащих с 2 тысяч кв. м. до 1–1,5 тысяч кв. м., причем организация общежития была разрешена только для иногородних и прибывающих из области студентов и слушателей⁴⁶⁴. В ноябре этого же года Совнарком принял постановление «об открытии в г. Москве Православного Богословского института и богословско-пастырских курсов»⁴⁶⁵. И в декабрьском номере Журнала Московской Патриархии было помещено объявление о наборе в Православный богословский институт: «лиц с высшим и средним образованием, не моложе 18 лет, с удостоверением от епархиального архиерея или кого-либо из пастырей той епархии, в которой проживает проситель»⁴⁶⁶.

Патриарх предложил после предварительного осмотра зданий, ранее занимаемых бывшими духовными учебными заведениями, выяснить возможность их получения в распоряжение Патриархии. В качестве возможного помещения института рассматривались здания бывших женских епархиальных училищ в Харитоновском переулке и на Ордынке, а также бывший Новодевичий монастырь. Наиболее удобным вариантом оказался Новодевичий монастырь.

Очень непросто для открытия богословских школ оказался кадровый вопрос, причем в двух отношениях: с одной стороны, очень сложно было найти компетентных в богословии преподавателей, а также согласных преподавать в церковной школе хороших специалистов-гуманитариев, с другой, — согласовать решение в выборе того или иного лица от Совета по делам религий. Последнее касалось, прежде всего, начальствующих. Так, еще до открытия Православного

⁴⁶³ Григорий [Чуков], архиеп. Учреждение духовно-учебных заведений // Там же. С. 22–23.

⁴⁶⁴ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; *Одинцов М. И.* Власть и религия в годы войны. (Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.). М., 2005. С. 327; *Катаев А. М.* Духовные школы... С. 178.

⁴⁶⁵ ГА РФ Ф. 6991. Оп. 2. Д. 1. Л. 17; *Катаев А. М.* Духовные школы Русской Православной Церкви в 1943–1949 годах // Вестник церковной истории 2006. № 1. С. 178.

⁴⁶⁶ ЖМП. 1943. № 4. С. 2.

богословского института Совет по делам религий рекомендовал на должность проректора С. В. Савинского — выпускника КДА (1900), магистра богословия⁴⁶⁷, преподавателя и инспектора ДС. Но в 1925 г. он примкнул к обновленчеству, хотя священного сана не получал — возможно, он преподавал в обновленческой Богословской академии в Москве. 12 октября 1943 г. С. В. Савинский подал заявление о принятии его в качестве преподавателя в организуемый Богословский институт и после личной встречи с Патриархом Сергием 1 декабря Синод назначил его проректором института и заведующим пастырско-богословских курсов в Москве⁴⁶⁸. Возможно, «обновленческое» прошлое С. В. Савинского было причиной симпатии к нему со стороны Совета по делам религий. Однако, став первым руководителем возрождавшихся Московских духовных школ, С. В. Савинский понес основную нагрузку по организации учебного процесса, формированию профессорско-преподавательской корпорации, освобождению и переоборудованию переданных властями помещений в бывшем Новодевичьем монастыре.

14 июня 1944 г., в день Святого мученика Иустина Философа, в помещениях Новодевичьего монастыря состоялось торжественное открытие Богословского института и Пастырско-богословских курсов. Так как Святейший Патриарх Сергий скончался, не дожив месяца до этого события (†15.05.1944), торжество возглавил патриарший Местоблюститель митрополит Алексей (Симанский) при участии митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича), архиепископа Псковского Григория (Чукова), московских священнослужителей и первых преподавателей института и курсов во главе с проректором С. В. Савинским. Митрополит Алексей обратился к учащим и учащимся с назидательной речью: «Прежняя духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Добрая ей память, честь и слава. Из нее вышел целый сонм святителей, пастырей, ученых богословов, скромных, но трудолюбивых работников на всех поприщах церковной, государственной и общественной деятельности»⁴⁶⁹. Преосвященный Алексей отметил и положительное отличие открываемой духовной школы: ее несословность. Слабой стороной прежней духовной школы была ее двойственная задача: с одной стороны, предоставить возможность духовенству на льготных началах давать образование своим детям, с другой, — готовить священнослужителей. Так как не каждый сын священно- или церковнослужителя имел склонность к пастырскому служению, подневольные питомцы духовно-учебных заведений вносили в них чуждый дух, снижали тон церковной настроенности. Теперь же, обещал преосвященный Алексей, будет не так: так как сословий нет, поступать в наши духовно-учебные школы будут не подневольно, а следуя влечению своему послужить святой Церкви в священном сане. И весь строй этих школ должен быть строго церковным, без всякого уклонения в сторону мирского, светского уклада⁴⁷⁰.

⁴⁶⁷ В 1907 г. Совет КДА удостоил С. В. Савинского степени магистра за диссертацию «Эсхатологическая беседа Христа Спасителя (о последних судьбах мира) (Мф. 24: 1–51; Мк. 13: 1–37; Лк. 21: 5–36): Опыт исагогико-экзегетического исследования» (Киев, 1906).

⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 4. Л. 11; *Катаев А. М.* Духовные школы... С. 178–179.

⁴⁶⁹ ЖМП. 1944. № 7. С. 11.

⁴⁷⁰ Там же. С. 11–12.

Современники сравнивали возрождение Московских духовных школ 1944 г. с воскрешением евангельского Лазаря, «с той лишь разницей, что не четыре дня, а четверть века — с 1919 по 1944 гг. были они обвиты пеленами и погребены, как казалось советским властям, на веки вечные»⁴⁷¹.

Первым ректором института был назначен протоиерей Тихон Попов — выпускник дореволюционной КДА, магистр богословия⁴⁷². Он, как и С. В. Савинский, в 1922 г. уклонился в обновленческий раскол и стал одним из видных деятелей этого движения. В 1932 г. в брачном состоянии он был хиротонисан в обновленческого «епископа Орехово-Зуевского», в 1933 г. был назначен инспектором Московской обновленческой академии, а в 1938 г. стал обновленческим «митрополитом Московским». Однако в начале 1944 г. он принес покаяние, был принят в каноническое общение с Московской Патриархией в сане протоиерея⁴⁷³, и в этом же году был назначен ректором Богословского института. Протоиерей Тихон преподавал пастырское, основное и нравственное богословие и был настоятелем храма Успения Пресвятой Богородицы в Новодевичьем монастыре⁴⁷⁴.

К преподаванию в институте и на курсах еще до их открытия были приглашены немногие оставшиеся в живых наставники и питомцы прежних (до 1917 г.) Духовных Академий, что было чрезвычайно важно для сохранения традиции и живой преемственности. Так, на кафедру истории обличения раскола и сектантства был приглашен выпускник и кандидат богословия МДА (1894), известный миссионер протоиерей Димитрий Боголюбов. Выпускник и кандидат богословия КазДА (1907) Н. П. Доктусов начал преподавать логику, психологию и латинский язык, в дальнейшем он занял кафедру Священного Писания Нового Завета. Преподавание истории древней Церкви и патрологии было поручено Н. И. Муравьеву — выпускнику и кандидату богословия КДА (1915)⁴⁷⁵. Выпускник и кандидат богословия КазДА (1916)⁴⁷⁶ В. С. Вертоградов стал преподавателем Священного Писания Ветхого Завета в институте и сравнительного богословия на курсах⁴⁷⁷.

⁴⁷¹ Трофимчук М. Х. Академия у Троицы: Воспоминания о Московских духовных школах. Сергиев Посад, 2005.

⁴⁷² В 1907 г. Совет КДА удостоил о. Тихона степени магистра за диссертацию «Святитель Тихон и его произведения» (М., 1916).

⁴⁷³ ЖМП 1944. № 1. С. 3.

⁴⁷⁴ О научной деятельности протоиерея Тихона Попова известно немного, в частности, в июльском номере Журнала Московской Патриархии за 1945 г. была опубликована его статья «Лжегуманизм Ватикана» с критикой папы Римского за его обращения к жителям Лондона с увещанием простить немцев за причиненные ими разрушения.

⁴⁷⁵ Степень кандидата богословия была получена Н. И. Муравьевым за курсовое сочинение «Великие Четы-Минеи митрополита Макария Московского и всяя Руси, как церковно-исторический и литературный памятник».

⁴⁷⁶ Степень кандидата богословия была получена В. С. Вертоградовым за курсовое сочинение «Православная Церковь в Галиции в древнейший русский период (981–1340)».

⁴⁷⁷ См.: Седов В. Хочешь светить — гори!: (К 25-летию со дня кончины профессора МДА В. С. Вертоградова) // ЖМП. 1989. № 7. С. 21; Матюшин С., диак. Вертоградов Владимир Семенович, профессор МДА, церковный историк // ПЭ. Т. VIII. М., 2004. С. 20–21.

Были привлечены и церковные специалисты-гуманитарии, личными усилиями получившие богословские знания. Кафедру литургики занял А. И. Георгиевский — выпускник Государственного Института слова (1926), кандидат словесных наук, имевший и начальное духовное образование — Перервинское ДУ⁴⁷⁸. Первым инспектором института и пастырских курсов стал А. В. Ведерников — выпускник литературного отделения Государственного института слова; он преподавал историю русской религиозной мысли⁴⁷⁹.

Учебные аудитории института разместились в «лопухинском» корпусе и надвратной Преображенской церкви Новодевичьего монастыря. После встречи Патриарха Алексия, митрополита Николая и протоиерея Николая Колчицкого со Сталиным 10 апреля 1945 г., на которой Патриарх сообщил о желании «соорудить в Москве специальное здание или комплекс зданий для размещения в них всех учреждений Патриархии, обеих Московских духовных школ»⁴⁸⁰, распоряжением СНК СССР от 5 июля того же года институту и курсам был передан Успенский трапезный храм. Там устроили общежитие и аудитории Богословско-пастырских курсов. Тем не менее, помещений не хватало, первое время не было трапезной, и студенты пользовались услугами одной из городских столовых, находившихся близ Новодевичьего монастыря.

В первом 1944/45 уч. г. в Богословский институт принимали без всяких экзаменов, было зачислено 17 студентов непосредственно в институт, и 17 слушателей обучалось в первом учебном полугодии на курсах. При этом штат преподавателей состоял из 16 человек. Набор был очень пестрым: люди из самых разных социальных и возрастных групп и слоев, от семидесятилетнего старца до 18-летних мальчиков, только что окончивших школу и по тем или иным причинам не призванных в армию. Было несколько священников. После первого курса половину воспитанников отчислили, ибо они оказались либо нецерковными, либо неготовыми к серьезному образованию. Среди оставшихся были Анатолий Мельников, впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Антоний; Иван Сорокин, в будущем протоиерей и инспектор Одесской духовной семинарии; Петр Гнедич — из знаменитого рода Гнедичей, будущий протоиерей и профессор ЛДА; пожилые священники Валериан Николаев и Василий Скворцов (одному было на момент поступления 53, другому — 64 года), оба (последовательно) — будущие настоятели московского храма преподобного Пимена Великого (Троицы Живоначальной) в Новых Воротниках; А. В. Ушков, совмещавший студенческое положение с работой воспитателя или «назирателя». В дальнейшем нецерковных людей старались не брать.

Четырехлетний курс обучения в институте был построен таким образом, что по окончании 1-го и 2-го года обучения желающие могли быть рукоположены в сан священника для служения в сельских приходах; после окончания же 4-го года

⁴⁷⁸ См.: Заслуженный профессор МДА А. И. Георгиевский: Некролог // ЖМП. 1985. № 6. С. 24–26.

⁴⁷⁹ См.: *Полищук Е. С.* А. В. Ведерников: Некролог // ЖМП. 1993. № 6. С. 103–113; *Матюшин С., диак.* Ведерников Анатолий Васильевич, церковный публицист, журналист // ПЭ. Т. VII. М., 2003. С. 366–367.

⁴⁸⁰ См.: *Николай (Ярушевич), митр.* На приеме у И. В. Сталина // ЖМП. 1945. № 5. С. 24.

обучения учащиеся получали законченное высшее богословское образование со званием действительного студента. Пастырско-богословские курсы имели двухлетний курс обучения, в сферу их задач входило обучение псаломщиков и диаконов и подготовка учащихся для поступления на 1 курс Православного богословского института. Ректором курсов также стал протоиерей Тихон Попов.

Уже в следующем 1945/46 уч. г. для поступления в Богословский институт были введены обязательные экзамены: Священная история Ветхого и Нового Завета, катехизис, учение о Богослужении, краткая история Христианской Церкви, краткая история Русской Церкви, славянский язык и церковное пение. Эти экзамены не требовалось сдавать лицам, имеющим среднее и высшее образование, а также окончившим курс обучения на Пастырско-богословских курсах⁴⁸¹. В начале этого учебного года преподавательская корпорация пополнилась как выпускниками дореволюционных Духовных Академий, так и специалистами-гуманитариями. На кафедру Священного Писания Нового Завета пришел выпускник (1910) и магистр (1916) дореволюционной МДА протоиерей Вениамин Платонов, пытавшийся возродить в институте традиции духовно-академической библиистики⁴⁸². Гомилетику стал преподавать поступивший в корпорацию А. А. Ветелев — выпускник и кандидат богословия КазДА (1917)⁴⁸³, окончивший в дальнейшем севастопольский Высший социально-юридический институт (1921) и факультет русского языка и литературы Московского педагогического института (1929). В 1946 г. он стал священником, в дальнейшем преподавал, кроме гомилетики, патрологию, пастырское богословие, литургику, нравственное богословие, стал магистром (1949) и доктором (1967) богословия⁴⁸⁴. Стал членом корпорации и В. А. Сретенский — выпускник Московской ДС и историко-филологического факультета Московского университета. Он стал вести занятия по английскому языку, кроме того, ему поручили преподавание требуемого государственной властью предмета — Конституции СССР.

До восстановления Успенского храма богослужения Богословского института и Пастырско-богословских курсов совершались в надвратной Преображенской церкви, а с наступлением холодов учащиеся по воскресениям и праздникам ездили в Елоховский собор, где для них отводились специальные места. Но к декабрю 1945 г. Успенский храм был окончательно освобожден от склада, и под его сводами начались восстановительные работы, активное участие в которых принимали добровольцы из числа учащихся духовных школ. Так как инвентарь, утварь и ризница Успенского собора не сохранилась, удалось получить из филиала Государственного исторического музея иконостас XVII в. из закрытой московской церкви Живоначальной Троицы в Хохлах, москвичи жертвовали иконы

⁴⁸¹ ЖМП. 1945. № 4. С. 1.

⁴⁸² В 1916 г. Совет МДА удостоил о Вениамина степени магистра за диссертацию «Повествование Евангелия от Иоанна о прощении Господом Иисусом Христом жены-грешницы» (7: 53 – 8:11). Историко-текстологическое и критико-экзегетическое исследование» (Сергиев Посад, 1916).

⁴⁸³ Тема кандидатской диссертации А. А. Ветелева: «Н. И. Новиков: жизнь и мировоззрение».

⁴⁸⁴ См.: Профессор протоиерей Александр Ветелев: Некролог // ЖМП. 1976. № 10. С. 30–33; Матюшин С., диак. Ветелев Александр Андреевич, протоиерей // ПЭ. Т. VIII. М., 2004. С. 46.

и богослужебную утварь. Торжество освящения храма и первая после его возобновления Божественная Литургия были совершены Святейшим Патриархом Алексием в сослужении с представителями московского духовенства, преподавателями и студентами в священном сане 29 декабря 1945 г.⁴⁸⁵ Преображенский и Успенский храмы при Богословском институте стали первыми храмами, вновь открытыми в Москве в военные и первые послевоенные годы.

В конце 1945/46 уч. г. стало возможным открытие в Москве традиционных Академии и Семинарии. Постановлением Совета Министров СССР от 29 мая 1946 г. разрешалось открыть в Москве Духовную Академию, а его же распоряжением от 9 июля того же года — преобразовать Пастырско-богословские курсы в Духовную Семинарию с 4-годичным сроком обучения⁴⁸⁶. На заседании 26 августа Учебный комитет при Священном Синоде постановил преобразовать Православный богословский институт и Пастырско-богословские курсы в Московские Духовные Академию и Семинарию, каждую — с четырехлетним курсом обучения. При этом III и IV курсы института стали I и II курсами МДА, а Пастырско-богословские курсы и два первых курса института — Семинарией, которая сразу стала действовать в полном составе. Академия и Семинария были объединены под единой администрацией, и ректором МДАиС был назначен протоиерей Тихон Попов. Однако через два месяца он был вынужден оставить пост ректора, хотя в дальнейшем продолжал совершать богослужения и преподавать нравственное богословие⁴⁸⁷.

Продолжала пополняться преподавательская корпорация: к новому 1946/47 уч. г. в МДАиС пришли преподавать архимандрит Вениамин (Милов) — выпускник МДА (1920), кандидат богословия⁴⁸⁸, и профессор И. Н. Шабатин. Но, несмотря на благотворные изменения, с деятельностью Московских духовных школ все было, конечно, очень непросто. 14 ноября 1946 г. в Совете по делам Русской Православной Церкви состоялось заседание, посвященное духовным учебным заведениям. Председателем Совета Г. Г. Карповым было подчеркнuto, что следует внимательно «изучать состав слушателей: социальное происхождение, национальность, образование, откуда пришел, чем раньше занимался, почему пришел в духовное заведение, если коммунист — надо информировать ЦК... к преподавательскому составу надо подходить с большими требованиями, на каждого завести дело...». Были высказаны сомнения в законности присутствия в учебном плане МДА философских дисциплин: «истории религиозно-философской мысли, христианской психологии, основах психологии, метафизики и логики». Совет решил посоветоваться с Центральным Комитетом партии, и «если с их

⁴⁸⁵ Трофимчук М. Х. Академия у Троицы..

⁴⁸⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 123. Л. 332.

⁴⁸⁷ Катаев А. М. Духовные школы... С. 180; Трофимчук М. Х. Академия у Троицы... С. 25, 57–58.

⁴⁸⁸ Кандидатская работа иеромонаха Вениамина на тему «Преподобный Григорий Синаит. Его жизнь и учение» содержала критический анализ имевшихся переводов творений преподобного Григория, принадлежавших преподобному Паисию (Величковскому) и святителю Феофану (Говорову), систематизацию догматических, этических и аскетических идей преподобного, выстроенную в виде целостного мировоззрения; в приложении были даны новые переводы пяти книг творений преподобного Григория.

стороны будет предложение, что они исключат эти предметы из академического курса, мы не будем протестовать и удовлетворим их просьбу». Наконец, Карпов обратил внимание на библиотеки духовных школ: «все книги надо просмотреть, а не только по списку Главлита как антисоветские, может, надо в этих книгах заклеить, замазать краской, вырезать (портрет монарха, например)»⁴⁸⁹. После этого были исключены некоторые студенты, по тем или иным причинам не устраивающие Совет.

Ректором МДАиС с 23 октября 1946 г. был назначен протоиерей Николай Чепурин, исполнявший с 26 сентября обязанности инспектора. Протоиерей Николай был выпускником Харьковской ДС (1902), юридического факультета Киевского университета и биологического факультета Кембриджа (1911), миссионером, апологетом. В 1915–1917 гг. он учился вольнослушателем в ПГДА, а в 1919–1923, 1925–1927 гг. он участвовал в работе Петроградского богословского института, преподавал гомилетику и апологетическое богословие, исполнял проректорские обязанности, в 1927 г. получил степень магистра богословия⁴⁹⁰. В Москву протоиерей Николай — специально для служения в МДАиС — был вызван из Ташкента Святейшим Патриархом Алексием, знавшим о. Николая по служению в Петрограде и высоко ценившим его пастырский опыт и духовную настроенность, чистоту православных взглядов и глубокие и широкие познания. Он стал преподавать пастырское богословие и патрологию. При начальствовании о. Николая был устроен режим академической жизни и дисциплина — прежде всего, по посещению занятий. Осмотревшись в Москве и познакомившись с московским духовенством, о. Николай выпросил у каждого благочинного «налоговое самообложение» в пользу духовно-учебных заведений — и студентам стали платить стипендию. Пример в этом подал протоиерей Вениамин Платонов, являвшийся настоятелем храма Всех Святых на Соколе: от имени своего прихода он обратился с письменным заявлением к Святейшему Патриарху Алексию I о создании фонда стипендий для наиболее успевающих и нуждающихся студентов Академии и воспитанников Семинарии.

Однако в памяти студентов тех лет осталось, прежде всего, удивительное понимание протоиереем Николаем смысла пастырского служения и требований к пастырю: «Вас здесь научат многим наукам, по ним вы сдаете экзамены. Но есть одна, по которой вы сдадите экзамен однажды в жизни и навсегда, это — наука жертвовать собой». И еще: «Конечно, приспособляться можно, все приспособляется: и растения, и животный мир, и человек. Где-то можно слукавить, где-то смолчать, но настанет тот трагический момент, когда вы однажды зададите себе вопрос: «А что же я сам?» Любое нарушение своей внутренней цельности — это начало катастрофы»⁴⁹¹.

⁴⁸⁹ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 122. Л. 20–21.

⁴⁹⁰ Магистерская степень была присуждена за диссертацию «Анимистическая теория происхождения религии».

⁴⁹¹ *Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В.* Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима [Нечаева]. СПб., 2007. С. 208–213. Митрополит Питирим поступил в Богословский институт в 1945 г. и окончил МДА в 1951 г.

В январе 1947 г. Священным Синодом была образована при МДА Аттестационная комиссия, которая утвердила в профессорском звании преподавателей академии, имевших магистерские степени: протоиереев Тихона Попова, Вениамина Платонова, Димитрия Боголюбова, а также С. В. Савинского и И. Н. Шабатина. Члены корпорации, имевшие кандидатские степени, — архимандрит Вениамин (Милова, впоследствии епископ, священник Александр Ветелев, В. С. Вертоградов, Н. П. Доктусов, Н. И. Муравьев, А. В. Ведерников и А. И. Георгиевский, — были утверждены в звании доцента. Это был еще один шаг к устройению серьезной академической жизни по образцу дореволюционных духовных академий.

1946/47 уч. г. закончился первым выпуском 18 воспитанников Московской ДС, а на 1 октября 1947 г. в МДАиС числилось 180 учащихся: 24 студента Академии и 164 воспитанника Семинарии. В конце этого учебного года — в июне — в Академии были успешно защищены две диссертации: докторская — профессором-протоиереем Василием Верюжским, дореволюционным магистром богословия, в прошлом одним из ведущих деятелей иосифлянства, вернувшимся в юрисдикцию Патриархии в 1946 г.⁴⁹², и магистерская — В. С. Вертоградовым⁴⁹³. В последующие годы был защищен еще ряд диссертаций, преимущественно членами корпорации МДА.

Ссылаясь на нехватку профессорско-преподавательского состава, Учебный комитет и Патриарх ходатайствовали через Совет по делам Русской Православной Церкви перед правительством о приглашении из-за границы русских профессоров-богословов: протопресвитера Георгия Шавельского из Болгарии, протоиерея Сергия Четверикова из Чехословакии, профессора С. В. Троицкого из Югославии, профессоров В. Н. Лосского и Н. А. Полторацкого из Парижа. Хотя Г. Г. Карпов ходатайство поддержал, все же оно не получило поддержки в Совете министров. Тем не менее, в мае 1947 г. в МДА из Югославии приехал преподавать канонист С. В. Троицкий⁴⁹⁴.

⁴⁹² Магистерская степень протоиереем В. Верюжским была получена в 1908 г. от Совета СПбДА за диссертацию «Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. Церковно-исторический очерк» (СПб., 1908). Степень доктора церковной истории была присуждена ему за сочинение «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы: Опыт церковно-исторического исследования». Были опубликованы фрагменты этой диссертации: *Верюжский В., прот.* Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // ЖМП. 1948. № 7. С. 23–32; № 11. С. 47–59; № 12. С. 31–44.

См.: Профессор-протоиерей В. М. Верюжский: Некролог // ЖМП. 1955. № 4. С. 9; *Шкаровский М. В.* Верюжский Василий Максимович, протоиерей, профессор ЛДА // ПЭ. Т. VIII. М., 2004. С. 30–31.

⁴⁹³ Магистерская степень была присуждена за диссертацию «Православная Церковь в Галиции в древнейший русский период», одноименную с кандидатской работой В. С. Вертоградова 1916 г. Но это было и нередким случаем в дореволюционных академиях: выпускное кандидатское сочинение дорабатывалось и представлялось в виде магистерской диссертации. Были опубликованы фрагменты этой диссертации: *Вертоградов В. С.* Святые Кирилл и Мефодий — просветители славян: Отрывок из магистерской диссертации // ЖМП. 1989. № 7. С. 24–25; *Он же.* Православная Церковь в Галиции в древнейший русский период // БТ. 1990. Сб. 30. С. 241–278

⁴⁹⁴ *Пушков С.* Начальный период возрождения Московских Духовных школ (1944–1964 гг.). Профессорско-преподавательская корпорация. Дисс. ... канд. богосл. Сергиев Посад, 2002. С. 97.

К лету 1947 г. МДАиС завершила третий учебный год. На тот момент в семинарии обучалось 164 учащихся, в Академии — 24; в состав профессорско-преподавательской корпорации входило 18 человек, в том числе, 7 профессоров и 6 доцентов.

Несмотря на собственные проблемы, МДАиС в первые же годы своей деятельности на новом этапе не была чужда и просветительских мероприятий — разумеется, насколько это было допустимо в условиях советского режима. Так, внебогослужебные беседы, которые проводились членами профессорско-преподавательской корпорации МДАиС в Успенском трапезном храме, были самыми посещаемыми в Москве. Частым посетителем этих лекций с «туманными картинками» был Святейший Патриарх Алексей I.

С назначением протоиерея Николая ректором Академии инспектором стал С. В. Савинский, а должность проректора была упразднена. После внезапной кончины о. Николая (†07.02.1947) Сергей Васильевич в течение девяти месяцев, с 7 февраля по 28 октября 1947 г. исполнял обязанности ректора МДАиС. Он продолжил дело о. Николая по составлению учебных программ и организации внутреннего распорядка в духовной школе, хлопотал о передаче еще одного помещения в Новодевичьем монастыре (Стрелецкого корпуса) и о скорейшем освобождении подвальных помещений под Успенским Трапезным храмом. В этот период своего временного ректорства, 31 июля 1947 г. С. В. Савинский подал прошение Патриарху о рукоположении, которое состоялось 31 августа 1947 г. — он стал настоятелем Успенского храма Новодевичьего монастыря.

Но преемником протоиерея Николая по ректорству МДАиС стал епископ Гермоген (Кожин). Он, как и его предшественник, был из бывших обновленцев. Выпускник (1916) и магистр (1917) дореволюционной КазДА⁴⁹⁵, епископ Гермоген имел давний опыт преподавания — правда, недолгий. Уклонившись в 1928 г. в обновленческий раскол, он, состоя в браке, в 1931 г. был рукоположен во епископа, а в 1934 г. стал «митрополитом Северо-Кавказским и Ставропольским». При воссоединении с Матерью-Церковью 1 февраля 1945 г. он был принят в сане протоиерея, в конце октября того же года разведен с женой, 1 ноября пострижен в монашество и в феврале 1946 г. рукоположен во епископа Казанского и Чистопольского⁴⁹⁶. 28 октября 1947 г. епископ Гермоген был назначен заместителем председателя и временным членом Учебного комитета, а в ноябре того же года — также временным ректором МДАиС с сохранением сана и кафедры. Конечно, Совет по делам Русской Православной Церкви оказывал определенное влияние на подбор кадров в МДАиС — по крайней мере, начальствующих. Возможно, именно этим объясняется привлечение лиц, уклонившихся в обновленческий раскол и лишь недавно присоединившихся к

⁴⁹⁵ В Академию он поступил женатым священником Василием в 1912 г. Магистерская диссертация протоиерея Василия «Русская ультрамонтанская литература в защиту папской системы в сопоставлении с учением христианского откровения и голосом Вселенской церкви» была защищена в 1917 г.; в виде исключения с учетом экстремальной ситуации Совет КазДА принял диссертацию в виде рукописи (см.: *Сухова Н. Ю.* Русская богословская наука... С. 182). Одноименная кандидатская диссертация автора 1916 г. сохранилась в фонде КазДА: НАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1319.

⁴⁹⁶ ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 34. Л. 15.

Московской Патриархии. Тем не менее, все избираемые на начальственные должности были выпускниками дореволюционных Духовных Академий, имели богословские магистерские степени — так что, при дефиците ученых богословских кадров, их опыт был востребован и полезен.

В ноябре 1947 г. Совет Министров СССР передал Московской Патриархии часть зданий в Троице-Сергиевой Лавре, 10 декабря 1947 г. МДА передали традиционное здание Академии — «Чертоги». На следующий день Святейший Патриарх и Священный Синод поручили ректору Академии епископу Гермогену возглавить комиссию по ремонту здания, приспособлению его для нужд учебного заведения и подготовке перевода Московских духовных школ в помещения Лавры.. В состав комиссии, помимо ректора, вошли профессор-протоиерей С. В. Савинский, доцент А. В. Ведерников, Н. И. Муравьев и сотрудник Патриархии С. Н. Филиппов. Масштабные восстановительные работы были завершены к осени 1948 г., 14 октября состоялась официальная приемка здания Правительственной комиссией, архимандрит Вениамин (Милов) совершил освящение «Чертогов», и 19 октября начались занятия: МДА вновь водворилась «у Троицы», у преподобного Сергия. 23 октября 1948 г. посетил возвратившуюся в родные стены Академию — свою alma mater — Святейший Патриарх Алексей I.

Под руководством епископа Гермогена начали закладываться новые учебные и дисциплинарные традиции МДАиС в возвращенной Троице-Сергиевской лавре. В Академии владыка Гермоген читал курс лекций по истории западных исповеданий. К сфере этой профессиональной деятельности относятся сделанный им критический разбор книги Владимира Соловьева «Россия и Вселенская Церковь», разработка темы «Папство и Православная Церковь», ряд статей, опубликованных в Журнале Московской Патриархии — последние, правда, носили не научный, а популярный характер⁴⁹⁷. Представленную епископом Гермогеном докторскую диссертацию на тему «Критический разбор книги В.С. Соловьева «Россия и Вселенская Церковь» на основании учения Восточной Православной Церкви» внешний рецензент — митрополит Григорий (Чуков) — оценил как неудовлетворительную — «дословную перепечатку из сочинений русских авторов и русских переводов»⁴⁹⁸. Однако по указанию Святейшего Патриарха Алексея Совет МДА все же присудил владыке Гермогену ученую степень доктора богословия — за заслуги в деле духовного образования и «по совокупности трудов». Произошло это после того, как в августе 1949 г. Патриарх добился освобождения преосвященного Гермогена от должности ректора МДАиС и заместителя председателя Учебного комитета. Но в целом архиепископ Гермоген сделал на посту ректора немало полезного для укрепления и развития Академии. Об этом говорилось в поздравительных записках митрополита Николая

⁴⁹⁷ См.: Очерки по истории Казанской епархии. История распространения христианства среди татар // ЖМП. 1946. № 7; Зилантов Успенский монастырь // Там же. 1947. № 1; Патриотическая деятельность духовенства Казанской епархии в Отечественных войнах // Там же. № 3 и др. — всего 15 статей.

⁴⁹⁸ Пушков С. Начальный период возрождения Московских Духовных школ... С. 129.

(Ярушевича), инспектора Академии профессора В. С. Вертоградова и доцента Н. П. Доктусова по случаю получения епископом Гермогеном докторской степени⁴⁹⁹.

Преподаватели МДА принимали активное участие в подготовке и работе Сопещения глав и представителей Православных Церквей, состоявшегося в Москве в 1948 г. в рамках празднования 500-летия автокефалии Русской Церкви. И. В. Сталин придавал организации и проведению этого совещания очень большое значение: предполагалось провести в сентябре 1947 г. Предсоборное совещание с целью созыва в Москве Вселенского Собора и присвоения Московской Патриархии титула «Вселенской». Однако Вселенского Собора, на который надеялся Сталин, не получилось: инициатива натолкнулась на сопротивление греческих Церквей, в первую очередь, — Константинопольской, не соглашавшейся с доминирующим значением Русской Церкви в православном мире.

Профессорско-преподавательская корпорация МДА приняла самое деятельное участие и в самом Сопещании. С основным докладом «Пятисотлетний юбилей автокефалии святой Русской Православной Церкви» выступил доцент Н. И. Муравьев; ректор МДАиС архиепископ Гермоген (Кожин) осветил тему «Папство и Православная Церковь»; профессор В. С. Вертоградов сделал сообщение об англиканской иерархии; доцент А. И. Георгиевский — о церковном календаре.

Но, возможно, неудовлетворенность статусом и результатами московского Сопещения повлияла на охлаждение государственно-церковных отношений, что привело к ужесточению режима и для духовных школ, причем быстрее всего — для московских. В 1948 г. был обвинен в «участии в антисоветской организации», арестован и выслан на поселение в Казахстан инспектор МДА архимандрит Вениамин (Миров)⁵⁰⁰. Из этой ссылки архимандрит Вениамин возвратился лишь в 1954 г, но его духовно-учебная деятельность не имела продолжения: в феврале 1955 г. он был хиротонисан во епископа Саратовского и Балашевского и вскоре скончался (†02.08.1955).

В конце того же года был уволен из Академии секретарь Совета доцент А. В. Ведерников. Давление оказывалось на профессора С. В. Троицкого, особенно в связи с конфликтом между советским и югославским руководством, и он вынужден был вернуться в Югославию. В феврале 1949 г. был уволен «по собственному желанию» преподаватель английского языка и Конституции СССР В. А. Сретенский, так как Г. Г. Карпов обвинил его в сообщении студентам «неправильных представлений о Сталинской Конституции»⁵⁰¹. Не остались без внимания и студенты Академии: из их состава были исключены Дмитрий Дудко, будущий протоиерей, и Петр Бахтин. В эти же годы, ссылаясь на декрет от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства, Министерство образования потребовало убрать из программ духовных школ «светские» дисциплины: историю философии, логику, христианскую педагогику и т. п.

Политика «избирательного» террора была «воспитательной мерой» по отношению к остающимся на свободе; дополнялась она тотальным контролем,

⁴⁹⁹ ГА РФ Ф. 6991. Оп. 7. Д. 34. Л. 11–13.

⁵⁰⁰ Елена (Хиловская), мон. Вениамин (Миров) // ПЭ. Т. VII. С. 638.

⁵⁰¹ Катаев А. М. Духовные школы... С. 180.

который был установлен, в частности, через «информаторов» в среде семинарских воспитанников и академических студентов. О попытках подобной вербовки сохранились свидетельства очевидцев⁵⁰². Все это, конечно, серьезно деформировало жизнь и деятельность МДАиС, как духовных школ, и не позволяло значительно увеличить количество студентов. Так, в тяжелом 1948/49 уч. г. из 23 человек, подавших прошения о приеме в Академию, было принято 16: 8 человек без экзамена и 8 человек по экзамену. Вместе с прежними студентами на всех четырех курсах Академии в этом году было всего 37 человек. Из 120 абитуриентов Семинарии в этом же году было принято 43 человека. Таким образом, общее число учащихся в МДАиС в самом конце 1940-х гг. составляло менее 200 человек (в 1948/49 уч.г. — 196)⁵⁰³.

Тем не менее, МДАиС продолжали возрождать в своей деятельности дореволюционные традиции. В конце 1940-х гг. были возобновлены два способа академического признания лиц, известных научной и церковной деятельностью: присуждение степени доктора богословских наук *honoris causa* и избрание в почетные члены Академии. Выше было сказано об избрании доктором богословия за заслуги в деле духовного образования и «по совокупности трудов» епископа Гермогена в 1949 г. Однако еще ранее, 28 декабря 1948 г. Совет МДА принял решение удостоить степени доктора богословия Святейшего Патриарха Алексия. В благодарственной речи Святейший Патриарх высказывал опасение, «как бы... не снизить высокого уровня богословской учености, достигнутого нашими предшественниками». Однако присуждение докторских степеней архиереям, имевшим заслуги в духовном просвещении, тем более выпускникам этой Академии, было дореволюционной традицией, не влиявшей на научную ревность и уровень исследовательских трудов самих корпораций⁵⁰⁴. Возведение в докторские степени случалось и позднее: так, в 1951 г. степень доктора богословия *honoris causa* за совокупность научных трудов Совет МДА дал митрополиту Новосибирскому Варфоломею (Городцеву), выпускнику и кандидату богословия СПбДА (1890)⁵⁰⁵.

Вторым способом высказать особое уважение преподавательской корпорации к церковным деятелям, унаследованным от дореволюционных Академий, было избрание в почетные члены Академии. Так, к 1949 г. почетными членами МДА состояли Святейший Патриарх Алексей и митрополиты Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) и Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков). Но в 1949 г. состав почетных членов заметно увеличился: в это звание были возведены Патриарх Антиохии и всего Востока Александр III, Патриарх-Католикос всея Грузии Каллистрат, Патриарх Сербский Гавриил, Патриарх Румынский Юстиниан, митрополит Пражский и Чешский, Экзарх Московской Патриархии в Чехословакии Елевферий, митрополит Новосибирский и

⁵⁰² См.: *Скурат К. Е.* С 1947 года и... раньше: Воспоминания // Пастырь. 2008. № 2.

⁵⁰³ См.: Годичный акт в Московской Духовной Академии // ЖМП. 1950. № 1.

⁵⁰⁴ См.: *Сухова Н. Ю.* Система научно-богословской аттестации... С. 518–526.

⁵⁰⁵ Кандидатская степень была получена за курсовое сочинение: «Книга Иова (Опыт библейско-психологического обозрения содержания книги)» (см.: *Доктусов Н.* В Московской Духовной Академии и Семинарии // ЖМП. 1951. № 8).

Барнаульский Варфоломей и архиепископ Львовско-Тернопольский и Мукачевско-Ужгородский Макарий⁵⁰⁶.

В 1951–1964 г. МДАиС возглавлял выпускник дореволюционной КДА протоиерей Константин Ружицкий, хорошо образованный богослов, методичный педагог и многоопытный администратор. Благодаря дипломатическому таланту и умению находить компромисс, протоиерею Константину удавалось успешно защищать интересы духовных школ, хотя последние годы его ректорства пришлось на эпоху так называемых «хрущевских гонений», тяжело отразившихся на положении духовной школы. Протоиерей Константин много сделал и для внутренней жизни МДАиС: он сумел организовать правильный распорядок академической и семинарской жизни, при этом у него сложились добрые отношения с преподавателями и студентами. Инспектором Московских духовных школ до своей кончины в 1954 г. оставался протоиерей Сергей Савинский. С уважением выпускники Академии конца 1950-х вспоминали инспектора Академии архимандрита Леонида (Полякова), занимавшего эту должность в 1957–1959 гг. В прошлом врач, экстерном закончивший после войны ЛДА, архимандрит Леонид сочетал в себе любовь, заботу и снисхождение к подопечным с нетерпимостью к лицам случайным и чуждым академической среде.

В 1950-х гг. Академия смогла пополнить преподавательскую корпорацию наиболее талантливыми выпускниками. Так, в 1951 г. в МДАиС начали преподавать выпускники III курса возрожденной Академии иеромонах Сергей (Голубцов) и диакон Константин Нечаев; в 1952 г. — выпускники IV курса В. Д. Сарычнев, иеромонахи Филарет (Денисенко) и Афанасий (Курдюк), М. П. Орлов; в 1954 г. — выпускники VI курса иеромонах Тихон (Агриков), А. П. Горбачев и М. Х. Трофимчук; в 1955 г. — выпускники VII курса К. Е. Скурат, А. Д. Остапов, священник П. Петров, К. М. Комаров, Н. Н. Ричко. Ко второй половине 1950-х гг. из старшего поколения оставались лишь ректор протоиерей Константин Ружицкий, протоиерей Иоанн Козлов, профессора Н. П. Доктусов, Н. М. Лебедев, И. Н. Шабатин и А. И. Георгиевский, доцент М. А. Старокадомский. Таким образом, значительная часть наставников МДАиС была по возрасту не старше 30 лет, не имела преподавательского опыта, что неблагоприятно сказалось на учебном процессе. Повторялась проблема первой половины XIX в., и было принято подобное же решение: с 1954/55 уч. г. на IV курсе Академии были введены практические занятия по педагогике, которые проводил инспектор профессор Н. П. Доктусов.

В начале 1950-х гг. были несколько скорректированы правила поступления в МДА. Абитуриенты из провинциальных семинарий сдавали пять предметов за весь курс духовной семинарии: устно — Священное Писание Нового Завета, догматическое богословие и общую церковную историю; письменно — основное богословие и гомилетику (надо было написать проповедь на предложенную экзаменатором тему). Выпускники 1-го разряда МДС вступительных экзаменов не сдавали, выпускники же, имевшие тройки, сдавали все вступительные экзамены вместе с провинциальными семинаристами.

⁵⁰⁶ См.: Годичный акт в Московской Духовной Академии // ЖМП. 1950. № 1.

Много значила для МДАиС богослужebная жизнь. До конца 1954 г. не удавалось вернуть Покровский академический храм, он продолжал действовать как дворец культуры. Поэтому Всенощное бдение накануне воскресных и праздничных дней, а также все прочие богослужения, кроме Божественной Литургии, совершалось в «чертогах», в нынешнем малом актовом зале. За каждым богослужением произносилась проповедь. Божественную Литургию Академия с Семинарией совершали в Лаврских храмах — зимой в Трапезном, летом — в Успенском. К ранней Литургии студенты ходили единой шеренгой во главе с отцом ректором и инспектором. «Шествие это всегда проходило в каком-то духовном подъеме, тем паче, что всегда с нами были ректор и инспектор. Вообще надо отметить и даже подчеркнуть, что администрация Академии стояла очень близко к студенчеству, и от близости выигрывали все — и сами администраторы, и, конечно, студенты»⁵⁰⁷.

Покровский храм был возвращен Московским духовным школам только в декабре 1954 г., начались активные восстановительные работы, удалось получить из музея при Донском монастыре иконостас XVII в. из храма преподобного Харитона Исповедника в Огородниках. 21 мая 1955 г. Покровский храм был освящен Святейшим Патриархом Алексием I. Тогда же духовным школам был возвращен четырехэтажный учебный корпус, примыкающий к Царским чертогам, что позволило нормализовать учебный процесс.

В середине 1950-х гг. среди верующей молодежи заметно возросло стремление к пастырскому служению, и прием в семинарии, в том числе, в Московскую, удалось заметно увеличить. В Московских духовных школах, которые сосредоточили у себя лучшие педагогические силы, обучалось самое большое число студентов: в 1956/57 уч. г. — 146 в Семинарии и 99 в Академии, через 2 года — уже 169 и 106 соответственно.

В конце 1950-х первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев (1953–1964) начал антирелигиозную кампанию, и скоро это сказалось на положении Московских духовных школ. Начались проблемы с пропиской студентов в Лавре, в 1962 г. были обнаружены несколько учащихся, живших без прописки в студенческом общежитии, и архимандриты Пимен (Хмелевский) и Питирим (Нечаев) были привлечены за нарушение положения о паспортах.

Однако антирелигиозная политика СССР вызвала осуждение за границей, и советскому руководству пришлось привлечь церковных лиц для возобновления международных контактов. Преподаватели МДАиС стали делегироваться на международные богословские конгрессы, иностранные делегации допускались в Московские духовные школы, Академии разрешили принимать студентов из разных стран. Под предлогом подготовки высокообразованных кадров для международной деятельности в 1963/64 уч. г. при МДА удалось открыть аспирантуру, заведовать которой стал игумен Филарет (Вахромеев).

Знаменитое заявление Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС, что в 1980-м гг. в России увидят «последнего советского попа», неизбежно должно было сказаться на положении духовных школ и, прежде всего, Московских. Однако «пророчество» не оправдалось, и в день отстранения Хрущева от власти в 1964 г. МДА отметила 150-

⁵⁰⁷ *Скурат К. Е.* С 1947 года и... раньше: Воспоминания // Пастырь. 2008. № 2.

летие своего пребывания в Троице-Сергиевой Лавре (1814–1964) и 20-летие возрожденных Московских духовных школ (1944–1964). Можно было подвести некоторые итоги этого 20-летия: было совершено 16 выпусков МДА общей численностью 279 человек и 18 выпусков МДС общей численностью 499 человек.

В 1964 г. Московские духовные школы потеряли своего многолетнего ректора протоиерея Константина Ружицкого. Короткое время — менее двух лет (1964–1966) — Академию и Семинарию возглавлял епископ Филарет (Денисенко), а 14 мая 1966 г. новым ректором стал епископ Дмитровский Филарет (Вахромеев). Под его руководством протекала вся деятельность Московских духовных школ во второй половине 1960-х и в начале 1970-х гг. Инспектором в эти годы был архимандрит Симон (Новиков), а костяк профессорско-преподавательской корпорации составляли епископ Питирим (Нечаев), протоиереи Иоанн Козлов, Александр Ветелев, Андрей Сергеенко, Алексей Остапов; иеромонах, потом игумен Марк (Лозинский); профессора А. И. Георгиевский, И. Н. Шабатин, Д. Огицкий, В. Талызин, К. Е. Скурат.

Возрождение академической библиотеки, без которой была невозможна деятельность духовных школ, возглавил заведующий В. М. Волков, выпускник Тобольской ДС. Церковно-археологический кабинет, основанный в 1951 г. по инициативе профессоров и при попечении Святейшего Патриарха Алексия I, активно пополнялся русскими и византийскими иконами, другими предметами церковного искусства, картинами известных художников на религиозные сюжеты.

Святейший Патриарх и в 1960-х гг., несмотря на преклонные годы, посещал академию в актовые дни на Покров Божией Матери, присутствовал на Филаретовских вечерах, ставших по его почину академической традицией.

В 1970–80-х гг. из жизни уходили последние профессора, получившие дореволюционное богословское образование. На протяжении трех десятилетий после возрождения в МДАиС традицию хранили восемь выпускников дореволюционной МДА: профессора-протоиереи Димитрий Боголюбов (1894) и Вениамин Платонов (1910), доцент М. Н. Виноградов (1912), доцент-протоиерей Николай Никольский (1913), преподаватель И. Н. Миловидов (1913), доцент-протопресвитер Николай Колчицкий (1914), профессора-протоиереи Константин Ружицкий (1916) и Иоанн Козлов (1918), а также окончивший три курса Академии в 1917 г. преподаватель-протоиерей Андрей Расторгуев и завершивший высшее богословское образование в 1920 г. профессор-архимандрит Вениамин (Милов). Кто-то из них был долгим членом корпорации возрожденных Московских духовных школ, как протоиерей Константин Ружицкий, кто-то преподавал год-другой, как протоиерей Андрей Расторгуев. Но, подводя итог деятельности этой плеяды, можно констатировать, что, несмотря на крайне непростое существование Московских духовных школ при советской власти, удалось возродить традицию «Академии у Троицы».

Немалое значение для правильного устройства МДАиС имело и участие выпускников других дореволюционных духовных академий. СПбДА (ПгДА) в корпорации возрожденных Московских духовных школ представляли пятеро ее выпускников: профессора Н. М. Лебедев (1900) и С. В. Троицкий (1901), профессор-протоиерей Александр Смирнов (1913), профессор А. И. Иванов (1915),

профессор-протоиерей Николай Чепурин (1916). Еще четыре члена московской духовно-учебной корпорации окончили в свое время КДА: ректор протоиерей Тихон Попов (1900), проректор и инспектор С. В. Савинский (1900), профессора Н. И. Муравьев (1915) и М. А. Старокадомский (1914). Наконец, свой вклад в восстановление московской академической традиции внесли три выпускника старой КазДА: профессор Н. П. Доктусов (1907), ректор епископ Гермоген (Кожин) (1916) и профессор протоиерей Александр Ветелев (1917)⁵⁰⁸.

В первой половине 1970-х гг., как и прежде, был жестко ограничен прием в духовные школы, в дальних епархиях приходилось рукополагать преимущественно лиц, не имевших никакого школьного церковного образования. Поэтому большое значение имел открытый в 1964 г. заочный сектор при МДА, через который проходила основная часть духовенства.

18 апреля 1973 г. ректором МДАиС вместо переведенного на должность экзарха Центральной Европы архиепископа Филарета (Вахромеева) был назначен епископ Дмитровский Владимир (Сабодан). В этой должности он оставался до 1982 г. В середине 1970-х гг. удалось добиться от Совета по делам религий и местных властей разрешения на расширение помещений МДАиС, что позволило увеличить прием студентов, а также открыть регентский класс для девушек, преобразованный в 1985 г. в Регентскую школу.

С конца 1970-х гг. Московские духовные школы получили возможность принимать на преподавательские должности лиц с университетским гуманитарным образованием, получивших познания в области церковных наук самообразованием. И хотя это несколько нарушило однородность преподавательской среды (коренные преподаватели — выпускники МДАиС — называли этих коллег «варягами»), свежие силы позволили поднять качество преподавания в Академии. Многие из этих преподавателей в дальнейшем сдали экзамены за полный курс Семинарии и Академии и стали полноправными преподавателями духовной школы.

В 1982 г. ректором МДАиС стал возведенный в сан епископа Дмитровского Александр (Тимофеев), бывший в течение многих лет инспектором Академии. Значительным событием в истории МДА этого периода стало празднование 300-летия учреждения Славяно-греко-латинской Академии и приуроченная к этому празднованию конференция, проведенная в декабре 1985 г. Материалы конференции удалось издать в юбилейном выпуске «Богословских трудов»⁵⁰⁹, что было чрезвычайно важно и для укрепления научного авторитета МДА, и для свидетельства верности духовно-учебному преданию.

Годом позже в Московских духовных школах произошло большое бедствие: при пожаре, произошедшем в ночь с 27 на 28 сентября 1986 г., на Воздвижение креста Господня, погибло 5 студентов Семинарии, сгорела часть зданий, был поврежден академический храм. Это событие, особенно в преддверии 1000-летия Крещения Руси, переживалось всей Русской Церковью как знак Божий, побудивший многих верующих жертвовать на восстановление поврежденных

⁵⁰⁸ См.: *Светозарский А. К.* Участие «киевлян» в возрождении Московских духовных школ // ТКДА. 2010. № 13. С. 318–331.

⁵⁰⁹ См.: *Богословские труды. Юбилейный сборник. Московская Духовная Академия: 300 лет (1685–1985).* М., 1986.

помещений. Оказали помощь и государственные власти: Московским духовным школам были переданы занятые под больницу примонастырские строения с храмом св. Иоанна Лествичника, куда после завершения восстановительных работ удалось перевести часть Духовной Семинарии.

Очередным рубежом подведения итогов МДАиС стало широко отпразднованное в 1988 г. 1000-летие Крещения Руси. За 1971–1987 гг. очное отделение МДС закончило 1205 человек, 937 священников и диаконов закончили Семинарию заочно; полный стационарный курс МДА прошли 355 выпускников, заочный — 338. Степень кандидата богословия за эти годы получили 473 выпускника Академии, 20 ученых-богословов защитили магистерские диссертации, 9 были удостоены ученой степени доктора богословия или церковной истории. Преподавательская корпорация МДАиС к этому времени насчитывала 11 профессоров, 9 доцентов и 63 преподавателя.

Но, характеризуя на юбилейном Поместном Соборе 1988 г. состояние духовного образования, председатель Учебного комитета и ректор МДАиС архиепископ Александр отметил серьезную проблему: уровень преподавания, который должен отвечать высоким требованиям современности, но несмотря на несомненные положительные сдвиги последних лет, продолжает вызывать озабоченность

Московские духовные школы в 1989–2012 гг.

После празднования 1000-летия Крещения Руси в церковно-государственных отношениях начались кардинальные изменения: Русская Православная Церковь получила определенный правовой статус, значительно повысилась ее роль в жизни государства и общества. Эти изменения не могли не коснуться и системы духовного образования в целом, и Московских духовных школ. Значительным явлением после 1988 г. стало поступление в Семинарию лиц с высшим образованием (раньше для этого требовалась «трудовая отработка»). К середине 1990-х гг. выпускники высших учебных заведений составили до четверти всех поступающих в МДС. При МДАиС удалось создать иконописную школу.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1989 г. обратил особое внимание на необходимость «перемен во всей системе духовного образования»: переход к духовной школе нового исторического этапа; получение каждым пастырем Церкви высшего богословского образования, то есть, преобразование духовных семинарий в высшие учебные заведения; развитие Академий как центров научно-богословской деятельности и подготовки церковных кадров для особых служений, в том числе, для преподавания в духовных школах

Но в этот проект внесла свои коррективы окружающая обстановка, ситуация в стране и обществе. Государственные проблемы начала 1990-х гг., распад огромной многонациональной страны, разрыв вековых связей и страдания людей, кризис официальной идеологии, используемый сектантами, шарлатанами, носителями псевдодуховности, приводили, с одной стороны, к деградации общественной нравственности. С другой стороны, это время знаменовалось небывалым духовным подъемом, вхождением в Церковь миллионов людей. Русская Церковь, получившая доверие многих соотечественников, должна была

строить свою деятельность в новых условиях, отвечая на вызовы времени и открывая людям великую истину христианства. Особая ответственность падала в этой ситуации на духовные школы.

30 ноября 1990 г. Святейший Патриарх Алексей II, избранный на Патриаршество, обратился к преподавателям МДАиС с речью об актуальных проблемах богословского образования, в которой отметил новые тенденции в пастырском служении: необходимую вовлеченность в социальную церковную работу, катехизацию взрослых и религиозное воспитание детей, преодоление создавшегося дефицита духовности. Подготовка таких пастырей должна стать главной задачей МДС на современном этапе

В начале 1990-х гг. по благословению Святейшего Патриарха Алексея II было начато изменение учебного плана и программ МДС; были введены новые дисциплины: патрология, введение в философию, церковное право, церковное искусство, история России, история религий, организация приходской жизни.

С 1992 по 1995 г. МДАиС возглавлял епископ Дмитровский Филарет (Карагодин), его преемником стал епископ Верейский Евгений (Решетников), стоявший с 26 февраля 1994 г. во главе Учебного комитета при Священном Синоде. Соединение в одном лице председателя Учебного комитета и ректора МДАиС возлагало на Московские духовные школы особую ответственность и позволяло привлекать корпорацию к обсуждению не только актуальных проблем высшего и среднего духовного образования, но и перспектив его развития. Костяк преподавательской корпорации Московских духовных школ составляли в эти годы профессора, получившие образование в 1950–1970-х гг.: архимандриты Макарий (Веретенников), Матфей (Мормыль), Платон (Игумнов), К. Е. Скурат, К. М. Комаров, М. С. Иванов, Б. А. Нелюбов, А. И. Осипов. Значительным подспорьем в деле духовного образования стало начатое в 1994 г. преподавателями Московских духовных школ полноценное типографское издание учебных пособий по ряду дисциплин для академий и семинарий.

Развитие духовного образования стало одной из главных тем Архиерейских Соборов 1994 и 1997 гг. Параллельно на протяжении нескольких лет работала образованная Священным Синодом специальная группа во главе с епископом Верейским Евгением, главной задачей которой была выработка новой концепции богословского образования. Эта концепция была утверждена Священным Синодом 31 декабря 1996 г. Согласно этой концепции духовные семинарии должны были стать высшими образовательными заведениями, дающими основное богословское образование, завершающееся написанием дипломных работ. Успешная защита этих дипломов предполагала присуждение степени бакалавра. Духовные академии должны были готовить преподавателей духовных учебных заведений и научных работников по конкретным научным специальностям: библеистике, догматике, церковной истории, каноническому праву, литургике и т. д. Это предполагало введение в академиях отделений или факультетов. Академический курс предполагалось разделить на две ступени: первая трехлетняя ступень связывалась с написанием и защитой кандидатской диссертации, вторая двухлетняя ступень — магистерской. Квалификация кандидата богословия позволяла преподавать в духовной семинарии, магистра богословия — в академии.

В 1997 г. Священный Синод утвердил разработанные Учебным комитетом проекты типовых уставов Академии и Семинарии и новый пятилетний типовой учебный план Духовной Семинарии.

МДАиС первыми должны были опробовать новые идеи, выявить их сильные и слабые стороны, предложить разумные коррективы разработанных проектов. Еще в 1996 г. в рамках образовательной реформы МДАиС, а также московские Регентская и Иконописные школы получили образовательные лицензии Министерства образования, что позволило МДС с 1998/99 уч. г. перейти на утвержденный учебный план. Благодаря реформе в учебный план Семинарии были включены новые предметы: миссиология, история Поместных Церквей, церковное искусство, апологетика, пастырское богословие и византология.

Естественным продолжением реформы семинарского образования был переход в 2003 г. МДА на трехлетний срок обучения по четырем отделениям: богословскому, библейскому, историческому и церковно-практическому. Значительное время в академическом образовании было выделено на специализированные и авторские курсы, отражавшие лучшие достижения церковной науки и актуальную проблематику церковной жизни.

В МДА было организовано пять кафедр: богословская, библейская, церковно-историческая, церковно-практическая и филологическая, которые должны были стать не только центрами академических отделений, но и церковными научными центрами по соответствующим направлениям.

Нетрудно видеть связь разработанного в 1990-х гг. проекта Духовной Академии с проектом Нормального Устава 1917–1918 гг.: для специального изучения выделялись те же направления, хотя, разумеется, прошедшие 80 лет внесли свои коррективы в состав дисциплин⁵¹⁰.

В МДАиС была усилена научно-координационная работа на всех уровнях деятельности, усилено значение Ученого совета как научно-коллегиального органа. На новом уровне были выстроены внешние контакты с зарубежными церковными и светскими научными центрами. Наиболее одаренные студенты и преподаватели Академии получили возможность проходить специализацию в крупнейших зарубежных вузах; были подписаны соответствующие договоры с богословскими факультетами Софийского, Афинского и Фессалоникийского университетов.

В 1990-х гг. возобновилась издательская деятельность МДАиС. В 1993 г. была предпринята попытка возрождения периодического органа МДА — «Богословского вестника». Удалось составить и издать 1-й номер в трех выпусках; затем — 2-й номер, уже в 1999 г. Попытки возрождения «Богословского вестника» были продолжены в 2003 г. Структура журнала в основном следовала плану дореволюционного «Богословского вестника»: переводы древних авторов; исследования и научные статьи по богословским, философским и историческим наукам; публицистический материал, посвященный образованию и другим вопросам современности; воспоминания, проповеди, слова и речи; библиографические материалы; а также протоколы Совета и отчеты, отражающие внутреннюю жизнь Академии. Однако дореволюционная ежемесячная

⁵¹⁰ Ср.: Нормальный Устав Православных Духовных Академий. § 123 (ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 382. Л. 76).

периодичность была сочтена слишком трудоемкой и, возможно, не совсем оправданной ввиду обилия других научных журналов, в которых публиковались труды членов преподавательской корпорации и выпускники МДА, и интернет-порталов, на которых публиковались оперативные материалы. Поэтому периодичность журнала решено было определять «количеством поступающего материала», а также активностью и заинтересованностью профессоров и преподавателей МДАиС⁵¹¹. Нумерацию журнала было решено продолжить, учитывая два номера, вышедшие в 1993–1999 гг. В 2003 г. был издан № 3, в 2010 г. — юбилейный № 9/10.

В 1996 г. по благословению Святейшего Патриарха Алексия II был основан студенческий журнал «Встреча». Инициаторами издания были сами студенты, днем рождения журнала знаменательно стал праздник Сретения Господня (2 (15) февраля). Редакция журнала, объясняя читателям выбранное название и главное предназначением журнала, писала в первом номере: «Встреча есть принцип жизни, и больше, это — начало жизни. Когда встречаются, душа всегда открыта, открыта в чистоте и любви. Открытость души это ее молодость, это дар Божий»⁵¹². За 16 лет вышел 21 номер журнала (31-й номере был приурочен к покрову Пресвятой Богородицы, празднику Академии). Круг читателей, в котором публикуются статьи на актуальные темы, интервью, размышления по поводу главных проблем, волнующих молодых людей, включил в себя не только студентов духовных школ, но людей разного возраста и статуса. Многие номера журнала стали библиографической редкостью, и редакция открыла одноименный сайт, на котором выкладываются не только опубликованные номера журнала, но и некоторые неопубликованные материалы⁵¹³. Кроме того, это дало возможность живого обсуждения материалов журнала и проблем церковной жизни и духовного образования.

В 2003 г. была расширена национальная палитра студентов Академии: она стала принимать на обучение студентов из Китая, Кореи, Индонезии.

В 2005 г. МДА праздновала 320-летие. Программа торжества была максимально нацелена на привлечение внимания государственных структур и российской общественности и светских научных кругов к вкладу Русской Православной Церкви в целом и Московских духовных школ в создание в России высшей школы. С этим вкладом контрастировала реальность: являясь старейшим высшим учебным заведением России, МДА не имела государственного признания как высшее учебное заведение. Для этого предполагалось рассмотрение различных сторон деятельности МДА на протяжении всего периода ее существования, от школы братьев Лихудов до последнего преобразования 1998–2003 гг. В рамках программы был проведен ряд научных конференций и семинаров, осуществлены издания, посвященные истории МДА. Так, 6–7 декабря 2004 г. в МДА и Московском государственном университете была проведена совместная научная

⁵¹¹ Евгений, архиепископ Верейский. Вступительное слово главного редактора «Богословского вестника», ректора МДАиС // БВ. 2003. № 3. С. 7–13.

⁵¹² Встреча. 1996. № 1(1). С. 1.

⁵¹³ <http://www.vstrecha-mpda.ru/>

конференция на тему «Московский государственный университет и Московская духовная академия: 250 лет совместного служения России».

В 2006 г. состоялся первый выпуск реформированной МДА. Требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям выпускников Академии были повышены и в целом приведены в соответствие с требованиями к диссертациям соответствующего уровня в светских научных и высших учебных заведениях: кандидатские диссертации стали проходить апробацию в виде предзащит на кафедре и обязательной публикации автореферата и «апробационных» статей по теме исследования на портале Богослов.ru. Кульминацией процесса стала официальная защита перед диссертационным советом, в состав которого включались все профессора и доценты МДА, а также приглашенные специалисты по тому или иному вопросу из других учебных и научных заведений. Характерной чертой защит кандидатских диссертаций стало привлечение внешних оппонентов, позволившее преодолеть прежнюю замкнутость и излишнюю снисходительность.

В эти же годы МДА проявила инициативу в создании единой базы кандидатских, магистерских и докторских диссертаций, защищаемых во всех высших духовных школах, а также в разработке единой автоматизированной системы управления информационными процессами системы духовного образования. Значительную роль в этом должен был играть научно-богословский портал Богослов.ru, уже показавший высокую эффективность при открытом обсуждении как авторефератов диссертаций и апробационных статей, так и других научных публикаций. Наличие обширной справочной и библиографической информации на портале способствовало и способствует формированию открытой научной богословской среды, без которой невозможно развитие богословия как науки.

В жизни и деятельности МДАиС открылись и новые перспективы в упрочении своего положения в государственной научно-образовательной системе: подписание Президентом России 28 февраля 2008 г. поправок в действующее законодательство предоставляло возможность государственной аккредитации духовно-учебных заведений, реализующих учебные программы образовательного стандарта «Теология» и получения выпускниками духовных школ дипломов государственного образца. МДАиС одной из первых начала работу в этом направлении.

Однако во второй половине 2000-х гг. российское духовное образование, в том числе, МДАиС приблизилось к новой реформе — включению в Болонский процесс, то есть, реализацию новой образовательной модели, разработанной европейскими образовательными институтами и принятой европейскими министрами образования в Болонской декларации 1999 г. В основу Болонской декларации были положены двенадцать основных задач по формированию единого высшего европейского образования: 1) введение в области высшего образования общепонятных, соотносимых квалификаций; 2) переход на двухуровневую систему высшего образования: бакалавриат и магистратуру; 3) введение оценки трудоемкости в терминах зачетных единиц и отражение учебной программы в приложении к диплому единого образца; повышение мобильности студентов, преподавателей и административного персонала; 4) обеспечение необходимого

качества образования; 5) взаимное признание квалификаций и соответствующих документов в области высшего образования; 6) обеспечение автономности вузов; 7) введение послевузовского уровня в общую систему высшего образования в качестве третьего уровня; 8) придание «европейского измерения» высшему образованию, ориентация его на общеевропейские ценности; 9) повышение привлекательности, конкурентоспособности европейского образования; 10) реализация социальной роли высшего образования; 11) обеспечение доступности высшего образования; 12) развитие обучения в течение всей жизни.

За основу Болонской образовательной модели была принята многоуровневая англо-саксонская модель высшего образования, состоящая из двух ступеней: бакалавриата и магистратуры. Главной задачей бакалаврской ступени является базовое образование и обучение основам и навыкам самообразования, она дает студенту базовые знания, ориентирует в направлениях наук и является основой для получения профессионального образования. В магистратуре студенты получают профессиональные знания для научной работы, преподавания, специальной профессиональной деятельности.

Эти изменения в мировой и российской образовательных системах затронули и российское духовное образование. 2 февраля 2010 г. в выступлении на Архиерейском совещании Святейший Патриарх Кирилл выделил «завершение реформирования системы духовного образования» в качестве одной из приоритетных задач⁵¹⁴. В преддверии перехода на Болонскую систему были выделены две цели духовного образования: подготовка пастырей и подготовка специалистов в различных областях богословских знаний. Сочетая эти цели с болонской системой, семинария должна теперь готовить пастырей со степенью бакалавра, обладающих навыками, необходимыми для приходской деятельности, давать базовые богословские знания, погружать в систему понятий, усваивать определенный образ мышления и воспитывать служителей Церкви. После бакалавриата тем, кто хочет немедленно идти на приход, предстояло углубленное освоение круга пастырских и практических дисциплин (в течение пятого года обучения)⁵¹⁵. На уровне же магистратуры студент должен научиться мыслить самостоятельно, творчески применять знания для дальнейшей научно-богословской деятельности и преподавания богословия, что, разумеется, не исключает принятия священного сана. На этом уровне предполагается усиление связи между студентом и научным руководителем», а также усиление самостоятельной работы, для которой предстоит разработать соответствующие учебные программы, методические указания и систему контроля⁵¹⁶.

⁵¹⁴ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2010 г. в Храме Христа Спасителя (<http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html> — обращение 18.07.2012)

⁵¹⁵ Выступление первого заместителя председателя Учебного комитета Русской Православной Церкви архимандрита Кирилла (Говоруна) на заседании Комиссии по вопросам духовного образования и религиозного просвещения Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви 14 мая 2010 г. в Киеве (http://www.uchkom.info/index.php?option=com_content&view=article&id=144:2010-08-06-10-59-43&catid=4:abi&Itemid=6 — обращение 18.07.2012.).

⁵¹⁶ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 2 февраля 2010 г. в Храме Христа Спасителя (<http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html> — обращение 18.07.2012)

Возможности и перспективы внедрения Болонской системы в систему духовного образования стали постоянной темой обсуждений и дискуссий, в которых преподаватели МДАиС, как столичных духовных школ, принимали особенно активное участие. Вместе с тем принимались и вполне конкретные решения. Так, 22 марта 2011 г. на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви был принят ряд документов регламентирующих учебный процесс в семинариях и академиях Русской и Украинской Православных Церквей: «Концепция реформирования системы духовного образования», «Бакалаврская программа духовных учебных заведений», «Магистерская программа духовных учебных заведений», «Положение об ученых званиях и штатных должностях», «Положение об итоговых и научно-квалификационных работах (диссертациях) в системе духовного образования». К их разработке также были привлечены некоторые члены корпорации МДАиС.

В 2010/11 уч. г. МДАиС перешла на новую систему: Московские духовные школы стали теперь трехступенчатой Академией, состоящей из бакалавриата (4 года), магистратуры (2 года) и аспирантуры (очной — 3 года, заочной — 4 года). Было создано подготовительное отделение, в рамках которого выпускники семинарий, не обладающие достаточными знаниями, прежде всего, иностранных языков, древних и новых, могут восполнить эти пробелы для поступления в магистратуру МДА. Научную работу, которая в рамках преобразования приобрела особое значение, в МДАиС возглавляет проректор по научно-богословской работе, и с 2010 г. на эту должность был назначен доцент протоиерей Павел Великанов. Учебный процесс и учебно-методическую работу организует один из ветеранов Академии проректор по учебной работе с 1983 г. заслуженный профессор М. С. Иванов⁵¹⁷.

В рамках новой системы чрезвычайно важно сохранить традиции российской духовной школы, как школы подготовки пастырей и служителей Церкви на иных поприщах, в том числе и воспитательные. Общее руководство воспитательной работой в МДА осуществляет проректор по воспитательной работе, с 2003 г. на этой должности находится игумен Вассиан (Змеев). Для облегчения адаптации бакалавров в Академии был создан институт тьюторов, которые заботятся также о духовно-нравственном воспитании и церковно-культурном развитии новых студентов. Руководство этим институтом было поручено старшему наставнику О. А. Суханову, при общем кураторстве проректора по воспитательной работе⁵¹⁸.

С 2012/13 уч. г. стала выпускающей кафедра филологии МДА: на ней появилось отделение христианской литературы, которое предполагает готовить специалистов в области греческой и латинской письменности, специалистов по русской литературе (включая славянскую), а также по христианской литературе на восточных языках (сирийском, армянском, коптском и пр.). В 2012/13 уч. г. Ученый Совет МДА решил открыть в рамках этого отделения профиль греческой христианской письменности. С этого же года в МДА открыто отделение истории церковного искусства. Таким образом, в Академии действует 7 профилей, на

⁵¹⁷ <http://www.mpda.ru/info/structure/> — обращение 20.07.2012)

⁵¹⁸ <http://www.mpda.ru/tutor/> — обращение 20.07.2012)

которые могут поступать выпускники духовных семинарий: богословский, библейский, церковно-исторический, пастырско-канонический, литургический, греческой христианской письменности и истории церковного искусства⁵¹⁹.

Еще одной важной новизной этого года стало открытие при магистратуре МДА подготовительного отделения, основной целью которого должно стать углубленное изучение древних языков (греческого и древнееврейского для библеистов, греческого и латинского для остальных отделений). Таким образом, выпускники духовных учебных заведений, в достаточной мере не овладевшие языками и некоторыми базовыми знаниями, смогут значительно повысить свой языковой и филологический уровень.

* * *

Подводя итог историческому 327-летнему пути Московской духовной академии, следует еще раз обратить внимание на колоссальный вклад, внесенный этой школой в становление и развитие духовной школы, отечественного образования в целом, в богословскую науку.

Но Московская Академия имеет не только здешние, земные заслуги, ее плодом является и сонм святых — профессоров и выпускников Академии, свидетельствующих пред лицом Божиим о том, что Академия воспитывала и обучала своих выпускников как теоретически, так и практически

Собор святых МДА формировался постепенно. Еще до своего прославления особо почитался выпускник и преподаватель Троицкой семинарии, многолетний покровитель Академии и всего русского богословия митрополит Московский святитель Филарет (Дроздов) († 1867). С 1994 г. это почитание подтвердилось причислением святителя к сонму святых Русской Православной Церкви. Из преподававших еще в Славяно-греко-латинской Академии еще в 1804 г. прославлен префект Академии святитель Иннокентий Иркутский († 1731), а в 2000 г. к лику святых причислен святитель Иннокентий Пензенский († 1819).

Прославлены ректоры Академии святители Филарет Киевский (Амфитеатров; в схиме Феодосий) († 1857) (с 2005 г. имя внесено во всероссийский месяцеслов) и Филарет Черниговский (Гумилевский) († 1866) (в 2009 г. причислен к лику местночтимых святых Черниговской епархии).

Доказательством истинной жизненности богословия — жизненности во Христе — стал подвиг новомучеников и исповедников Российских, в сонм которых вошло немало профессоров, выпускников и студентов Академии.

Причислены к лику святых представители профессорской корпорации: профессор и инспектор Академии священномученик Анатолий (Грисюк) († 1938), митрополит Одесский, инспектор и и. д. ректора священномученик Иларион (Троицкий) († 1929), архиепископ Верейский; священномученики протоиереи Александр (Туберовский), Димитрий (Лебедев), Илья (Громогласов), Иоанн (Артоболевский), Иоанн (Смирнов), Сергей (Голощапов); профессор мученик Иоанн (Попов) († 1938).

В сонм святых ныне входят выпускники Академии священномученики Петр (Полянский) († 1937), митрополит Крутицкий, и Евгений (Зернов) († 1937),

⁵¹⁹ <http://www.mpda.ru/abitur/a/> — обращение 20.07.2012)

митрополит Нижегородский; святители Агафангел (Преображенский) († 1828), митрополит Ярославский и Николай (Могилевский) († 1955), митрополит Алма-Атинский. Особо почитается выпускник Академии священноисповедник Афанасий (Сахаров) († 1962), епископ Ковровский.

Подвиг новомучеников совершили выпускники Академии священномученики Фаддей Тверской (Успенский), Андроник Пермский (Никольский), Павлин Могилевский (Крошечкин), Александр Семипалатинский (Щукин), Димитрий Можайский (Добросердов), Николай Владимирский (Добронравов), Серафим Смоленский (Остроумов), Сергей Елецкий (Зверев), Василий Прилукский (Зеленцов), Вениамин Романовский (Воскресенский), Серафим Дмитровский (Звездинский), Дионисий Измаильский (Сосновский) Вассиан Тамбовский (Пянницкий), Игнатий Скопинский (Садковский), Никита Орехово Зуевский (Делекторский).

Целый ряд выпускников пострадали за Христа, будучи протоиереями, иереями, монашествующими: исповедник преподобный Леонтий Михайловский (Стасевич) и преподобномученик Серафим (Тьевар).

Среди выпускников МДА есть и святые, новомученики XX в. других поместных Церквей. Священномучеником Сербской Церкви является святой Платон Банялукский (Соколович) окончивший МДА в 1901 году.

Список святых МДА, составленный к юбилею 2010 г., включил в себя 65 имен⁵²⁰. Несомненно, состав Собора святых Московской Духовной Академии будет пополняться. Ставится вопрос об особом образе и возможном празднике этого Собора⁵²¹. Но независимо от решения этого вопроса святые Академии, их молитвы, связь с ними помогает всем ныне начальствующим, учащим и учащимся воспринимать опыт жизни во Христе, чувствовать святость Академии.

⁵²⁰ См.: Собор святых Московской Духовной Академии: материалы к истории создания нового иконописного образа / Со ступ. статьей игум. Луки (Головкова) // БВ. 2010. № 9/10 (юбилейный выпуск). С. 1069–1083.

⁵²¹ См.: Там же. С. 1068–1069.